

ПУШКИНЪ.

ПУШКИНЪ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Материалы и изслѣдованія.

Выпускъ IV.

Современное издание Комиссии для издания сочинений Пушкина при
Отдѣлении Русского языка и словесности Императорской Академии
Наукъ.

С.-Петербургъ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Бас. Остр., 9 лин., № 12.

1906.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1906 года.
Непремѣнныи Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Пушкинская коллекция, принесенная въ даръ библиотекѣ Академіи Наукъ А. А. Майковой, В. И. Срезнев- скаго	1—38.
Собрание автографовъ Пушкина, принесенное въ даръ ру- кописному отдѣленію библиотеки Императорской Академіи Наукъ Е. А. Масальской-Суриной (рожд. Шахматовой), В. И. Срезневского	39—46.
Къ литературной исторіи «Исторіи села Горохина», В. В. Сиповскаго	47—58.
«Русланъ и Людмила» (Къ литературной исторіи поэмы). В. В. Сиповскаго	59—84.
Къ исторіи «Современника» (Письма В. А. Жуковскаго къ С. С. Уварову). Вадима Модзалевскаго	85—89.
Василій Петровичъ Зубковъ и его Записки. Б. Л. Мод- залевскаго (съ портретами и рисунками)	90—186.
Григорій Александровичъ Пушкинъ. Личные воспоминанія. Ю. М. Шокальскаго (съ портретомъ)	187—195.
Замѣчанія и поправки Е. Г. Вейденбаума и Г. А. Трой- ницкаго	196.
Указатель	197—210.

**Пушкинская коллекция,
принесенная въ даръ библіотекѣ Академіи наукъ
А. А. МАЙКОВОЙ.**

Въ 1904 году рукописное отдѣленіе библіотеки Академіи наукъ обогатилось цѣннѣйшимъ собраніемъ автографовъ Пушкина, принесеннымъ въ даръ Академіи вдовой покойнаго Леонида Николаевича Майкова Александрой Алексѣевной Майковой. Это собраніе, вмѣстѣ съ присоединенной къ нему тѣмъ же лицомъ коллекціей книгъ и гравюръ, имѣющихъ отношеніе къ Пушкину, положило основаніе новому отдѣлу рукописнаго отдѣленія, названному по постановленію конференціи Академіи Пушкинскимъ отдѣломъ имени Л. Н. Майкова.

Даръ А. А. Майковой можетъ быть раздѣленъ на слѣдующія шесть частей: 1) Автографы Пушкина; 2) Переписка; 3) Копіи его произведеній; 4) Изображенія Пушкина, портреты лицъ, съ которыми онъ находился въ сношеніяхъ, снимки картинъ и виды мѣстностей, такъ или иначе касающихся Пушкина; 5) Изданія сочиненій Пушкина; 6) Литература о Пушкинѣ. Въ настоящее описание введены только отдѣлы 1-ый, 2-ой и 3-ий.

При передачѣ въ библіотеку своего дара жертвова-

тельница поставила условіемъ, чтобы право перваго пользованія Пушкинскими матеріалами и опубликованія ихъ принадлежало Академіи наукъ и чтобы опубликованіе это произошло въ академическомъ изданіи Сочиненій Пушкина, начатомъ Леонидомъ Николаевичемъ Майковымъ. Въ виду этого въ представляемомъ ниже обозрѣніи коллекціи дано только сухое и краткое виѣшнее описание каждой рукописи безъ приведенія какихъ бы то ни было выписокъ изъ неизвѣстныхъ текстовъ или новыхъ вариантовъ къ текстамъ извѣстнымъ. Виѣшнее описание дало, впрочемъ, нѣсколько разъ поводъ къ невольнымъ поправкамъ въ хронологіи произведеній Пушкина, невольнымъ оттого, что онъ непосредственно связаны съ описаніемъ виѣшности рукописей, играющимъ, какъ извѣстно, нерѣдко первенствующую роль въ опредѣлениіи ихъ времени. Надѣемся, что этими замѣтками не будетъ нарушено желаніе жертвовательницы и не превысится обычное право описателя.

Для избѣжанія неясностей въ описаніи слѣдуетъ отмѣтить, что: 1) если въ немъ не говорится, на какомъ языке писана рукопись, то это обозначаетъ, что языкомъ рукописи русскій, 2) если не говорится, что рукопись писана карандашомъ, то значитъ — писана черниломъ. Слова, поставленныя въ ковычки, взяты изъ текста рукописи. Прямые скобки [] обозначаютъ добавленія описателя.

Объясненія сокращеній: Ак. изд. — Сочиненія Пушкина, изд. Имп. Академіи наукъ [подъ ред. Л. Н. Майкова], изд. 2, 1900.—Анн. изд.—Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова, 1855 — 1857.—Лит. ф.—Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ подъ ред. П. О. Морозова, 1887.—Ефр.—Сочиненія А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, 1903 — 1905.

I. Автографы Пушкина.

1. Стихотворения.

1). *Боя*, отрывокъ (1815 г.). Въ листъ, на 1-мъ листѣ. Бумага грубая сърая со знакомъ 1813 г. На обратной сторонѣ краснымъ черниломъ цифра 24. Бѣловой списокъ. Начальные слова „Видить тѣнь иль призракъ старого...“, послѣднія — „На такое предложеніе“; — стихи 196 — 246 (Ак. изд., 1. стр. 101—102). Варіанты къ обычному тексту отмѣчены Л. Н. Майковымъ (Ак. изд., 1. 119 — 120).

2). „*Къ Каверину*“ и „*Добрый союзъ*“ (1817). Обрывокъ листа. Бумага съ знакомъ 1823 г. На об. краснымъ черниломъ 13. Позднѣйшія копіи. Первая пьеса на лицевой сторонѣ съ цвѣтной 1817, вторая — на обратной; первая сохранилась не полностью. Слово „Добрый“ въ заглавіи второй пьесы прибавлено, повидимому, не Пушкинымъ. Надъ заглавіемъ первой приписано: „Къ Щерб. 1819), къ Дав.“ (Ак. изд., 1. стр. 242 и 247, прим. 361 и 371 — 377).

3). „*Таврическая звезда*“ (1820). Въ четвертку, на 1 листѣ. Почтовая бумага со знакомъ 1814 г. Среди текста красная цифра 3. Поправокъ очень немногого. Въ изданіяхъ безъ заглавія; нач. «Рядъетъ облаковъ летучая гряда...» (Анн. 2. 270; Лит. ф. 1. 225).

4). „*Что съ тобой, скажи мнъ, братецъ...*“. Листокъ въ четвертку. Бумага съроватая. Въ срединѣ красная цифра 11. Черновикъ. Въ сравненіи съ текстомъ, напечатаннымъ И. А. Шляпкинымъ (Изъ неизд. бум. Пушкина, с. 66), есть одна поправка. Текстъ писанъ съ одной стороны бумаги.

5). „*Наперсница волшебной старины...*“ (1821). Въ четвертку, на 1 л. Синяя бумага. Среди текста краснымъ черниломъ цифра 49. Бѣловой списокъ съ немногими поправками (Лит. ф. 1. 246).

6). „*Кто видѣлъ край...*“ — *Желаніе* (1821). Въ 8-ую долю, на 2-хъ листкахъ. Среди текста красные цифры 33 и 34. Заглавія въ рукописи нѣтъ. Второй листокъ писанъ съ одной стороны. Бѣловой списокъ съ многими поправками (Анн. 2. 284 — 286; Лит. ф. 1. 235 — 237).

7). „*Недавно я въ часы свободы...*“ — *Сътованія* (1821). Въ 8-ую долю, на 1 л. Синяя бумага — та же, что въ № 5 („Наперсница...“); среди текста красная цифра 15. Заглавія въ рукописи нѣтъ. Списокъ съ многими поправками (Анн. 2. 289 — 290; Лит. ф. 1. 247).

8). „*Она меня зоветъ, пойду или нѣтъ...*“ (1821). Въ листъ, на 1 л. Среди страницы красная цифра 4. Текстъ писанъ карандашомъ; много помарокъ. У Анненкова безъ 1-й строки и безъ конца (т. 1. 352); точно такъ же и въ изд. Лит. ф. — подъ загл. *Отрывокъ изъ комедіи* (т. 2. 313).

9). *Война*, отрывокъ (1821). Обрывокъ листа съ роватой бумаги. На об. красная цифра 1. Нач.: „Паденье грозное Беллониныхъ дѣтей...“ (въ печ. текстъ: Паденье ратныхъ и вождей — въ настоящей рукописи это первоначальная редакція); послѣдній стихъ на лицевой сторонѣ: „Кончину ль темную...“. На об. послѣднія двѣ строчки стихотворенія, дата „29 ноябр. 1821“ (ранѣе было написано „окт.“), монограмма А.П. и какія то вычисленія. Поправокъ немного (Анн. 2. 292 — 293; Лит. ф. 1. 257).

10). *Бахчисарайскій фонтанъ*, отрывокъ (1822). Въ четвертку, на 1 л. На обратной сторонѣ среди текста краснымъ черниломъ цифра 47. На лицевой сторонѣ: „Вступленье“; нач.: „Печаленъ будетъ мой разказъ...“ (Анн. 1. 104). На об. отрывокъ конца поэмы; нач.: „Покинувъ съверъ наконецъ...“, конч.: „Сіи надгробныя столбы...“. Бѣловой списокъ съ немногими поправками (Анн. 3. 218; Лит. ф. 2. 335 — 336).

11). „*Межъ горныхъ стѣнъ несется шумный Тerekъ...*“

(1822 ?). Въ четвертку, на 1 л. Среди текста красная цифра 33. Черновой набросокъ. На об. набросокъ посвященія *Бахчисарайскаго фонтана* кн. П. А. Вяземскому.

12). „Язвительный поэтъ, острякъ замысловатой...“ (1822) — Кн. П. А. Вяземскому. Въ четвертку, на 1 л. Синяя бумага. Среди текста красная цифра 14. Черновикъ (начало стихотворенія — см. Лит. ф. 1. 283). На об. послѣ окончанія первой пьесы въ другомъ направленіи отрывки нѣсколькихъ стихотворныхъ набросковъ.

13). „Сегодня я поутру дома...“ (1822). Въ четвертку, на 1 л. Грубая сѣрая бумага со знакомъ 182? г. Среди текста красная цифра 46. Повидимому, бѣловой списокъ, съ немногими передѣлками. Внизу листа мужской профиль. Писано съ одной стороны бумаги (Анн. 7. 84 — 85; Лит. ф. 1. 284).

14). „Недвижный стражъ дремалъ...“ (1823). Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. На лицевыхъ сторонахъ листовъ краснымъ черниломъ цифры: 41, 42. Рукопись представляетъ собою перебѣленный экземпляръ, но съ рядомъ новыхъ поправокъ и передѣлокъ (Лит. ф. 1. 296 — 298).

15). *Первое посланіе цензору*, отрывокъ (1824). Въ 8-ую долю, на 1 л. Сѣроватая бумага. На об. сторонѣ красная цифра 4. Безъ заглавія; нач.: „Потребности ума не всюду таковы...“; конч.: „А ты глупецъ и трусь...“. Редакція первоначальная. Черновикъ (Лит. ф. 1. 315 — 316).

16). *Коварность* (1824). Въ четвертку, на 1 л. Грубая сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 53. Нижняя часть листа оторвана; поэтому въ рукописи средины пьесы недостаетъ: на лицевой сторонѣ 12 начальныхъ строкъ, на обратной 4 заключительныхъ. Заглавія нѣтъ. Въ концѣ приписано: „18 окт. 1824. Мих[айловское]“. Черновикъ (Анн. 2. 356 — 357; Лит. ф. 1. 321).

17). „Быть въ сраженьи похвально...“ (вѣроятно, слѣд. читать: „Въ сраженьи быть похвально“), черновой набро-

сокъ (1824—1825?). Листъ, сложенный пополамъ. Синяя бумага съ клеймомъ 1822 г. Среди текста красные цифры: 62, 63. Писано съ одной стороны (ср. И. А. Шляпкинъ, Изъ неизд. бум. Пушкина, стр. 69; ср. Ефр. 8. 313).

18). Отрывки стихотвореній (1825). Въ четвертку, на 1 л. Синяя бумага. На об. красная цифра 72. На лицевой сторонѣ вторая половина (черновой набросокъ) стихотворенія *Я помню чудное мгновенье...* — начало оторвано (Анн. 2. 389 — 390; Лит. ф. 1. 351 — 352). На об. въ два ряда наброски стихотвореній: 1) „*Короче дни, а ночи долъ...*“, 2) „*Изъ Рима пхалъ онъ домой...*“; ниже пробы народнаго стиха „*Расходились по поганскому граду...*“.

19). *Пріятелямъ* (1825). Лоскутъ бѣлой бумаги. Среди текста красная цифра 19. Нач.: „Враги мои, теперь уже ни слова...“. Писано съ одной стороны. Черновой набросокъ. Заглавія нѣтъ (Анн. 2. 407; Лит. ф. 1. 345).

20). *Изъ Ариостова Orlando furioso* (1825). Въ 8-ю долю, на 4-хъ лл. Сѣроватая бумага. На лицевыхъ сторонахъ среди текста цифры: 4, 7, 5, 6. Озаглавлено: „*Canto XXIII. ott. 100*“ (Анн. 7. 465 — 469; Лит. ф. 1. 366 — 369).

21). „*Изъ А. Шенье. Покровъ, упитанный...*“ (1825). Въ 8-ую долю, на 1 л. Синеватая бумага. Среди текста и на оборотной чистой сторонѣ красная цифра 41. Въ концѣ приписано: „*20 апрѣ[ля] 1825*“. Бѣловой списокъ съ большими передѣлками и поправками во второй части (Анн. 2. 397 — 398; Лит. ф. 1. 362).

22). То же стихотвореніе. Въ листъ, на 1 листъ. Грубая сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 8. Набросокъ первыхъ шести стиховъ (Анн. 2. 397 — 398; Лит. ф. 1. 362). Вслѣдъ за этимъ отрывокъ неизвѣстной пьесы, начин. словами: „*Вотъ Кошитъ, вотъ Ахеронъ...*“.— Ниже набросокъ, нач.: „*Кто идетъ — салдатъ...*“ Писано съ одной стороны бумаги.

23). Отрывокъ изъ *Египетскихъ ночей* (1825). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди текста красная цифра 28. Текстъ на одной сторонѣ листка. Черновикъ послѣдней части, нач. „И вотъ, уже скрылся день...“ до конца — „Блистаеть ложе золотое“ (Анн. б. 472; Лит. ф. 4. 398).

24). „Блеститъ луна, недвижно море спитъ...“ (1825). Въ четвертку, на 1 л. Синяя бумага со знакомъ 1822 г. Среди текста красная цифра 21. Писано съ одной стороны бумаги. Анненковъ предполагаетъ, что „этотъ отрывокъ.... составляетъ первую пробу Бахчисарайскаго фонтана“ (т. 7, 86 — 87); но предположеніе это, кажется, не вѣрно, такъ какъ Бахчисарайскій фонтанъ былъ написанъ въ 1822-мъ г. и изданъ въ 1824-мъ г., тогда какъ въ настоящей рукописи — черновомъ набросокъ, съ края приписана позднѣйшая дата — „22 іюля 1825“.

25). *Женихъ*, отрывокъ (1825). Небольшой лоскунъ бумаги. Среди текста красная цифра 2. Въ отрывкѣ всего 12 строкъ; нач.: „Съ тропинки сбилась я...“ (Лит. ф. 3. 100). На об. листка сохранилась приписка „30 іюля 1825. Михайловское“.

26). „Только что на проталинахъ весеннихъ...“ (отн. къ 1825). Въ четвертку, на 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 83. Черновикъ. На об. набросокъ «*Но ты забудь меня, мой другъ...*» (4 строки) и списокъ стихотвореній, между прочимъ относящихся къ болѣе позднему времени, чѣмъ 1825 г.

27). „Мой [первый] другъ, мой другъ безцѣнныи...“ — И. И. Пушкину (1826). Въ листъ, на 1 л. Сѣрая грубая бумага. Среди текста красная цифра 23. Черновой набросокъ, значительно распространенный въ сравненіи съ обычнымъ текстомъ, довольно близкій къ тому, который напечатанъ Ефремовымъ въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (Ефр. 7. 149 — 150). Съ края женскій профиль.

28). Листокъ съ четырьмя стихотвореніями (1826?).

Въ листъ, на 2-хъ листахъ. Грубоватая бумага съ филигранью „Pro patria“. На внутреннихъ сторонахъ листовъ красная цифры: 29, 30. На лицевой сторонѣ 1-го листа стихотвореніе „Ольга, крестница Киприды...“ (Оленькѣ Массонъ), относимое къ 1820 г. (Анн. 7. 26 — 27; Лит. ф. 1. 217); дата — „22 Nov.“. На обратной сторонѣ наверху поперекъ листа „Какою я прежде былъ...“, относимое, на основаніи отмѣтки при 1-мъ изданіи, къ 1828 г.; это стихотвореніе писано карандашомъ и читается очень трудно. Сверхъ него съ боку черниломъ набросокъ послѣднихъ строфъ стихотворенія *Зимняя дорога* (отн. къ 1826 г.). Первая часть этого стихотворенія на томъ же листѣ (об. 1-го) ниже; писано въ другомъ направленіи (Анн. 2. 415 — 416; Лит. ф. 2. 5). На л. 2-мъ въ два ряда (начинаясь на правой сторонѣ) стихотвореніе „Какъ щастливъ я, когда могу покинуть...“; надъ текстомъ „23 Nov. С. Козак . . .“. На об. 2-го л. карандашомъ „Въ Евр[ейской] хижинѣ лампада...“ (Анн. 7. 45 — 46; Лит. ф. 2. 137); стихотвореніе названо Аиненковымъ началомъ повѣсти и отнесено къ 1832-му г.—Настоящій листокъ съ черновыми набросками стихотвореній, относимыхъ къ разнымъ годамъ, вѣроятно, дастъ будущимъ изслѣдователямъ основаніе перemyнить общепринятую датировку и, можетъ быть, пріурочить ихъ къ ноябрю 1826 г.

29). *Стансы — Въ надеждѣ славы и добра...*, отрывокъ (1826). Лоскутъ грубой сѣрой бумаги. На об. красная цифра 10. Писано съ одной стороны бумаги. Въ рукописи находятся строфы 5-я, 3-я и 4-я. Внизу приписка „22 декабря 1826 году. Москва у Зуб[кова].“

30). *Талисманъ* (1827). Въ листъ, на 1 листѣ. Грубая сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 22. Первоначальная редакція стихотворенія, въ иномъ размѣрѣ, чѣмъ общеизвѣстная; нач.: „Храни меня, мой талисманъ...“. Съ боку рисунокъ, изображающій кусты. Оборотная сто-

рона бумаги чистая (Анн. 2. 423—424; Лит. ф. 2. 9—10).

31). „*Кто знает край, иль небо блещет...*“ (1827). Въ четвертку, на 3-хъ лл. На листкахъ вписаны краснымъ черниломъ цифры: 74, 73, 75. Черновикъ. На лл. 1 — 2 первая половина стихотворенія до строки „Ихъ пестры волны за собой“; передѣлка стиховъ, находящихся на л. 1-мъ, вписана на л. 2-мъ об., тамъ же и эпиграфъ. На л. 3-мъ вторая часть пьесы (нач.: „На рай полуденной природы...“) съ добавленіемъ противъ извѣстнаго текста въ концѣ еще 6 стиховъ (нач.: „Забудь Еврейку молодую...“); (Лит. ф. 2. 24 — 26). На л. 1 внизу миниатюрный набросокъ, изображающій Наполеона.

32). „*Я знаю край...*“. Въ 8-ую долю, на 1 л. Голубоватая бумага. На об. красная цифра 7. Черновой набросокъ, вѣроятно, относящейся къ предыдущей пьесѣ, но обработанный въ другомъ направлениіи. Пьеса кончается словами „...степь нагая | Надъ моремъ стелется одна“. Повидимому, это описание крымской степи. Подъ стихотвореніемъ женскій профиль. Оборотъ листа чистый.

33). „*Намъ, я не мстецъ...*“ — *Друзьямъ* (1828). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди текста красная цифра 50. Набросокъ; первая строфа и иѣсколько строкъ четвертой и пятой (Лит. ф. 2. 29 — 30). — На об. послѣднія строки пьесы *Талисманъ* („Милый другъ“ и проч.); подъ ними приписка „6 Ноября ночью“ и пять сургучныхъ перстневыхъ печатей.

34). „*Щастливъ, кто избранъ своимъ...*“ (1828). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди текста красная цифра 13. Надъ стихотвореніемъ приписано „Твоихъ признаній etc.“ — начало стихотворенія *Наперсникъ*, которое, по предположенію Анненкова (2. 470), представляетъ съ первымъ одно цѣлое. Текстъ съ одной стороны (Анн. 2. 447; Лит. ф. 2. 34).

35). „*Даръ напрасный, даръ случайный...*“ (1828). Въ чет-

вертку, на 1 л. Среди текста красная цифра 56. Полный текстъ, безъ помарокъ. Съ боку наброски профилей и приписка: „26 мая 1828“. Писано съ одной стороны (Анн. 2. 449 — 450; Лит. ф. 2. 38).

36). *Полтава*, отрывки (1828). Въ четвертку, 2 л. и 1 клочекъ. Бумага бѣлая и синяя. Красные цифры: 52, 1, 51.

а). Послѣднія 4 строки первой пѣсни („О, еслибъ вѣдала она...“) съ припиской „3 октября 1828“. Ниже набросокъ предыдущихъ строкъ „Что стыдъ Маріи?...“ и пр. (Анн. 3. 295; Лит. ф. 3. 122). Тутъ же приписано: „2 окт. Письмо къ Ц., le cadavre — Dorl.... — вечеръ у кн. Dolg.“. На об. л. 1-го примѣчанія къ 1-й пѣсни (1 — 7).

б). Набросокъ послѣднихъ строкъ 2-й пѣсни: „Все было кровью... Въ клочкахъ, растеряно, избито... и слѣд. 2 строки (Анн. 3. 314; Лит. ф. 3. 137). Ниже: „9 окт.“ и „Конецъ второй части“. На об. послѣдняя строка пѣсни („Помчала горе...“) и приписка „Конецъ 2-й части“.

в). Отрывокъ изъ 3-й пѣсни. Нач. словами, не вошедшими въ окончательный текстъ, „Сегодня свадьба...“ — 4 строки (Лит. ф. 3. 149); затѣмъ: „И съ дикимъ смѣхомъ звизжала...“ (Анн. 3. 328 — 329; Лит. ф. 3. 149 — 150); конч.: „Съ роднымъ прощаюсь рубежемъ...“. Внизу приписано: „16 окт. 1828. С.П.Б.... Гр. Т... от. Гос.“.

37). *Евгений Онѣгинъ*, отрывки. Въ четвертку и 8-ую долю, 7 листовъ и одинъ обрывокъ листка.

а). Гл. VII, строфа 54 — 55. На синей бумагѣ. Среди текста красная цифра 57. Въ концѣ приписано: „4 нояб. Малинники [1828]“.

б). Гл. VIII, строфы 10 — 11. Бумага бѣлая, золото-обрѣзная. Красная цифра 8. Черновой набросокъ.

в). Гл. VIII-я, строфа 32-я (Письмо Онѣгина къ Татьянѣ). Бумага бѣлая съ клеймомъ 1832 г. (2 листка).

Красные цифры: 20, 21. Въ концѣ приписано: „5 окт.
1831. Ц[арское] С[ело]“.

г). Гл. VIII, строфы 48 — 51. Бумага сѣроватая
(2 листа). На обор. листовъ красные цифры: 77, 76. Въ
концѣ приписано: „Болдино 1830, сент. 25, 3 $\frac{1}{4}$ “; въ низу
листа: „письмо от. N. Кист. Кр. пор., pt. ka.“

д). Наброски изъ путешествія Онѣгина. Листокъ сѣ-
роватой бумаги съ клеймомъ 1823 г. Среди текста крас-
ная цифра 55.

е). Лоскутокъ синей бумаги. Красная цифра 6. На-
брюсокъ нѣсколькихъ стиховъ, не вошедшихъ въ романъ,
повидимому, относящихся къ гл. I-й.

38). Отрывокъ, начинающійся словами „Благословенъ
твой новый путь...“ (1829). Лоскуть бумаги съ вырваннымъ
кускомъ. На верху надписано „[Д]ушетъ 27 мая“. На об.
рядъ профилей, подражанія арабскимъ надписямъ и обо-
рванныя изображенія двухъ фігуръ, между которыми
красная цифра 20. Указаніе мѣстности опредѣляетъ го-
довую дату: въ Душетъ Пушкинъ былъ по дорогѣ въ Тиф-
лисъ въ 1829 г.

39). „Доло мъ мнъ гулять на севть...“ — Дорожныя же-
лобы (1829). Въ четвертку, на 1 л. Сѣроватая бумага. Среди
текста красная цифра 92. Чѣрновикъ. Въ концѣ припи-
сано: „4 окт.“ (Анн. 2, 484 — 485; Лит. ф. 2, 70 — 71).

40). „Обвалъ (avalanche)“ (1829). Въ четвертку, на 1 л.
Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 91. Чѣрно-
викъ. На лицевой сторонѣ три первыя строфы съ при-
пиской въ концѣ „29 окт.“; на обратной — двѣ послѣднія
съ припиской „30“ (Анн. 2, 481 — 482; Лит. ф. 2,
71 — 72).

41). „Дембашъ“ (относить къ 1829 г.) и „Зачымъ ты,
грозный Аквилонъ...“ (относить къ 1824). Въ 8-ую долю,
1 л. Среди текста красная цифра 27. Подъ первымъ сти-
хотвореніемъ подписано „Сыгань-лу“ — горный хребетъ

близъ Карса, около котораго Пушкинъ былъ 14—18 июня 1829 г.; вѣроятно, битвы около этихъ мѣстъ дали поводъ Пушкину написать пьесу. Ниже приписано: „7 сент.“ — это, какъ увидимъ ниже, 7 сент. 1830 г. Рукопись — перебѣленный экземпляръ, но съ поправками (Анн. 2. 482—483; Лит. ф. 2. 68—69). — На об. *Аквилонъ* (Анн. 2. 353; Лит. ф. 1, 305). Перебѣленный экземпляръ съ многими поправками. Внизу приписано: „1824 [цифра 2 перебѣлана изъ 3] Мих[айловское]“. Ниже приписано: „Болд. 7 сент.“; въ Болдинъ 7 сент. Пушкинъ былъ въ 1830 г.; что листокъ писанъ въ 1830-хъ гг. подтверждаетъ правка цифры 2 изъ 3 въ 1824. Такимъ образомъ, надо думать, что оба стихотворенія окончательную отдѣлку получили въ сентябрѣ 1830 г.

42). „*Бѣсъ*“ (1830). Въ 8-ую долю, 2 л. Среди текста на об. 1-го л. красная цифра 93. Черновикъ. Надъ заглавиемъ приписано „Шалость“ (вошло и въ печатный текстъ). Въ концѣ: „1830 7 сентября Болдино“ (Анн. 2. 521 — 523; Лит. ф. 2. 99 — 100).

43). „*Протекшихъ лѣтъ безумное веселье...*“ — Элегія — *Безумныхъ лѣтъ урасшее веселье...* (1830). Въ 8-ю долю, 1 л. Среди текста красная цифра 39. Перебѣленый экземпляръ съ поправками и въ неокончательной отдѣлкѣ. Надъ первой строкой приписано: „8 сент.“ (Анн. 2. 514; Лит. ф. 2. 101). — На оборотѣ пьесы „*Новоселье къ ***“ — бѣловой списокъ въ обычной редакціи, безъ поправокъ, но зачеркнутый карандашомъ. Внизу приписано: „1830 Моск[ва]“ (Анн. 2. 532; Лит. ф. 2. 91).

44). „*Румянный критикъ мой...*“ (1830). Въ 8-ую долю, 1 л. Среди текста красная цифра 20. Передъ началомъ: „1 окт. 1830 Болд.“. Конецъ пьесы приписанъ надъ началомъ, на полѣ дополненіе къ срединѣ. Поправокъ очень мало (Лит. ф. 2. 101—102). — На оборотѣ листа „*Къ статутъ въ Царскому Селу*“; нач.: „Урну съ водой уро-

нивъ...“ (1830). Въ концѣ приписано: „1 окт.“. Бѣловой списокъ безъ поправокъ (Анн. 2. 532 — 533; Лит. ф. 2. 120). — Вслѣдъ за этой пьесой старательно зачеркнутое двустишіе „*Къ переводу Иліады*“ (сколько можно разобрать, не сходно съ пьесой, известной подъ названіемъ — На переводъ Иліады,—Анн. 2. 534; Лит. ф. 2. 89). — Затѣмъ: „*Куда же: ты? Въ Москву...*“ — *Изъ записки пріятелю* (1830). Въ концѣ: „10 окт.“ (Анн. 7. 96; Лит. ф. 2. 107).

45). „*Въ постыдній разъ твоей образъ милой...*“ — *Разстаніе* (1830). Въ четвертку, на 1 л. Среди текста цифра 11. Въ концѣ приписано: „5 окт. 1830 Болд.“. Бѣловой списокъ съ нѣсколькими передѣлками въ словахъ (Анн. 2. 515 — 516; Лит. ф. 2. 105). — На об. вслѣдъ за окончаніемъ пьесы приписано стихотвореніе „*Отрокъ*“ (Анн. 2. 533; Лит. ф. 2. 120). Въ концѣ: „10 окт.“, затѣмъ „или?“ и иная редакція послѣдняго стиха — „Будешь ловитель умовъ, будешь подвижникъ Петру“.

46). „*Пажъ или пятнадцатый годъ*“ (1830). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди текста красная цифра 30. Перебѣленный, повидимому, экземпляръ, съ поправками и дополненіями (въ первой редакціи не было между прочимъ строфъ 4-й и 5-й). Въ концѣ приписано: „7 окт. 1830 г.“ — дата первой редакціи (Анн. 2. 524 — 525; Лит. ф. 2. 106 — 107).

47). *Моя родословная, вторая часть* (1830). Въ четвертку, на 1 л. Среди текста красная цифра 90. Черновикъ. Нач.: „Рѣшилъ Ф[игляринъ], сидя дома...“ Съ края приписано: „16 окт. 1830 Болд.“. — На об. эпиграмма на Булгарина, нач.: „*Не то бѣда, Ѣаддсій Булгаринъ...*“ (Анн. 7. 107, не вполнѣ сходно).

48). „*Заклинаніе*“, нач. „*O если правда, что въ ночи...*“ (1830). Въ 8-ую долю, на 1 л. Бумага сѣроватая съ клеймомъ 1829 г. Среди текста красная цифра 25. Перебѣленный экземпляръ съ немногими поправками; вся вторая строфа вычеркнута, но затѣмъ опять восстановлена; про-

тивъ нея съ боку карандашомъ приписано: писать; — рука не Пушкина. Въ концѣ стоитъ: „17 окт.“ (Анн. 2. 450—451; Лит. ф. 2. 112—113).

49). „Мить не спится, ныть огня...“ — *Стихи, сочиненные ночью, во время безсонницъ* (1830). Въ листъ, на 1 листъ. Съроватая бумага со знакомъ 1829 г. Въ срединѣ красная цифра 66. Наброски стихотворенія. Текстъ на лѣвой сторонѣ листа, въ два ряда (Анн. 2. 527—528; Лит. ф. 2. 113). — Съ правой стороны въ другомъ направленіи начало стихотворенія „[Въ началѣ жизни] школу помню я...“ (Анн. 2. 528—529; Лит. ф. 2. 115—117). На об. листа двѣ строки, можетъ быть, относящіяся къ тому же стихотворенію, но отброшенныя, нач.: „Я помню дѣву, юности прелестной(?)...“. Тутъ же въ другомъ направленіи крупное заглавіе „Зависть“.

50). „*Стихи, сочиненные ночью, во время безсонницы*“ (1830). Въ 8-ую долю, 1 л. Бумага золотообрѣзная со знакомъ 1834 г. Среди текста красная цифра 21. Рукопись представляетъ собою перебѣленный экземпляръ стихотворенія съ новыми поправками. Текстъ съ одной стороны. Въ концѣ приписано: „окт. 1830 Болдино“; но эта приписка тоже скопирована съ старого оригинала, что очевидно изъ знаковъ бумаги (Анн. 2. 527—528; Лит. ф. 2. 113).

51). „*Въ началѣ жизни школу помню я...*“ (1830). Въ 8-ую долю, 1 л. Бумага 1829 г. Среди текста красная цифра 24. Вся пьеса полностью; перебѣленный экземпляръ съ поправками (Анн. 2. 528—529; Лит. ф. 2. 115—117).

52). Отрывокъ той же пьесы. Въ четвертку, 1 л. Съроватая бумага. Среди текста красная цифра 23. Двѣ послѣднія известныя въ печати строфы (нач.: „Одинъ Дельфійскій идолъ — ликъ младой...“) и продолженіе пьесы (три строфы). Черновые наброски. Текстъ съ одной стороны листа.

53). Та же пьеса, отрывокъ (1830). Въ четвертку,

1 л. Съроватая бумага. Среди текста красная цифра 22. Рукопись представляет собою черновые наброски пяти строфъ: 8-й — 12-й. Текстъ съ одной стороны бумаги.

54). „*Предъ испанкой благородной...*“ (1830). Въ четвертку, на 1 л. Среди текста красная цифра 17. Повидимому, перебѣленный экземпляръ, но съ поправками; приписанъ набросокъ начала 3-й строфы, но тутъ же зачеркнутъ. Текстъ съ одной стороны бумаги (Анн. 2. 525; Лит. ф. 2. 118 — 119).

55). „*Когда порой воспоминанье...*“ (1830). Въ 8-ую долю, 2 л. (1 листъ, сложенный пополамъ). Съроватая бумага; на внутренней сторонѣ красная цифра 89. Черновикъ. — На л. 2-мъ внизу и на об. л. 2-го набросокъ конца *Моей родословной* (1830), нач.: „Ф[игляринъ] пишеть, сидя дома...“ (Анн. 7. 40; Лит. ф. 2. 109). На лицевой сторонѣ л. 2-го среди набросковъ первой пьесы попрекъ написанъ планъ повѣсти *Мятель*.

56). Черновые наброски, повидимому, къ стихотворенію *Стамбулъ яуры нынче славятъ...*, — къ второй части пьесы (1830). Въ четвертку, 1 л. Съроватая бумага съ клеймомъ 1830 г. Среди текста красная цифра 32; внизу фигура турка. Текстъ съ одной стороны бумаги.

57). „*Нечаянно прикрытый славой...*“ и „*Плытывый щеголь, врагъ труда...*“ (1830?). Въ четвертку, 2 л. (1 л. перегнутый пополамъ) На бумагѣ клеймо 1829 г. Красные цифры: 66, 67. Текстъ писанъ съ внутренней стороны сложенного листа. Поправокъ почти нѣть; писано наскоро, многія слова недописаны, собственные имена обозначены буквами.

58). *Къ тыни полководца* (1831). Въ 8-ую долю, 1 л. Синеватая бумага. Красная цифра 34. Списокъ безъ поправокъ. Рукопись заключаетъ въ себѣ послѣднія двѣ строфы. Въ концѣ приписано: „1831“. Текстъ съ одной стороны листка (Анн. 7. 44; Лит. ф. 2. 128 — 129).

59). „Идалъ мы пошли...“ и „Тогда я Демоновъ увидѣлъ...“ — *Подражаніе Данту* (1832). Въ четвертку, 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 10. Списокъ съ многими поправками (Анн. 2. 530—531; Лит. ф. 2. 140—141).

60). Отрывокъ, нач. словами „Хотѣлъ я душу освѣ-
жить...“ (1832). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага съ
клеймомъ 1830 г. Среди текста красная цифра 21. Пи-
сано карандашомъ (см. Шляпкинъ, Извъ неизд. бум.
Пушк., 70, — напечатано по копіи не совсѣмъ точной; ср.
Ефр. 8. 313 — 314). Ниже текста нѣсколько карандаш-
ныхъ рисунковъ — двѣ фигуры и два профильныхъ на-
брюска; поперекъ листа въ двухъ мѣстахъ нѣсколько
первоначальныхъ плановъ повѣсти, повидимому, *Дубров-
скую*; на об. планъ *Дубровскую* въ окончателльной обра-
боткѣ.

61). Наброски *Пѣсни о Георгіи Черномъ* (1832—1833?). Въ четвертку, 1 л. Синеватая бумага; красная цифра 15. Пѣсня осталась необработанной и въ собранія сочиненій
не вошла. Поправки и дополненія писаны карандашомъ. На верху листа карандашомъ набросокъ письма къ неиз-
вѣстному, вѣроятно, къ гр. Бенкендорфу, на французскомъ
языкѣ. На обор. счета; внизу карандашомъ приписано:
„Сихл[ерь]“.

62). „Славная флейта, Ѹеонъ...“ (1833). Въ 8-ую долю,
1 л. Среди текста красная цифра 14. Текстъ писанъ ка-
рандашомъ съ одной стороны листа. Внизу приписано:
„1 янв. 1833“ (Анн. 3. 22; Лит. ф. 2. 144).

63). „Юноша, скромно пиши...“ и „Вино (Іонъ Хіоскій)“
(1833). Небольшой лоскутъ бумаги. На лицевой сторонѣ
красная цифра 8. Оба стихотворенія писаны каранда-
шомъ. Первое стихотвореніе безъ помарокъ; внизу при-
писано: „2 янв.“ (Анн. 3. 57; Лит. ф. 2. 173). Второе сти-
хотвореніе на оборотѣ листа; во второй строкѣ обычный
текстъ замѣненъ инымъ (Анн. 3. 24; Лит. ф. 2. 145).

64). „Чистый лоснится полз...“ (1833). Въ четвертку, 1 л. На оборотѣ красная цифра 13. Текстъ писанъ карандашомъ съ одной стороны листка. Чистовой списокъ съ тремя поправками. Внизу подъ стихотвореніемъ приписано: „(изъ Ксенофана Колоѳонскаго)“ и „12 янв.“ (Анн. 3. 21; Лит. ф. 2. 144 — 145).

65). „Будрыши (изъ Мицкевича)“ (1833). Въ четвертку, 2 л. Бумага съ клеймомъ 1829 г. Красные цифры среди текста: 95, 96. Чистовой списокъ съ поправками. Въ концѣ приписано: „28 окт. 1833 Болд.“ (Анн. 3. 27 — 29; Лит. ф. 2. 153 — 154). Оборотъ л. 2-го безъ текста.

66). Отрывокъ пьесы *Странникъ* (1833 — 1834). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага со знакомъ 1833 г. Среди текста красная цифра 7. Въ рукописи находится черновикъ IV-й строфы и на обор. наброски стр. II-ой (Лит. ф. 2. 164 — 166).

67). „Куда вы? За городъ, конечно...“ (1834?). Въ четвертку, 1 л. Среди текста красная цифра 71. Черновой набросокъ; надъ приведенной начальной строкой ранѣе было заглавіе „Чиновникъ и поэтъ“, затѣмъ зачеркнутое. На об. продолженіе текста; послѣднее слово — зачеркнутое — Кирджали — можетъ приблизительно опредѣлить дату пьесы.

68). „Когда владыка Ассирійскій...“ — *Юдіевъ* (1834 — 1835). Въ четвертку, 1 л. Бумага съ клеймомъ 1834 г. На обор. среди текста красная цифра 69. На лицевой сторонѣ рисунокъ туалета съ зеркаломъ и профилями. Рукопись представляеть собою черновой набросокъ. Въ изданіи Лит. ф. стихотвореніе отнесено къ 1832 г., клеймо бумаги принуждаетъ перенести дату на болѣе позднѣе время (Анн. 1. 388; Лит. ф. 2. 158).

69). „Ода LVI (изъ Анакр.)“, нач.: „Портрѣла, побѣльла...“ (1835). Среди текста красная цифра 9. Чистовой списокъ съ немногими поправками. На оборотѣ предположи-

тельная передѣлка послѣднихъ четырехъ строкъ. Подъ стихотвореніемъ приписано: „6 янв. 1835“ (Анн. 1. 399; Лит. ф. 2. 170).

70). „*Oda LVII*“, нач.: „Что же сухо изъ чаши дно?...“ — Изъ Анакреона (1835). Лоскутъ золотообрѣзной бумаги. Среди текста красная цифра 10. Чистовой списокъ съ двумя поправками. Внизу приписано: „6 янв. 1835“. Оборотная сторона бѣлая (Анн. 3. 55; Лит. ф. 2. 171).

71). „(*Изъ Анакреона*) отрывокъ“, нач.: „Узнаемъ коней ретивыхъ...“ (1835). Въ 16-ую долю, 1 л. Бѣлая золотообрѣзная бумага. Чистовой списокъ; двѣ послѣднія строки („Въ нихъ сияеть...“) какъ бы предположительно зачеркнуты. Въ концѣ приписано: „6 янв. 1835“ (цифра 6 читается очень неопределенно; останавливаемся на этой датѣ на основаніи того, что другіе переводы изъ Анакреона помѣчены тѣмъ же числомъ и 1835 годомъ, и кромѣ того, что бумага рукописи одного изъ нихъ — выше, № 69 — сходна съ бумагой настоящей рукописи). Текстъ съ одной стороны бумаги (Анн. 1. 399 и 3. 56; Лит. ф. 2. 170).

72). „*Отрывокъ*“, нач.: „Не розу Паѳоскую...“, и „Богъ вѣсельй винограда...“ (1835). Въ 8-ую долю, 1 л. Золотообрѣзная бумага. Между двумя пьесами красная цифра 17. Первая пьеса, повидимому, чистовой списокъ; двѣ поправки, изъ которыхъ одна исправляетъ обычный текстъ (Анн. 3. 58 — 59; Лит. ф. 2. 174). — Вторая пьеса съ многими поправками и передѣлками; нѣкоторые слова надписаны карандашомъ сверхъ написанныхъ черниломъ (Анн. 3. 56; Лит. ф. 2. 171).

73). „*Подражаніе Арабскому*“, нач.: „Отрокъ милый...“. Въ 8-ую долю, 1 л. Золотообрѣзная бумага; ниже текста красная цифра 35. Черновикъ. Надъ стихотвореніемъ узоръ — подражаніе арабскому шрифту. Оборотъ листа бѣлый (Анн. 3. 59; Лит. ф. 2. 174).

74). „Художнику“, нач.: „Грустенъ и веселъ вхожу...“ (1836). Въ четвертку, 1 л. Среди текста красная цифра 5. Перебѣленный списокъ съ поправками. Внизу приписано „25 март. 1836“. Оборотъ листа чистый (Анн. З. 65; Лит. ф. 2. 185 — 186).

75). „(Подражаніе штампакому)“, нач.: „Какъ съ древа сорвался...“ (1836). Въ 8-ую долю, 1 л. Среди текста красная цифра 18. Перебѣленный списокъ съ поправками. Внизу приписано: „22 іюня 1836. Кам. остр.“. Оборотъ листа чистый (Анн. З. 65 — 66; Лит. ф. 2. 187).

76). „Изъ VI Пиндемонте“ (1836). Въ 8-ую долю, 1 л. Голубая бумага; среди текста красная цифра 19. Перебѣленный экземпляръ; есть иѣсколько поправокъ. Заглавіе „Изъ VI Пиндемонте“ переправлено въ настоящей рукописи: ранѣе стояло „изъ Alfred Musset“. Въ концѣ приписано: „5 іюл.“ (Лит. ф. 2. 187 — 188).

77). То же стихотвореніе. Въ четвертку, 1 л. Голубая бумага. Среди текста красная цифра 12. Черновой набросокъ. Заглавія иѣть. На об. среди текста рисунокъ, изображающій собаку.

78). „Когда за городомъ задумчивъ я брожу...“ (1836). Въ четвертку, 1 л. Среди текста красная цифра 7. Перебѣленный, повидимому, списокъ, съ многими поправками и передѣлками. Въ концѣ приписано: „14 авг. 1836. Кам. остр.“ (Анн. 7. 46 — 47; Лит. ф. 2. 188 — 189).

79). Черновые наброски пьесы *Памятникъ* (1836). Въ листъ, 1 л. Бумага синеватая съ знакомъ 1834 г. Среди текста на об. красная цифра 50. Черновикъ трехъ послѣднихъ строфъ. На об. внизу предположительный вариантъ третьей строфы (Анн. З. 69 — 70; Лит. ф. 2. 189 — 190). Наверху на об. листа карандашомъ иѣсколько строкъ стихотворенія, нач. словами „Пошли мнъ долу жизнъ...“, и затѣмъ толкованія латинскихъ словъ.

Стихотворенія неизвѣстнаго времени.

80). „*Подъ какимъ созѣздіемъ...*“. Въ четвертку, 1 л. Синяя бумага. Среди текста красная цифра 39. Черновикъ. Текстъ писанъ съ одной стороны бумаги.

81). „*Мой памынникъ вовсѧ не любезенъ...*“. Лоскуть грубой сбѣрой бумаги. На об. красная цифра 2. Набросокъ, всего нѣсколько строкъ. Текстъ съ одной стороны листка.

82). „*На силу выѣхать рѣшаюсь изъ Москвы...*“. Въ листъ, на 1 л. Синяя грубая бумага. Среди текста красная цифра 28. Черновикъ. Текстъ писанъ съ одной стороны.

83). „*О боянъ мирные полей, дубравъ и горъ...*“. Лоскуть почтовой бумаги. Среди текста красная цифра 29. Переѣленный, повидимому, списокъ, съ поправками. Текстъ писанъ съ одной стороны.

84). „*Пока меня безъ милости бранятъ...*“. Въ четвертку, 1 л. Грубая сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 79 и рисунокъ, изображающій парусную лодку. На об. карандашные наброски, между прочимъ, профильный портретъ Пушкина.

85). „*Во снѣ я вами оцаствленъ...*“. Въ 8-ую долю, 1 л. На оборотѣ красная цифра 3. Черновикъ. Писано съ одной стороны листка, видимо, оторванного отъ письма, такъ какъ около текста есть отмѣтка — А. С. Пушкину.

86). „*Будь подобенъ полной чашѣ...*“. Въ четвертку, 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 44. Черновикъ. На об. окончаніе пьесы и затѣмъ поперекъ текста набросокъ еще одной строфы, повидимому, того же стихотворенія; выше начало другого: „*Онъ мнѣ ровесникъ...*“. Первая пьеса напечатана И. А. Шляпкинымъ по копіи Анненкова (Изъ неизд. бум. Пушкина, стр. 67).

87). „*Пускай утопич[анный] люб[овью] крас[оты] Въ засѣт- [номъ] зол[отъ] хранитъ ея черты...*“. Небольшой лоскуть

бумаги. На обор. сторонѣ красная цифра 5. Текстъ съ одной стороны бумаги.

Записи (?) народныхъ пѣсень.

1). „Другъ сердечный (?) миъ намъдни говорилъ.“ Лоскутокъ бумаги съ клеймомъ 1830 г. Красная цифра 17. Текстъ съ одной стороны бумаги, всего 4 строки; можетъ быть, и не запись, такъ какъ есть поправки.

2). „Не видала ли, девица, | Коня моего“. Въ 8-ую долю, 1 л. бумага 1834 г. Рядомъ съ текстомъ красная цифра 14; тутъ же по французски не Пушкинскимъ приписано: vinaigre des quatre voleurs.... Текстъ съ одной стороны бумаги, всего 8 строкъ; есть передѣлки, такъ что за простую запись принять пѣсню трудно.

Проза.

Повѣсти и сцены.

1). *Отрывки изъ романа въ письмахъ*. Въ листъ и четвертку, на 18 листахъ. Бумага разнообразная со знаками 1827 и 1828 гг., сѣрая и синяя. По листамъ среди текста краснымъ черниломъ цифры: 35, 36, 37, 38, 39, 43 и 40, 42 и 41, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 33 и 30, 29 и 34, 32 и 31, 50, 28. Рукопись заключаетъ въ себѣ черновики писемъ: 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го и еще неполное 1-е письмо въ нѣсколько иной редакціи. На об. послѣдняго л. набросокъ, не относящийся къ роману (Анн. 7. 125 — 138; Лит. ф. 4. 348 — 359).

2). *Цезарь путешествовалъ...*, отрывокъ (1835). Въ листъ, на 3 листахъ. Сѣроватая бумага со знакомъ 1834 г. На л. 1, об. 2-го, лицевой сторонѣ 3-го и об. 3-го цифры краснымъ черниломъ: 13, 9, 10 и 12. Рукопись заклю-

чаетъ въ себѣ отрывки 2-й и 3-й (Анн. 1. 397 — 400; Лит. ф. 4. 383 — 386).

3). *Драматический этюдъ* (1835?). Въ листъ, на 1 л. Бумага съ клеймомъ 1834 года. Среди текста красная цифра 11. Заглавіе приписано карандашомъ рукою П. В. Анненкова (Анн. 7. 149 — 150; Лит. ф. 4. 331 — 332).

4). „*И ты тутъ былъ?...*“ (1835?). Въ листъ, на 1 листъ. На лицевой сторонѣ краснымъ черниломъ цифра 10 (Анн. 1. 277; Лит. ф. 4, 332).

5). *Созданіе мира*, отрывокъ (средина 1820-хъ гг.). Въ четвертку, 1 л. Сіяя бумага. На об. красная цифра 37. Почеркъ рукописи ранній. Текстъ съ одной стороны бумаги. Рукопись представляетъ собою, повидимому, набросокъ перевода.

Планы и программы литературныхъ произведеній и замѣтки по поводу ихъ.

1). Набросокъ плана поэмы (?) „*Антеонъ*“ (начало 1820-хъ гг.). Въ 8-ую долю, 1 л. Бумага съроватая. На об. красная цифра 31 и женскіе профили. Текстъ писанъ съ одной стороны листа, частью по русски, частью по французски. Надъ нимъ приведенное выше заглавіе. Почеркъ ранній.

2). Двѣ программы сказки (?), главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой является *Бова* (первая пол. 1820-хъ гг.) Въ четвертку и 8-ую долю, 2 л. Бумага одного листка събирая грубая, другого — болѣе хорошей выдѣлки. Красныя цифры: 34, 27. На верху 1-го л. приписано: „*Rouslane et Ludmilla*“ и нарисованы башни и латное вооруженіе; на этомъ листкѣ текстъ съ одной стороны.

3). Два наброска плана повѣсти *Гости спѣзжались на дачу...* (1825). Въ четвертку, на 1 л. Сѣроватая бумага. На об. листа красная цифра 58. Текстъ писанъ большою частью по французски; главное дѣйствующее лицо Земля = Zelie (въ печ. текстѣ Зинаида Вольская). На лицевой сторонѣ надъ текстомъ карандашомъ набросано нѣсколько строкъ стихотворенія въ народномъ стилѣ, нач. „Уродился я бѣдный недоносокъ...“. На об. на полѣ набросокъ, нач. словами „Какъ живо колкій Грибоѣдовъ...“. Дату опредѣляемъ по послѣднему наброску: Горѣ отъ ума Пушкину читалъ впервые Пущинъ 11 янв. 1825 г.; у Анненкова повѣсть датирована 1829 г., въ изд. Лит. ф. 1831 г. (Анн. 5. 502—506, 7. 147—148; Лит. ф. 4. 365—371).

4). Замѣтки о *Борисѣ Годуновѣ*.

а). Набросокъ предисловія (1831?). Въ 8-ую долю, на 1 л. Среди листа красная цифра 16 (Анн. 1. 132; Лит. ф. 3. 82).

б). Замѣтка по поводу мнѣнія митр. Платона о Дмитріи Самозванцѣ (1831). Въ 16-ую долю, на 1 л. На об. красная цифра 23. Въ концѣ замѣтки дата „6 іюля 1831“ (Лит. ф. 3. 84).

5). Наброски программы *Романа на кавказскихъ водахъ* (1831). Въ четвертку и восьмушку, на 6-ти листахъ. Бумага между прочимъ со знаками 1829 и 1830 гг. На лицевыхъ сторонахъ первыхъ трехъ листовъ и на оборотахъ трехъ послѣднихъ краснымъ черниломъ цифры: 36, 29, 52, 15, 16, 42. На об. послѣдняго листа записка Е. М. Хитрово.

6). „*Les deux danseuses*“, программа повѣсти (начало 1830-хъ гг.). Въ 16-ую долю, 1 л. Бумага съ клеймомъ 1830 г. Красная цифра 13. Текстъ французскій. Упоминаются имена Zavad[ovski] и Ist[omine]; ср. наброски плана повѣсти „Русскій Целамъ“, II-й, III-й и IV-й (Ефр. 5. 172 — 174).

7). Замѣтка о *Моцартъ и Сальери* (1832). Въ 8-ую долю, на 1 л. Внизу рисунокъ, изображающій кусты, и перечень, повидимому, писемъ (имена и фамиліи лицъ перечня поставлены въ дат. падежѣ). Замѣтка написана на оборотѣ письма Н. М. Смирнова; послѣднее приблизительно можетъ опредѣлить дату замѣтки (Анн. 1. 288; Лит. ф. 5. 194).

8). Первоначальный набросокъ плана *Дубровскаго*. (1832). Въ 8-ую долю, на 1 л. Сѣрая бумага. Въ срединѣ краснымъ черниломъ цифра 12.

9). Замѣтка о происхожденіи *Графа Нулина* (1833?). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста краснымъ черниломъ цифра 64 (Анн. 1. 167; Лит. ф. 5. 194).

10). Набросокъ плана *Капитанской дочки* (1833). Въ 8-ую долю, на 1 л. На об. краснымъ черниломъ цифра 25.

11). Отрывокъ наброска плана *Кирджали* (1834). Клочекъ сѣрой бумаги. На об. краснымъ черниломъ цифра 11.

12). Набросокъ плана повѣсти (?) изъ времени Петра Великаго (1834 — 1835). Въ четвертку, на 1 л. Бумага съ клеймомъ 1834 г. Красная цифра 10. Начальные слова: „Сынъ стрѣльца воспитанъ вдовою вмѣсть съ ея сыномъ...“.

13). Набросокъ плана драматического произведенія (1830-ые гг.). Въ листъ, на 1 л. Красная цифра 3. Писано карандашомъ. Текстъ французскій. Дѣйствующія лица: *Adèle, Charle* и *Derv...*

Перечни стихотвореній.

1). Перечень стихотвореній. Въ четвертку, на 1 л. Грубая сѣрая бумага. Въ срединѣ краснымъ чёрниломъ цифра 1. Писано въ 2 столбца. При названіяхъ стихотвореній отмѣчены годы, къ которымъ они относятся —

1824 по 1831; въ спискѣ есть стихотворенія неизвѣстныя.

2). Перечень стихотворныхъ произведеній. Въ листъ, на 1 л. Толстая сѣроватая бумага. На обратной чистой сторонѣ краснымъ черниломъ цифра 91. Верхняя часть листа занята спискомъ произведеній съ годами ихъ сочиненія и, повидимому, отмѣтками о деньгахъ, за нихъ полученныхыхъ. На нижней части въ три столбца распределеніе стихотворныхъ произведеній по тремъ томамъ для изданія; изъ ряда 2-го тома впослѣдствіи выдѣленъ въ самостоятельный 4-й т. Евгений Онѣгинъ, а къ 3-му приписаны произведенія 1833 г., ранѣе въ списокѣ не внесенные.

Историко-литературные и историческіе материалы, статьи, замѣтки и записки.

1). „*Prologue*“, отрывокъ изъ записокъ (ранніе годы). Въ четвертку, 1 л. Синеватая бумага. Красная цифра 14. Нач.: „Я посѣтилъ твою могилу...“. Въ отрывокъ упоминается Ц[арское] С[ело], Баб[олово], Дельвигъ, Кюхельбекеръ.

2). „*O фр[анцузской] словесности*“ (до средины 1820-хъ гг.). Въ четвертку, 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 4. На об. листка нѣсколько профилей. Статья касается вопроса о вліяніи французской литературы на русскую.

3). Замѣтка о драматическихъ произведеніяхъ (до средины 1820-хъ гг.). Въ четвертку, 1 л. Сѣрая бумага. Среди текста красная цифра 38. Замѣтка нач. словами: „Изъ всѣхъ родовъ сочиненій самыя (*invraisemblance*) неправдоподобныя...“.

4). Отрывокъ замѣтки о встрѣчѣ съ П. А. Ганнибаломъ (1824). Клочокъ листа сѣрой бумаги. По срединѣ крас-

нымъ черниломъ цифра 18. На лицевой сторонѣ дата „1824 Ноябр. 19 Мих[айловское]“ и начало разсказа, на оборотѣ — средина (Лит. ф. 5. 22).

5). *O народности въ литературѣ* (не раньше 1826 г.). Въ листѣ, на 2 л. Синеватая бумага со знакомъ 1823 г. Красные цифры: 1, 2. На л. 1-мъ текстъ, писанный карандашомъ; на об. л. 2-го перечень стихотвореній (карандашомъ), между прочимъ, пьесъ 1826 г.; тутъ же черновикъ начала письма (карандашомъ) на французскомъ языкѣ, можетъ быть, Бенкендорфу (ср. Лит. ф. 7. № 216). Текстъ статьи напечатанъ Анненковымъ и въ слѣд. изданіяхъ не полностью (Анн. 1. 260 — 261; Лит. ф. 5. 31).

6). „*Примѣры невозможности*“. Въ четвертку, 2 л. Сѣроватая бумага. Красные цифры: 2; 3. Анненковымъ напечатана только первая часть замѣтки (Анн. 5. 19; Лит. ф. 5. 54). На об. л. 2-го замѣтка, начин. словами: „*Если все уже сказано, зачѣмъ же вы пишете?*...“.

7). *Встрѣча съ Кюхельбекеромъ* (1827). Въ четвертку, на 2-хъ листахъ сѣрой бумаги. Въ началѣ текста дата „15 окт. 1827“. 2-й листъ оборванъ, на об. его строки изъ *Полтавы* (Лит. ф. 5. 50).

8). *Замѣтка о Байронѣ по поводу Корсара* (1827). Въ листѣ, на 2-хъ лл. Синяя бумага. Красные цифры: 32, 40. Анненковымъ напечатано съ пропускомъ въ срединѣ (Анн. 1. 260; Лит. ф. 5. 49).

9). *Отвѣтъ на разборъ 4-й и 5-й главъ Еленія Онѣтина* (1828). Въ листѣ, на 4 лл. Синяя бумага съ клеймомъ 1825 г. Красные цифры: 47, 48, 49, 46. Послѣдній листъ безъ текста. Разборъ былъ напечатанъ въ журн. „Атеней“ 1828 г., февр. Отвѣтъ напечатанъ не былъ.

10). *Замѣтка о трагедіи Ромео и Юльета Шекспира* (1829). Въ листѣ, на 1 л. Синяя бумага. Среди текста красная цифра 12. Близко къ тому, что напечатано Анненковымъ (Анн. 1. 169; Лит. ф. 5. 62).

11). *Отрывок из литературных листописей* (1829). Въ четвертку, 13 лл. Синяя бумага съ клеймомъ 1826 г. Красныя цифры: 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27. Въ концѣ (на л. 13-мъ) приписано: „27 марта 1829. Москва“. На л. 1 заглавіе „Придисловіе“ и эпиграфъ „Sine ira et studio“; ниже нарисованъ мужской профиль, написано „1829“ и еще ниже отмѣчено: „въ лиговомъ домѣ“. На л. 13 об. мужской профиль, тщательно нарисованный перомъ, съ подписью А. Р...; рядомъ съ нимъ стоитъ „Pièces justificatives“ и затѣмъ приведенъ перечень статей, можетъ быть, послужившихъ материаломъ къ настоящей статьѣ.

12). *Замѣтки о русскихъ пословицахъ* (1820-ые гг.). Въ четвертку, 2 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красныя цифры: 31, 30. Листки теперь раздѣлены, но ранѣе, очевидно, составляли одинъ листъ. Текстъ начинается на об. л. 1-го, кончается на об. л. 2-го. У Анненкова (Анн. 1. 254) замѣтка напечатана съ пропусками (такъ же Лит. ф. 5. 137). Нач.: „Не суйся середа прежде четверга“; конч.: „Кто въ дѣлѣ (въ должностіи), тотъ и въ отвѣтѣ (въ посольствѣ)“. Въ изданіяхъ отнесено къ 1830 г., но, судя по почерку, едва ли вѣрно.

13). *Замѣтки и выписки о государственномъ строѣ, отрывки* (1820-ые гг.). Въ четвертку, 3 л. Синяя, голубая и сѣроватая бумага. Среди текста красныя цифры: 58, 57, 59. На двухъ листкахъ текстъ съ одной стороны. Писано по французски.

14). *Замѣтка объ изученіи русской словесности* (1830). Въ листъ, на 2-хъ лл. Красныя цифры: 31, 33. Текстъ замѣтки напечатанъ Анненковымъ (Анн. 1. 263; Лит. ф. 5. 251—252). Нач.: „Приступая къ изученію...“; конч.: „единственный памятникъ—Пѣснь о цлк. Иг[оревѣ]“. Надъ началомъ замѣтки нѣсколько словъ объ уваженіи къ минувшему, какъ чертѣ, отличающей образованность отъ

дикости (ср. Анн. I. 148—не сходно). На об. л. 1-го и на лицевой сторонѣ л. 2-го черновикъ французского письма, повидимому, къ гр. Бенкендорфу.

15). *О критикѣ*, набросокъ плана статьи (1830—1831). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага. Среди листа краснымъ черниломъ цифра 34. Начальные слова: „Критика вообще. Крит. наука...“; послѣднія слова: „гдѣ нѣтъ любви къ искусству, тамъ нѣтъ и критики“ (это вставка къ предыд. фразѣ, начинающейся словами: „хотите ли быть знакомымъ съ художествомъ...“). Низъ листа занятъ черновымъ наброскомъ 25-й—26-й строфъ VIII-ой главы *Евгения Онѣгина*.

16). *О приличіи въ литературѣ* (1830—1831). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣроватая бумага со знакомъ 1830 г. Красные цифры: 56, 57. Въ концѣ приписано: „24 окт.“. Первая часть замѣтки (л. 1 и л. 1 об.) напечатана (Анн. I. 296—297; Лит. ф. б. 139—140).

17). *Набросокъ введенія въ русскую исторію* (1830—1831). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣроватая бумага съ клеймомъ 1830 г. Среди текста красные цифры: 54, 55. Текстъ французскій. На л. 2-мъ послѣ текста рисунокъ, изображающій женскую фигуру въ восточномъ нарядѣ. Оборотъ л. 2-го безъ текста.

18). *Отрывокъ очерка татарскаго нашествія* (1831). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣроватая бумага со знакомъ 1831 г. Красные цифры: 52, 53. Текстъ французскій. Начала недостаетъ; нач. словами: „tandis que les petits fils de Wlad[imir]...“. Текстъ кончается на лицевой сторонѣ л. 2-го.

19). *Краткая замѣтка о Поль-Потерѣ изъ Conversations-Lex.* (1831). Въ 16-ую долю, 1 л. Сѣроватая бумага. Красная цифра 14. На об. отрывки двухъ послѣднихъ строкъ (по 2 слова) *Бородинской годовщины* и отмѣтка „5 сент.“ (пьеса написана 5 сент. 1831 г.).

20). *О феодальном устройстве*, краткий набросокъ (1831). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага съ клеймомъ 1830 г. Красная цифра среди текста 68. Оборотная сторона безъ текста. Передъ наброскомъ дата „30 мая 1831 Ц[арскoe] С[elo]“ и эпиграфъ изъ Вольтера. Нач.: „Прежде нѣжели приступимъ...“; послѣ первой фразы идетъ уже не изложеніе, а планъ статьи.

21). *Та же статья, въ изложении* (1831). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага съ клеймомъ 1831 г. Среди текста красная цифра 67. Текстъ, за немногими исключеніями, сходенъ съ тѣмъ, который напечатанъ Анненковымъ (Анн. 1. 267 — 268); нач. словами: 1) „Прежде нѣжели приступимъ къ описанію преобразования...“; обрывается на полусловѣ: „а въ послѣдствіи са[ми отъ себя]“.

22). *О журнальной полемикѣ* (1831). Въ листъ, на 1 л. Сѣроватая бумага съ клеймомъ 1831 г. Среди текста красная цифра 12. Нач.: „Писатели известные у насъ подъ именемъ аристократовъ ввели обыкновеніе...“; конч.: „гордость недостойная доброго христіанина“. Въ сравненіи съ текстомъ, напечатаннымъ Анненковымъ (Анн. 1. 251) и перепечатаннымъ въ другихъ изд. (Лит. ф. 5. 110, Ефр. б. 483, и пр.) есть нѣсколько дополненій и поправокъ редакціонного характера (напр. вм. сл. сходка печатнаго текста въ рукописи „кабакъ“, и пр.) Поправки эти, повидимому, сдѣланы Анненковымъ.

23). *Замѣтка о русской журналистики въ сравненіи съ иностранной* (1831). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣроватая бумага съ клеймомъ 1830 г. Среди текста красная цифра: 62, 63. Замѣтка занимаетъ листы 1-й и начало 2-го; начин. словами: „Определите значеніе словъ, говорить Декартъ...“; надъ текстомъ зачеркнутое заглавіе „Обозрѣніе обозрѣній“. На л. 2-мъ черновикъ письма къ Бенкендорфу отъ 18 янв. 1831 г. (Ефр. 7. 387 — 388). На л. 2 об. карандашный черновикъ стихотворенія „Я думалъ, сердце

позабыло..." (Анн. 1. 212; Лит. ф. 2. 40) съ варіантами противъ обычнаго текста; кромѣ извѣстныхъ двухъ строфъ есть неоконченный набросокъ третьей строфы; писано по-перекъ листа въ 2 столбца. Рядомъ съ стихотвореніемъ нѣсколько женскихъ профилей карандашомъ. Издание относятъ стихотвореніе это къ 1828 г.; на основаніи настоящей рукописи его слѣдуетъ, вѣроятно, считать написаннымъ въ началѣ 1831 г.

24). *О дворянствѣ*, программа статьи (1831?). Въ листѣ, на 1 л. Сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 61. Первая часть этой программы напечатана Анненковымъ въ Вѣстникѣ Европы 1880 г., № 6, стр. 605 (Лит. ф. 5. 169).

25). *Замѣтка обѣ аббатѣ Шаппѣ и ею описаніи путешествія въ Сибирь* (начало 1830-хъ гг.). Въ 8-ю долю, на 1 л. На об. листа счета; среди нихъ красная цифра 32.

26). *Замѣтка о современныхъ французскихъ писателяхъ* (1831 — 1832). Въ листѣ, на 1 л. Желтоватая бумага съ клеймомъ 1831 г. Среди текста красная цифра 39. Первая часть замѣтки съ сокращеніями напечатана Анненковымъ (Анн. 1. 297 — 298), затѣмъ перепечатана въ др. изданіяхъ (Лит. ф. 5. 161, и пр.).

27). *Матеріалы и замѣтки къ Исторіи Пугачевскаго бунта* (1833 — 1834). Въ листѣ, четвертку, восьмую и шестнадцатую доли, на 78 листахъ, изъ которыхъ 5 безъ текста, 60 писаны рукою Пушкина и 13 писарской рукою. Бумага разнообразная со знаками 1829, 1830, 1832 и 1834 гг. Матеріалы и замѣтки вошли частью въ текстъ исторіи, примѣчанія и приложенія, иногда въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ имѣются въ рукописи, иногда же въ переработанномъ; нѣкоторые замѣтки не были введены въ первое изданіе, равно и въ изданіе Анненкова, и нашли себѣ мѣсто только въ новѣйшихъ изданіяхъ Исторіи Пугачевскаго бунта (см. Лит. ф. 6. 301); наконецъ, нѣкоторые

материалы (напр. часть указовъ Пугачева, писемъ Падурова) въ изданія вовсе не внесены. Среди замѣтокъ Пушкина въ рукописи находимъ двѣ датированныя: замѣтка объ отцѣ Крылова съ датой „11 апр. 1833“ (л. 28) и набросокъ гл. 7-й — „Казань 6 сент.“ (л. 2).

28). *Очеркъ исторіи русской литературы въ связи съ литературой французской* (1834). Въ листъ, на 8 листахъ. Съроватая бумага; есть клеймо 1834 г. Красные цифры съ 1 до 8. Въ лѣвыхъ верхнихъ углахъ первыхъ семи листовъ, перемѣтка рукою Пушкина 1 — 7. На л. 3 об. два наброска письма къ гр. Бенкендорфу (по русски и по французски), вѣроятно, того самаго, которое въ иной редакціи было написано 23 ноября 1834 г. (см. Ефр. 7. 581—582, № 498). На об. л. 8-го (бѣломъ) карандашомъ приписано (не Пушкинымъ) „О классицизмѣ и романтизмѣ“. Текстъ настоящей статьи отчасти сходенъ съ той статьей, которая печатается въ изданіяхъ сочиненій Пушкина подъ заглавиемъ *О русской литературѣ съ очеркомъ французской* (Лит. ф. 5. 243 — 251). Рукопись начинается словами: „Долго Россія оставалась чуждою Европѣ...“ (б. 249); послѣ части, помѣщаемой въ изданіяхъ подъ II (б. 250 — 251), слѣдуетъ то, что находится передъ вступленіемъ (Лит. ф. б. 243 — 249); эта часть за немногими исключеніями въ рукописи изложена совершенно иначе, чемъ въ печатномъ текстѣ.

29). *О Дельвигѣ* (1834 или 1835). Въ листъ, на 1 л. Събрана бумага со знакомъ 1834 г. (такимъ образомъ, къ 1831-му г., какъ въ изд. Лит. ф. и др., отнесено быть не можетъ). По срединѣ листа красная цифра 14. Нач.: „Яѣхалъ съ В. изъ П.б....“; конч.: „послѣ скучнаго математическаго класса“ (Лит. ф. 5. 159 — 160).

30). *Замѣтка о новой комедіи Загоскина — Недовольные* (1836). Въ листъ, на 1 л. Бумага съ клеймомъ 1834 г. Красная цифра 51. На об. набросокъ профиля, повиди-

мому, самого Пушкина, и черновикъ письма къ неизвѣстному, по всей вѣроятности, въ Тверь. Дата опредѣляется временемъ выхода въ свѣтъ комедіи Загоскина.

31). *Краткія замѣтки по русской исторіи* (1830-ые гг.). Въ 8-ую долю, на 2 л. Бумага, вѣроятно, второй половины 1830-хъ гг. Красныя цифры: 18, 30. Текстъ писанъ по русски и по французски, съ одной стороны листковъ. Въ замѣткахъ говорится объ удѣльныхъ князьяхъ, боярахъ, кабальныхъ и полныхъ холопахъ и пр.

32). *О русскихъ словахъ, взятыхъ съ французскаго* (1830-ые годы). Въ четвертку, 1 л. Голубоватая бумага. Среди текста красная цифра 68 (Анн. 1. 255 — 256; Лит. ф. 5. 136 — 137).

Календарь или мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Господа нашего Иисуса Христова 1721... Въ Санктпітербургской Типографіи лѣта Господня 1720, Декабря въ 12 день. — Копія 1820 — 1830 гг. Въ листъ, на 12 листахъ (лл. 10 и 11 бѣлые). Текстъ писанъ писарской рукой; заглавный листъ, отмѣтки на л. 2-мъ и на л. 5 и рисунокъ на л. 12 об., изображающій виѣшность календаря, съ припиской „форма календаря“, — рукою Пушкина. Въ текстъ копіи не введенъ мѣсяцесловъ въ тѣсномъ смыслѣ — распределеніе памятей святыхъ и днѣй недѣли по числамъ, фазы луны, время восхожденія и заходженія солнца (ср. описание Календаря у Пекарского — Наука и литература въ Россіи при Петре Великомъ, т. 2, 490).

II. Переписка Пушкина.

Письма Пушкина.

1). Къ Н. И. Гнѣдичу, 29 апр. 1822 г. (Лит. ф. 7, № 22, стр. 29—30). Въ четвертку, на 2-хъ отдѣльныхъ листкахъ, составлявшихъ прежде одинъ листъ. Въ серединѣ лицевыхъ сторонъ листовъ краснымъ черниломъ цифры: 8, 9. Черновикъ. Съ печатнымъ текстомъ (и бѣловымъ и черновымъ) сходенъ только отчасти.

2). Къ А. Н. Раевскому, 1823 г. (Лит. ф. 7, № 54, стр. 66—67). Въ листъ, на 1 л. Синяя бумага съ филигранью Pro patria. Въ срединѣ листа краснымъ черниломъ цифра 59; верхъ листа оборванъ. На оборотѣ рисунки карандашомъ и перомъ — мужскіе профили и начала строкъ (концы оторваны) стихотворенія, нач.: „Но ты предвидѣньемъ своимъ [?]....“; — можетъ быть, черновой набросокъ стихотворенія *Недвижный стражъ дремалъ...* (Лит. ф. 1. 296 — 298). Письмо черновое; писано по французски. Въ печати известно въ русскомъ переводѣ.

3). Къ А. А. Дельвигу, дек. 1824 г. (Лит. ф. 7, № 89, стр. 100—103). Въ четвертку, на 3-хъ листахъ. На обор. 3-го л. слѣдъ красной сургучной печати. Начало и конецъ письма, имѣющіе личный характеръ, въ рукописи зачеркнуты; приписка рукописи на об. л. 3 въ изданія не вошла.

4). Къ Н. Н. Раевскому, 1827 г. (Анн. 1. 145 — 147: отрывки; ср. Ефр. 7. 287 — 289, № 219). Въ листъ, на 6 листахъ. Бумага темно-синяя со знакомъ 1825 г. По серединѣ лицевой стороны листовъ цифры: 37, 38, 42, 43, 44 (4-й листъ безъ отмѣтки). Черновикъ — материалъ къ предполагавшемуся предисловію Бориса Годунова.

5). *Къ Н. Н. Раевскому*, 1827 г. (ср. Ефр. 7, стр. 287 — 288, № 219). Въ четвертку, на 2-хъ лл. Рукопись представляетъ собою копію части предыдущаго письма (№ 4) — л. 1-го и лицевой стороны л. 2-го.

6). *Къ А. Х. Бенкendorфу*, іюнь (?) 1829 г. Въ 8-ю долю, на 1 л. Красная цифра 21. Верхняя часть листа оборвана; на обор. пробы пера и монограмма АП. рукою Пушкина. Черновикъ; на французскомъ языкѣ. Письмо въ печати неизвѣстно; содержаніе его изложено въ статьѣ неизвѣстнаго автора, посвященной Пушкину и напечатанной въ „Рус. Старинѣ“ 1874 г., т. 10, 703 — 704.

7). *Къ П. А. Плетневу*, 21 янв. 1831 г. (Лит. ф. 7, № 270, стр. 258 — 259). Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага 1829 г. Все письмо исколото иголкой (вѣроятно, для дезинфекціи, т. к. писано во время холеры). На об. 2-го л. остатки красной сургучной печати, почтовый штемпель и адресъ; лицевая сторона 2-го л. бѣлая. Подписи нѣтъ; дата „21 янв.“.

8). *Къ М. И. Погодину*, 1831 г. (ср. Ефр. 7, № 390, стр. 468 — 469). Въ 8-ую долю, на 2-хъ листахъ. Надъ началомъ письма рукою Л. Н. Майкова приписано: Погодину 1831. — Ни обращенія, ни подписи нѣтъ.

9). *Къ родителямъ* 1831 (?) г. Въ четвертку, на 1 л. На лицевой сторонѣ, среди текста цифра 3 краснымъ черниломъ; на об. красная цифра 2; поверхъ текста оборотной стороны наброски профилей и списокъ стихотвореній Пушкина, среди которыхъ встрѣчаются и произведенія 1831 г. Письмо черновое, писано частью черниломъ, частью карандашомъ. Даты нѣтъ.

10). *Къ Н. Н. Пушкиной*, 24 апр. 1834 г. Въ листѣ, на 1 л. Бумага 1830 г. Листокъ оборванъ снизу и запачканъ. Письмо въ печати неизвѣстно. Обращенія и подписи нѣтъ; дата „Вторникъ“, изъ текста видно — страстной недѣли; годъ опредѣляется при помощи другихъ писемъ.

11). *Къ П. Я. Чаадаеву* (1836). Въ листъ, на 2-хъ лл. Сѣроватая бумага со знакомъ 1836 г. Среди текста красные цифры: 13, 14. Черновикъ; на французскомъ языкѣ. Конецъ письма сходенье съ отрывкомъ того письма (черновымъ), которое напечатано г. Ефремовымъ въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина, т. 7, стр. 664 — 665, № 589; этотъ послѣдній черновикъ частью сходенье съ письмомъ — тоже черновымъ, напечатаннымъ тамъ же, подъ № 588, — 19 окт. 1836 г.; надо думать, № 589 только иная редакція письма № 588, а не самостоятельное письмо. Нѣкоторыя мѣста нашей рукописи, не сходныя съ № 589, сходны съ № 588.

12). *Къ бар. Геккерену*, 21 ноября 1836 г. Одиннадцать клочковъ письма (изъ нихъ одинъ безъ текста), видимо, отъ двухъ разныхъ листовъ бумаги, — одна изъ первоначальныхъ редакцій письма. Бумага синеватая. На одномъ изъ клочковъ знакъ 1826 г.; этотъ клоочекъ составляетъ одно цѣлое съ тремя другими; еще два могутъ быть соединены вмѣстѣ, остальные четыре не имѣютъ связи ни другъ съ другомъ, ни съ остальными. Всѣ отрывки писаны черниломъ, за исключеніемъ одного, писанаго карандашомъ. См. изд. Лит. ф. № 478 (послѣдняя редакція) и „Рус. Стар.“, 1880 г., т. 28, № 7, стр. 516 — 520 (первоначальная редакція).

13). *Къ А. О. Ишимовой*, 25 янв. 1837 г. Въ восьмую долю, на 1-мъ листѣ. Синеватая бумага. На об. краснымъ черниломъ цифра 24. Черновикъ; безъ обращенія, подписи и даты. Въ печати извѣстно по бѣловому списку (Лит. ф., № 484, стр. 419).

Письма къ Пушкину.

1). *С. Л. Пушкина*, 16 апр. 1830 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Письмо писано по французски (см. Анн.

1. 2782—79). Въ низу л. 2-го и на оборотѣ его приписка Над. Ос. Пушкиной.

2). *П. И. Кеппена*, 17 іюля 1836 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. На л. 1-мъ краткая записка (по русски), на л. 2-омъ извлеченіе изъ статьи А. Кухарскаго о имени Троянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ (на нѣмецкомъ языкѣ).

3). *П. Я. Чаадаева*, безъ даты. Въ четвертку, на 2-хъ л. Письмо занимаетъ лицевую сторону 1-го л., на об. 2-го адресъ. На французскомъ языкѣ.

III. Копіи Произведеній Пушкина.

1). *Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ 1817* (отн. къ 1816 г.). Въ четвертку, л. 2 лл. Копія рукою П. В. Анненкова. Надъ заглавіемъ отмѣчено, что стихотвореніе это получено отъ Сабурова (Я. Н. ?); въ концѣ объяснительная къ стихотворенію приписка Анненкова (Лит. ф. 7. стр. LIV; Ефр. 8. 76—77).

2). Отрывки изъ *Руслана и Людмилы*. Въ листъ, на 1 л. Писано рукою П. В. Анненкова, карандашомъ. Въ рукописи приведены стихи, бывшіе въ изданіи 1820 г. и выпущенные или измѣненные въ изд. 1828 г.; все они приведены въ изд. Лит. ф. въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ (т. 2, стр. 212, 213, 217, 223, 226, 242, 243 и 250); перечень пропущенныхъ стиховъ въ рукописи не совсѣмъ полонъ.

3). *Изъ посланія Я. Н. Толстому, нач.: Горишь ли ты, лампада наша...?* (1822). Въ листъ, на 1 л. Строки, пропущенные въ изд. Анненкова (т. 1. 187), но теперь печатающіяся (Лит. ф. 7. 40): „Вотъ онъ, пріютъ...“ и слѣд. шесть.—На томъ же листкѣ ниже *Экспромптъ Гнѣдичу* при чтеніи имъ у Я. Н. Толстого отрывка изъ Иліады (1819)

нач.: *Съ тобою въ спорѣ я не вступаю...* (Лит. ф. 7. 214).
Листокъ писанъ Я. Н. Толстымъ.

4). *Кавказскій пленникъ* (1821) и *Бахчисарайскій фонтанъ* (1822). Въ 32-ю долю, на 38 лл. Писано красивой, мѣльчайшѣй скорописью; на об. л. 1-го тушью портретъ Пушкина въ дѣтскомъ возрастѣ съ гравюры Гейтмана (портретъ этотъ былъ приложенъ къ 1-му изданію Кавказскаго Плѣнника). Рукопись заключена въ красный сафьяновый переплетъ, тисненый золотомъ, съ буквами L. G. на передней доскѣ и надписью — Соч. Пушкина — на корешкѣ; золотой обрѣзъ; при рукописи футляръ зеленаго сафьяна.

5). *Генералу Пущину* (1821) и *Вигело* (1823). Въ листъ, на 1 л. Первая пьеса — экспромптъ П. С. Пущину — въ рукописи съ добавленіемъ не печатающихся въ изданіяхъ четырехъ начальныхъ стиховъ (Лит. ф. 1. 262); нач.: Въ дыму, въ крови, сквозь тучи стрѣль.... — Вторая пьеса въ сравненіи съ текстомъ письма къ Ф. Ф. Вигелю (Лит. ф. 7. 64 — 65) даетъ нѣкоторые варианты.

6). *Хотя стишки на именины...* (1825) и *За Netty сердцемъ я летаю...* (1828). Въ четвертку, на 1 л. Старая сѣроватая бумага. Среди текста красная цифра 20. Листокъ писанъ рукою А. Н. Вульфъ (Анн. 7. 89; Лит. ф. 1. 346; Анн. 7. 92; Лит. ф. 2. 42). Первая пьеса посвящена Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ, вторая — Аннѣ Ивановнѣ Вульфъ.

7). *Пѣсни, записанныя Пушкинымъ* (1825). Въ листъ, на 2 лл. Писарскимъ почеркомъ, съ поправками и дополненіями рукою Аниенкова: 1) *Во городѣ было во Астрахани...* (Лит. ф. 1. 372 — 373), 2) *Какъ на утренней зарѣ...* (Лит. ф. 1. 373), 3) *Во славномъ городѣ во Киевѣ...* (Лит. ф. 1. 374 — 375), 4) *Какъ за церковью за польмейкою...* (Лит. ф. 1. 372).

8). *Нѣтъ, я не лѣтаетъ...* (1828). Въ 8-ую долю, 1 л. (Анн. 7. 37 — 38; Лит. ф. 2. 29 — 30).

9). *Гонимый рока самовластъемъ...* (1832). Обрывокъ листа (Лит. ф. 2. 142).

10). Отрывки изъ *Мъдраго всадника* (1833) и изъ *Родословной моего героя* (1833). Въ 8-ую долю и листъ, на 3-хъ лл. Писано рукой Анненкова, карандашомъ. Приведенные въ рукописи стихи Мъдраго всадника отмѣчены въ изд. Лит. ф., т. 3, стр. 561, 563, 570 — 571 (послѣдніе введены въ текстъ), Родословной — тамъ же, т. 3, стр. 550 — 551 (введены въ текстъ), 554 — 555, 552. (Нѣкоторые стихи Мъдраго всадника въ первыхъ его изданіяхъ, какъ известно, были замѣнены по цензурнымъ условіямъ иными, частью не Пушкинскими — см. Ефр. 8. 450 и слѣд.).

11). *Мирская власть*, нач.: „Когда великое свершалось торжество...“ (1836). Въ листъ, 1 л. Писано рукою П. В. Анненкова (Лит. ф. 2, 186). На об. листа *Арионъ* (1827).

12). *Нѣкоторая историческая замѣчанія* (1822), копія поздняго времени. Въ листъ, на 4 лл. Въ концѣ приписано: Писано въ Кишиневѣ 1821—1822 год. и почерпнуто изъ сборника Н. С. Алексѣева. — Въ настоящее время статья эта напечатана (съ пропусками) по оригиналу, находящемуся въ собраніи П. Я. Дашкова (см. Ефр. б. 354 — 360; Лит. ф. 5. 10 — 14).

13). *Отрывокъ изъ опыта отраженія нѣкоторыхъ нелитературныхъ обвиненій* (1830). Въ четвертку, на 2-хъ лл. Нач.: Одинъ изъ великихъ нашихъ согражданъ...; конч.: On en rit, j'en ris moi-même (Лит. ф. 5. 118 — 119).

B. Срезневский.

Собрание автографовъ Пушкина,

**принесенное въ даръ рукописному отдѣленію библіотеки
Императорской Академіи наукъ Е. А. Масальской-Суриной
(родд. Шахматовой).**

Въ ряду новыхъ пріобрѣтеній Пушкинского отдѣла рукописнаго отдѣленія библіотеки Академіи наукъ существенное значение имѣетъ коллекція, принесенная въ даръ библіотекѣ Евгенией Александровной Масальской-Суриной (родд. Шахматовой), заключающая собраніе автографовъ Пушкина, между прочимъ рядъ писемъ, до сихъ поръ известныхъ только по спискамъ. Свѣдѣнія обѣ этой коллекціи съ указаніемъ варіантовъ въ стихотвореніяхъ и поправокъ къ известнымъ въ печати текстамъ писемъ представляемъ въ настоящемъ описаніи.

Стихотворенія.

I. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ клеймомъ 1821 г. Въ правыхъ верхнихъ углахъ листовъ цифры 113 и 114.

л. 1. «Друзья», нач.: „Вчера былъ день разлуки шумной...“ (изд. Анненк., т. 2, 326 — 327; Лит. фонда, т. 1,

272—273). Относится къ 1822 году; впервые пьеса была напечатана въ Полярной звѣздѣ 1824 г., стр. 24—25. Въ рукописи первоначально было заглавіе „Вакхическая пѣснь“; загѣмъ зачеркнутое, оно было замѣнено тѣмъ, подъ которымъ пьеса известна теперь. Подпись монограмма АП.—Варианты: 1-я строфа, 4 строка — „при блескѣ чашъ“ вм. „при громѣ...“; 3-я строфа, 2 строка — „вашихъ глазъ“ вм. „нашихъ...“; въ этой редакціи стихотвореніе было напечатано въ Полярной звѣздѣ.

л. 1 об. «Гречанка», нач.: „Ты рождена воспламенять...“ (изд. Анненк., т. 2, 329—330; Лит. фонда, т. 1, 279—280). Относится къ 1822 году. Въ первый разъ было напечатано въ Полярной звѣздѣ 1823 г., стр. 107 — 108. Подъ строкой примѣчаніе къ сл. „пѣвецъ Леилы“: „См. поэму лорда Байрона Гляуръ (а не Джауръ, какъ пишутъ нѣкоторые)“. Подпись монограмма АП.—Вариантовъ къ извѣстному въ печати тексту нѣть, кроме написанія въ стр. 15-й, „въ дальней сторонѣ“ (какъ въ Пол. звѣздѣ) вм. „далней...“ (какъ въ слѣд. изд.).

л. 2 об. «Элея», нач.: „Увы, зачѣмъ она блеститъ...“ (изд. Анненк., т. 2, 260—261; Лит. фонда, т. 1, 223—224). Относится къ 1820 г. Впервые было напечатано въ Полярной звѣздѣ 1823 г., стр. 335 — 336.—Вариантовъ къ обычному тексту рукопись не даетъ.

II. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ филигранью TS. Въ правыхъ верхнихъ углахъ листовъ цифры: на 1-мъ л.—36 и 34, на 2-мъ — 35; на полѣ 1-го листа приписано дѣтскимъ почеркомъ старинной руки „Молилевъ“(?). Оба листка заняты стихотвореніемъ «Овидію» (изд. Анненк., т. 2, 301—304; Лит. фонда, т. 1, 258—260: „Къ Овидію“). Относится къ 1821 г. Впервые было напечатано въ Полярной звѣздѣ 1823 г., стр. 81 — 84 (озаглавл. „Овидію“; вм. подписи двѣ звѣздочки, какъ и въ рукописи). — Вариантъ въ 24 стихѣ, который читается

такъ: „Ты, съ юныхъ дней своихъ презрѣвши мечь булатной...“ вм. „Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненіе жизни ратной“, какъ въ Полярной звѣздѣ и др. изданіяхъ.

III. Въ четвертку, на 1 листѣ. Бумага съ филигранью — раковина (та же, что въ письмѣ Бестужеву 8 февр. 1824 г.—см. ниже). Въ правомъ верхнемъ углу цифра 68. На листкѣ находятся два стихотворенія: «Элегія» (нач.: „Простишь ли мнѣ ревнивые мечты...“) и «Нереида» (у Анненкова, т. 2, 340 — 341 и 269). Первое относится къ 1823 году, второе къ 1820 году. Въ первый разъ были напечатаны въ Полярной звѣздѣ 1824 г., стр. 314 — 315 и 29, но съ такими грубыми опечатками, что въ томъ же году были перепечатаны вновь въ „Литературныхъ листкахъ“ Булгарина (№ 4, стр. 134—135); „Элегія“ и на этотъ разъ не обошлась безъ дефектовъ, такъ какъ появилась въ печати безъ трехъ стиховъ (26 — 28). Рукопись наша, думаемъ, представляетъ тогъ именно автографическій списокъ, который былъ присланъ для напечатанія въ „Литературныхъ листкахъ“. На это указываетъ во первыхъ то, что списокъ точно сходенъ съ текстомъ „Литературныхъ листковъ“ во всѣхъ варіантахъ противъ обычнаго текста. Во вторыхъ, въ рукописи особенное вниманіе обращено на тѣ слова, которые явились въ Полярной звѣздѣ съ опечатками, — они писаны тщательнѣе, чѣмъ другія, и подчеркнуты; — въ Элегіи эти слова: *бесѣды* (Полярн. звѣзда—бесѣдѣ, 12), *съязнью* (Полярн. зв.— болѣзњю, 15); въ Нереидѣ: *надѣ* (Полярн. зв.—какъ, 3). Наконецъ, что особенно бросается въ глаза, это пропускъ въ рукописи тѣхъ же трехъ стиховъ (26 — 28) Элегіи, которыхъ недостаетъ въ изданіи Лит. листковъ. Среди доказательствъ нашего предположенія, конечно, наиболѣе существеннымъ является второй пунктъ — отмѣтка опечатокъ. — Что касается до варіантовъ противъ обычнаго текста, то они въ Элегіи слѣдующіе (въ сравненіи съ

текстомъ Анненкова): 2 стр. „моей любви *нешастное*“ (Анн. безумное), 9 стр. „мнѣ *чувства* омрачивъ“ (Анн. разумъ), 10 стр. „*безумной*“ (Анн. несчастной), 11 стр. „въ толпѣ ихъ *шумной*“ (Анн. страстной), 12 стр. „*уирюмъ* и молчаливъ“ (Анн. одинъ и ...), 15 стр. „хочу-ль *уйти*“ (Анн. бѣжать), 34 стр. „но ты *вѣрна*“ (Анн. но я любишь). Вариантъ въ Нереидѣ одинъ: 3 стр. „*сокрытый* межъ *олив*“ (Анн. межъ деревъ). Подпись въ рукописи послѣ второго стихотворенія — буквы А. П.

Письма.

I. Письма къ А. А. Бестужеву.

1). Письмо 21 іюня 1822 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ филигранью ТS. Въ правыхъ верхнихъ углахъ листовъ помѣтки 119 и 120. Подпись „Пушкинъ“; дата полная. — Въ изданіи Литературного фонда 1887 г. (т. 7, № 24, стр. 32—33) слѣд. неточность: 32,30-31 чит. „препятствія отъ напечатаніи“.

2). Письмо 13 іюня 1823 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Бумага съ клеймомъ 1821 г. Подпись монограмма АП; дата „13 іюня“. — Въ изданіи Литературного фонда (т. 7, № 39, стр. 49—51) слѣд. неточности: 50.3 вм. „это молчаніе“ чит. „это умолчаніе“; 50.4 вм. „я отъ тебя“ чит. „а отъ тебя“; 50.5 чит. „а обижать; 50.16 чит. и сказывали тѣ, что ходятъ; 50.18-19 чит. „Благовѣщеніе“; 50.24 чит. „въ рукахъ Николая Раевскаго“.

3). Письмо 8 февраля 1824 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Подписи нѣтъ; дата полная; на оборотѣ адресъ. — Неточности въ изданіи Лит. фонда (т. 7. № 59, стр. 71—72): 71.26-27 чит. „для снисходительного вниманія, мил(остивая) госуд(арыня) NN и ожидаетъ ободрителной улыб-

ки...“; 72.15 вм. „напечаталъ“ чит. „печатают“; 72.5 сл. „по-
хабный“ поставлено въ скобки и вписано между строкъ.

4). Письмо 29 июня 1824 г. Въ четвертку, на 2-хъ ли-
стахъ. Бумага съ клеймомъ 1821 г. Подписи нѣть; дата
полная.—Неточности изд. Литер. фонда (т. 7. № 68, стр.
81 — 82): 81.20 чит. „послѣднее твое“; 81.24-25 вм. „прі-
ятно ли“ и проч. чит. „пріятельское ли дѣло вышивать на
показъ мокрыя мои простыни? Богъ...“ и пр.; 81.26 чит. „ты
остранилъ“; 81.27-28 вм. „еще не кстати“ чит. „еще кста-
ти“; 81.29 вм. „припомнить“ чит. „припомнить“; 81.30 чит.
„когда увидѣлъ“; 82.2-3 чит. „единственномъ журнале“;
82.12 чит. „миновался“; 82.14-15 вм. „въ свидѣтели“ чит.
„въ свидѣтельство“; 82.17 вм. „но вижу“ чит. „а вижу“;
82.20 вм. „грезъ“ чит. „жидъ“; 82.21 чит. „попа“; 82.24 вм.
„молодости“ чит. „младости“.

5). Письмо 24 марта 1825 г. Въ четвертку, на 2-хъ
листахъ. Бумага съ клеймомъ 1820 г. Прожжено насеквость
по срединѣ листа. Начальные слова письма: „Во первыхъ
пришли мнѣ свой адресъ...“; въ концѣ отмѣтка: „24 март.
Михайловское“. Письмо это въ изданіяхъ присоединяется,
какъ продолженіе, къ письму, начинающемуся словами
„Отвѣщаю на первый параграфъ твоего Взгляда“... (изд.
Лит. фонд., № 103) и помѣчается 21 марта (въ „Матеріа-
лахъ“ Анненкова, стр. 128, — 12 марта); нужно сказать,
что по бумагѣ, почерку, сгибамъ оно совершенно сходно
съ указаннымъ письмомъ; поэтому, вѣроятно, однимъ
изъ переписчиковъ, по копіи которого было напечатано въ
Русской старинѣ (1882, т. 33, стр. 460) и затѣмъ въ со-
браніяхъ сочиненій Пушкина, и было принято за состав-
ную часть другого (отн. этого — второго письма см. ниже).
Разновременность написанія писемъ яствуетъ изъ того,
что въ одномъ изъ нихъ (24 мр.) находимъ слова „Жду
П[олярную] З[вѣзду], давай ее сюда; предвижу, что буду
съ тобой согласенъ въ своихъ мнѣніяхъ литературныхъ...“;

въ другомъ же подробно разбираются эти мнѣнія.—Неточности передачи въ изданіи Лит. фонда (№ 103, стр. 117—118): 117.15 вм. „очень очень дѣльное“ чит. „очень дѣльное“; 117.15 вм. „пришлю“ чит. „перешлю“; 117.21 вм. „имѣлъ къ тому“ чит. „имѣлъ тому“; 118.10 вм. „въ этомъ“ чит. „въ ономъ“; 118.16 вм. „но тебѣ“ чит. „да тебѣ“.

6). Письмо безъ даты; на основаніи содержанія можетъ быть отнесено къ концу апрѣля 1825 г. Въ четвертку, на 4-хъ листахъ. Бумага съ клеймомъ фабрики Сазонова 1820 г. Подписи нѣтъ. Первая часть письма (начиная со словъ „Отвѣчаю на первый параграфъ...“ и кончая словами „я буду говорить“) въ изданіи Лит. фонда 1887 г. (т. 7, 115—117) и „Рус. Старинѣ“ (1882 г., т. 33, 458—459) напечатана въ соединеніи съ письмомъ 24 марта, и такимъ образомъ съ невѣрной датировкой (см. выше); вторая часть—какъ самостоятельное письмо (Лит. фонд., 1887, 127—128; „Рус. стар.“ 1882 г., т. 33, 461—462). Ранѣе въ правильномъ порядке все письмо полностью было напечатано въ „Русскомъ словѣ“ 1861 г. (ч. 2, стр. 24—27), въ отрывкахъ у Анищенкова (Мат., 160—162).—Неточности передачи въ изданіи Лит. фонда 1887 г. (№№ 103 и 114, стр. 115—117, 127—128): 115.27 вм. „у такихъ“ чит. „у та-*ко*выхъ“; 116.7 вм. „и нѣтъ литературы“ чит. „а нѣтъ...“; 116.8 чит. „и недостаетъ“; 116.9 чит. „репутаціи“; 116.24—25 чит. „что это все не можетъ установить какою-нибудь мнѣнія“; 116.28 чит. „вотъ все“; 116.29 вм. „можно сказать“ чит. „скажемъ“; 116.31 вм. „позже“ и проч. чит. „ниже съ этимъ соглашаешься“; 116.37 вм. „не хуже“ чит. „не нижe“; 116.41 чит. „да Баратынского“; 117.1-2 вм. „таланты“ чит. „дарованія“; 127.20 чит. „предъ ними“; 127.31 чит. „объ нашей-то“; 128.2 чит. „подлецъ Воронцовъ“; 128.8 вм. „по-дражаніяхъ“ чит. „подражателяхъ“; 128.15 чит. „брось этихъ нѣмцевъ“; 128.18 вм. „романической“ чит. „байро-нической“; 128.20 чит. „конечно тебѣ“; 128.20 чит. „на его

Войнаровскаго". Издание „Рус. слова“ исправленное изд. Литературного фонда, но въ немъ имѣются некоторые пропуски, вероятно, обусловленные требованиями цензуры. Слѣдуетъ отмѣтить, что фразы, поставленныя въ изд. Лит. фонда въ скобкахъ, въ оригиналѣ находятся или подъ строкой или на полѣ; это суть: „виноватъ! Горацій...“ (115), „уважаю въ немъ великаго человѣка...“ (116), „у одного только народа...“ (116). Интересно отмѣтить, что слова „кумиръ Державина $\frac{1}{4}$ золотой, $\frac{3}{4}$ свинцовыи“, первоначально были написаны — „...полузолотой, полусвинцовый“, затѣмъ слова „полу“ были зачеркнуты и надъ ними поставлены цифры.

7). Письмо 30 ноября 1825 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Писано блѣдными коричневатыми чернилами. Безъ подписи; дата „30 ноября“. На обратѣ адресъ: „Его Высокоблагородію Кондратію Федоровичу Рыльеву въ С.-Петербургъ. У Синяго мосту въ домѣ Американской компаніи. Пр. дост. Г-ну Бестужеву“. Печать Пушкина чернаго сургуча, почтовый штемпель „Опочка 18... дек. 5“. — Неточности передачи въ изданіи Лит. фонда (№ 151, стр. 166): 166.9 чит. „объ журналѣ“; 166.12 вм. „запрещеніями“ чит. „защищеніями“; 166.12 чит. „выдутъ“; 166.20 чит. „была бы лучше“; 166.28 чит. „все будетъ слою сбиваться“. Въ „Рус. словѣ“ текстъ переданъ точнѣе, но съ сокращеніями, ничѣмъ не отмѣченными. См. еще „Рус. стар.“, 1882 г., т. 33, с. 463 — 464 (по списку), Отч. зап. 1855, № 6, отд. III, с. 64.

II. Письма къ К. О. Рыльеву.

1). Письмо 25 янв. 1825 г. Въ 8-ую долю, на 2-хъ листахъ. Безъ подписи; дата: „25 генв.“.—Неточности изд. Литературного фонда (№ 94, стр. 106 — 107): 106.23 вм. „отрывки“ чит. „отрывокъ“; 106.30 чит. „Гудибраса“; 107.1

чит. „Ренике-Фуксъ“; 107.2 вм. „и проч. и проч.“ чит. „etc. etc. etc. etc. etc.“; 107.3-4 чит. „картины... входятъ“; 107.10 вм. „навсегда“ чит. „всегда“; 107.11 вм. „корить... вѣнчать“ чит. „казнитъ ... вѣнчаетъ“; 107.14 чит. „января“.

2). Письмо безъ даты, относимое къ концу апрѣля 1825 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ (2-й листъ бѣлый). Бумага съ клеймомъ 1824 г. Подписи нѣтъ.—Неточности противъ изд. Литер. фонда (№ 113, стр. 126 — 127): 126.28 чит. „подразумѣвать похвалу, знаки возмѣщанія“; 126.29 чит. „писано тобою съ умыслу“; 126.29 чит. „не счель я за нужное отмѣчать его для тебя“; 127.12 чит. „Наливайки.“

III. Письмо изъ А. Х. Бенкендорфу.

21 апр. 1828 г. Въ четвертку, на 2-хъ листахъ. Въ правыхъ верхнихъ углахъ листовъ помѣтки 16 и 17. На 1-мъ л. надъ обращеніемъ приписано: „пол. 23 Апрѣля 1828 г.“ Подпись и дата полныя. Напечатано въ первый разъ въ Рус. старинѣ 1874 г. (т. 9, с. 394—395) въ статьѣ А. И. Ивановскаго „А. С. Пушкинъ, эпизодъ изъ его жизни 1828 г.“ (по оригиналу); хотя отмѣчено, что письмо „приведено безъ малѣйшаго измѣненія въ грамматикѣ и орѣографії“, неточности, и именно отклоненія отъ орѣографіи, есть. Въ изд. Лит. фонда, № 201, стр. 201 — 202.

B. Срезневскій.

Къ литературной исторіи „Исторіи села Горохина“.

„Англія есть отечество каррика-
туры и пародій. Всякое замѣчатель-
ное происшествіе подаетъ поводъ къ
сатирической картинкѣ; всякое со-
чиненіе, означенованное усѣхомъ,
подпадаетъ подъ пародію. Искусство
поддѣлываться подъ слогъ извѣст-
ныхъ писателей доведено въ Англіи
до совершенства. Нѣ думаю, чтобы кто
нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ пи-
сателей могъ узнать себя въ пароді-
яхъ, напечатанныхъ недавно въ од-
номъ изъ московскихъ журналовъ.
Сей родъ шутокъ требуетъ рѣдкой
гѣбости слога; хороший пародистъ
обладаетъ всѣми слогами, а нашъ
едва ли и однимъ. Впрочемъ, и у
насъ есть очень удачный опытъ:
г-нъ Полевой очень забавно паро-
дировалъ Гизота и Тьеरри“.

(А. Пушкинъ, „О каррикатурѣ въ
Англіи и о Полевомъ“, 1830).

„Самая замѣчательная пародія Пушкина, говорить Страховъ, есть «Литопись села Горохина», въ которой онъ пародировалъ первыя главы *Исторіи Государства Россійскаго*. Ложный тонъ Карамзина здѣсь разоблаченъ совер-
шенно, при томъ не вообще, а съ точнымъ указаниемъ избранныхъ свойствъ предмета, по отношенію къ кото-

рому этотъ тонъ ложенъ¹⁾). Это утверждение, будто „Исторія села Горохина“ есть пародія на Исторію Карамзина — домыселъ, ни на чёмъ не основанный и ничѣмъ не подтверждаемый, тѣмъ не менѣе, имѣвшій нѣкоторый успѣхъ въ русской критической литературѣ.

Это тѣмъ болѣе странно, что въ томъ-же 1830 году, когда создано было разбираемое произведеніе, написалъ Пушкинъ, между прочимъ, разборъ „Исторіи русскаго народа“ Н. Полевого. Въ этой статьѣ поэтъ неразъ нападаетъ на Полевого за несправедливое отношеніе къ Карамзину. Напр.:

„...но желаніе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ г-нѣ Полевомъ, и, какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая пародія заглавія Исторіи Государства Россійскаго, такъ и разсказъ г-на Полевого слишкомъ часто не что иное, какъ пародія разсказа исторографа“.

«Исторія Русскаго народа» начинается живымъ географическимъ изображеніемъ Скандинавіи и нравовъ дикихъ ея обитателей; г-нъ Полевой становится столь же теменъ въ изложеніи своихъ этнографическихъ понятій, какъ въ философическихъ разсужденіяхъ своего предисловія. Онъ или повторяетъ, сблизивъ то, что было ясно изложено Карамзинымъ, или касается предметовъ, вовсе чуждыхъ исторіи русскаго народа, и, утомляя вниманіе читателя, говоритъ поминутно: „И такъ мы видимъ.. Изъ сего слѣдуєтъ...“, „...Презрѣніе, съ какимъ г. Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ, оскорбляло нравственное чувствоуваженія нашего къ великому соотечественнику...“ и пр.

Достаточно этихъ цитатъ, чтобы удостовѣриться, что въ 1830-омъ году Пушкинъ энергично и искренно защи-

1) Н. Н. Страховъ, „Замѣтки о Пушкинѣ“.

щалъ Карамзина, и отнюдь не былъ расположень сочинять „пароді“ на его бессмертный трудъ. Любопытио, что, рядомъ съ этимъ уваженіемъ къ Карамзину, около имени Полевого какъ разъ въется неотступно насмѣшилъ словцо: „пародія“. Полевой, по мнѣнію поэта, слѣпо подражалъ Карамзину, Тьерри, Баранту и Нибуру, но это подражаніе было такъ неудачно, что переходило въ «пародію».

Полевого поэтъ высмѣялъ зло не только въ этой критикѣ на его историческій трудъ, но и въ частныхъ письмахъ, и въ шутливыхъ „Дѣтскихъ сказкахъ“ (все въ томъ-же 1830-омъ году), — конечно, къ нему онъ не пыталъ никакого благоговѣнія и готовъ былъ его выслушивать. Вотъ почему съ болѣшимъ правомъ можно утверждать, что „Исторія села Горохина“ есть пародія на „Исторію русскаго народа“ Полевого. Мнѣніе это еще въ 1900-омъ году нашло себѣ подтвержденіе въ статьѣ: „Исторія села Горохина“ г. Черняева¹), который, опровергая Страхова, заявляетъ, что пародія Пушкина направлена не противъ Карамзина, а вообще противъ исторографовъ съ такими пріемами изслѣдованія и изложенія, какіе не нравились поэту; мелькомъ и Черняевъ останавливаетъ вниманіе свое на Полевомъ²), дѣлаетъ нѣкоторыя любопытныя сопоставленія и проходитъ мимо, не сдѣлавъ вышеприведенного категорического заключенія. Конечно, пока и не произведенъ обстоятельный сравнительный анализъ содержанія и стиля обоихъ сочиненій, вопросъ до нѣкоторой степени является открытымъ, но и

1) Н. И. Черняевъ, „Критическая статьи и замѣтки о Пушкинѣ“, Харьковъ. 1900.

2) „Такія же сближенія, какія сдѣлалъ Страховъ между параллельными мѣстами „Исторіи села Горохина“ и Исторіей Карамзина можно сдѣлать между и любымъ сочиненіемъ по русской исторіи. Возьмемъ, напримеръ, „Исторію русскаго народа“ Полевого“ (стр. 521).

сдѣланныя г. Черняевымъ сопоставленія указываютъ, на мой взглядъ, каковы должны быть результаты сближенія этихъ двухъ произведеній.

Но если можно считать до иѣкоторой степени рѣшеннымъ вопросъ, на кого мѣтила „пародія“ Пушкина, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ нѣтъ отвѣта на вопросъ о томъ, насколько самостоятельна самая „идея“ этой пародіи. Нетрудно было вышутить „исторію народа“ въ такой-же, но „только каррикатурной исторіи“, — но сжать исторію государства въ „исторію села“ — это, съ художественной точки зрѣнія, замыселъ, болѣе сложный, — его объяснить однимъ желаніемъ высмѣять Полевого нельзя.

Въ самомъ дѣлѣ, такое произведеніе, какъ „Исторія села Горохина“, заключаетъ въ себѣ, въ сущности, два предмета осмѣянія: 1) пріемы писателей-историковъ, 2) предметъ ихъ изслѣдованія — ничтожный, не заслуживающій вниманія. Такимъ образомъ, заразъ осмѣивается пошлость исторіографа и пошлость изображенной жизни.

Едва-ли Пушкинъ сознательно желалъ въ своемъ произведеніи высмѣять Россію, между тѣмъ, онъ сдѣлалъ это. Очевидно, для объясненія такой странности мало одного сближенія съ Полевымъ, — нужно искать еще какихъ-нибудь литературныхъ фактovъ.

Мнѣ кажется, что изъ недоумѣнія нась выводить одна любопытная работа извѣстнаго нѣмецкаго сатирика Рабенера, переведенная на русскій языкъ подъ названіемъ: «Сокращеніе, учиненное изъ лѣтописи деревни Кверлеквичъ» и изданная въ С.-Пб. въ 1764.

Это — остроумная сатира, художественнымъ замысломъ и, главное, тономъ совершенно напоминающая „Исторію (или лѣтопись) села Горохина“. Въ XVIII-мъ вѣкѣ сочиненіе это въ русскомъ переводѣ выдержало нѣсколько изданий (отдѣльно и въ собраніи сочиненій Рабенера), часто попадается въ разныхъ каталогахъ, — словомъ, было дос-

таточно популярно. У меня не быть данныхъ утверждать, что эта сатира была известна великому поэту¹⁾, но, при любви его рыться въ старыхъ книгахъ, она могла попасть ему въ руки и возбудить его интересъ, а, и это—главное, слишкомъ ужъ исключительно сходно содержаніе произведеній Рабенера и Пушкина, чтобы можно было упорно отрицать всякую связь между ними. Только Салтыковская „Исторія одного города“ примыкаетъ къ этимъ двумъ произведеніямъ — до такой степени они одинаки по своему типу среди массы произведеній всеобщей литературы.

Во всякомъ случаѣ, сопоставленіе Пушкинского произведенія съ сатирой Рабенера очень любопытно; привожу подробный пересказъ этой сатиры въ русскомъ ея переводѣ.

Авторъ разсказываетъ, какъ онъ отыскалъ эту курьезную „лѣтопись“, и что въ ней оказалось.

Начинается она съ обращенія къ „благосклонному читателю“, при чёмъ разсказано, откуда добыта лѣтопись (3).

„О сочинителѣ сей лѣтописи, такъ же и о томъ, когда оная въ свѣтъ издана, заподлинно донесть я не могу. На первой страницѣ оной, вместо надписи, поставлена литера N,—конечно для того, чтобы возбудить въ читателѣ любопытство и охоту къ исканію имени сочинителева. Но я, не прилагая на то ни малаго труда, догадываюсь, что написалъ ее деревенскій пасторъ“ (4).

„Когда же сей Авторъ жилъ и историческія приключения собиралъ, оное столько же, сколько и имя его сумнительно, а по догадкамъ кажется мнѣ, что сіе происходило вскорѣ послѣ смерти Канцлера Крела“ (4).

„...она весьма пространна, а писана въ листъ въ че-

1) Быть можетъ, составъ Пушкинской библіотеки (особенно изъ с. Болдина) поможетъ намъ въ этомъ отношеніи.

тыре алфавита, къ тому же мелкимъ и связнымъ письмомъ“ (4).

Посвящена „Лѣтопись“ тестю сочинителя и куму Юрью Клюнкеру, Бургомистру Меранскому и тамошняго почтеннаго сапожнаго цѣха Алдерману“ (7).

„Авторъ равняеть мѣстечко Меране съ древнимъ Римомъ, а любезнаго своего тестя съ Цицерономъ“, — ибо де и онъ, какъ Цицеронъ, вреднаго городу Риму сластолюбиваго Катилину изъ онаго выгналъ, избавилъ городъ Меране отъ надменнаго городского писаря.—(8).

„Отъ 9 до 12 страницы показываетъ порядокъ предпріемлемыхъ трудовъ своихъ; на 13 происходящую отъ оныхъ пользу; отъ 15 до 19 страницы изъясняется на шести листахъ, что за многотрудною своею должностю, сю приписъ окончать былъ принуждѣнъ. За симъ слѣдуетъ на 20 и 21 страницахъ крайнее желаніе о продолженіи лѣть любезному своему куму, на 22 стр. находятся слѣдующія слова: „Должная безъ ласкательства въ честь господину сочинителю лѣтописи Кверлеквичской, и на память ему отъ ниже именованныхъ ученыхъ людей возстановленная похвала“. Но сочинитель нашъ, какъ видно, не дождавшись сихъ ученыхъ похвалъ, умеръ, ибо до самой сороковой страницы находятся одни бѣлые листы“. (9).

„Съ сорокового листа начинается самая лѣтопись большими словами: „Богъ создалъ свѣтъ, а потомъ мужчину и женщину“. Тѣмъ кончается сія матерія, а сочинитель удивляется, сколь то чудно есть, что чрезъ столь многіе вѣки всѣ мѣста земныя родомъ человѣческимъ наполнились, такъ что нынѣ, говоритъ онъ, въ одной деревнѣ Кверлеквичѣ уже восемьдесятъ девять разумныхъ душъ находятся“ (9).

„На 46 стр. вздумалось ему добираться, въ какомъ бы состояніи деревня Кверлеквичъ за тысячу лѣть до сего-

находилась, о чёмъ заключилъ онъ, что въ тогдашнее время мѣсто сіе совсѣмъ было пусто, а тутъ, гдѣ построенъ въ киркѣ Канцель, — птица Выпъ крикивала. Потомъ, истощая все свое знаніе, рассказываетъ о нѣкоемъ Херускомъ князѣ, Арминіи называемомъ. Говоря же о Атилѣ приходитъ въ крайнее иступленіе и удивляется судьбѣ Вандаловъ, изъ холодныхъ восточныхъ мѣстъ въ теплую Италию пришедшихъ“ (10).

„На стр. 59 опомнился и извиняется, что писалъ странно не безъ причинъ, ибо де хотѣлъ я доказать, каковы были предки наши. Но, почитая все оное сомнительнымъ, разсудилъ лучше замолчать, нежели что-нибудь сомнительное говорить, ибо де разумному человѣку безъ ясныхъ доказательствъ ни о чёмъ писать не надлежитъ“ (10).

„Затѣмъ разсказываетъ о Гусѣ и Гуситахъ“. „Туть же искренне смытается простодушію нѣкоего крестьянина..., на мученія сего одушевлённаго мужа, связку дровъ привнесшаго“ (11).

„На стр. 66 объясняетъ, что такъ долго занимался „предками“ въ силу слѣдующаго разсужденія: „для меня, говорить онъ, довольно и того знанія, что намъ безъ предковъ быть не можно. Ибо, гдѣ есть дѣйствіе, тамъ надлежить быть и причинѣ; а понеже я и со всѣми крестьянами деревни Кверлеквичъ есмь дѣйствіе, слѣдовательно должна быть тому и причина, а она заключается въ предкахъ нашихъ, коихъ я выше сего съ столь великимъ трудомъ отыскать старался“ (11).

„На стр. 68 благодарить Создателя за то, что Тотъ умудрилъ его до того, что помогъ ему выбраться изъ временъ древности во времена историческія“ (11).

„Потомъ описываетъ, а притомъ съ довольною ясностью, положеніе мѣста, округа пространство, плѣтни, рвы и расположение улицъ Кверлеквическихъ“ (12).

„На стр. 80 объясняетъ происхожденіе названія Кверлеквичъ изъ Querelarum quies“ (12).

„На стр. 81 описываетъ строенія деревни съ приложениемъ множества плановъ, коихъ въ мѣсяцъ и охотнику пересмотрѣть будетъ трудно; однакожъ, несмотря на такое пространство, оного въ порокъ ему ставить не можно, ибо тѣмъ соблюль онъ еще и въ нынѣшнія времена отъ таковыхъ же писателей крѣпко наблюдаемое правило“ (12).

„Земскую избу, въ кою за вину крестьянъ сажали, почитаетъ также особливаго примѣчанія достойную и называется ее ужасомъ ослушниковъ и храмомъ справедливости, а земскаго строгимъ оной наблюдателемъ, а пріемъ будто бы удобномъ случаѣ показываетъ находящееся между духовнымъ и свѣтскимъ правленіемъ различіе“ (13).

„Не умалчиваетъ и о сходной крестьянской избѣ. Объ ней говорилъ онъ не короче, какъ о дворянскомъ домѣ, а о стоящей подъ окномъ ея липѣ, подъ которой крестьяне всегда на всходѣ збирались, безъ радостнаго восхищенія и упомянуть не можетъ. Ибо она дѣлаетъ ему всегдашнее напоминаніе о дрѣвнихъ идолъскихъ липахъ, подъ которыми встарину и суды производились. Сю матерію распространилъ онъ весьма велерѣчиво, чemu я и не удивляюсь; затѣмъ, что въ нынѣшніхъ писателяхъ въ таковыхъ дѣлахъ подобную ему рѣвность нахожу“ (13).

„На стр. 140 слѣдуетъ описание о церкви, поповомъ дворѣ и о школѣ, что онъ пространно описавши, приложилъ съ оныхъ и рисунки“ (13).

„Съ описаніемъ церкви соединяется разсказъ о находкѣ монеты съ неяснымъ изображеніемъ и неточной подписью — и доказывается, что сдѣлано Карломъ великимъ на случай крещенія Веткиндова. — Другіе думали, что это „крышка съ пробки“.

„На стр. 203 до 279 стр. находится поколѣнная рос-

пись благородныхъ дворянъ и наслѣдныхъ господъ Кверлеквичскихъ“ (15).

„Гансъ-фонъ N. родился въ 1429 году, жилъ 65 лѣтъ. Объ немъ ничего больше не примѣчается, какъ только то, что былъ чрезвычайно толстобрюхъ“ (16).

„Гансъ Урлихъ фонъ N. Сынъ его, имѣлъ гончую собаку и любилъ ее столь сильно, что при погребеніи оной далъ священнику больше, нежели на поминовеніе тогда жъ скончавшагося своего сына; впрочемъ, былъ человѣкъ добрый“.

„Георгъ фонъ N. ъль, пилъ, а женатъ былъ на трехъ женахъ, любилъ крестьянъ своихъ; священникамъ же былъ крайній непріятель, а о томъ и слышать не хотѣлъ, чтобы онъ на катедрѣ говорилъ... Отмѣнилъ древній обычай своихъ предковъ, кои ихъ по воскресеніямъ къ столу своему брали, словомъ былъ великой Атеистъ безбожникъ и бес совѣстный человѣкъ. И такъ, какъ жилъ, такъ и умеръ, ибо упалъ съ лошади и сломилъ себѣ шею. — Надъ гробомъ его происходилъ ужасный шумъ, которой и сама попадья собственными своими ушами слыхала“ (16).

Со стр. 280-й до 363-й—идетъ перечень церковниковъ и ихъ характеристики.

„Генрихъ Квадъ, честной мужъ, говорилъ еженедѣльно проповѣди и умеръ, оставя трудовъ своихъ книгу, называемую „чистосердечное наставление простодушнымъ проповѣдникамъ, какъ имъ на Канцелѣ осанисто говорить надлежитъ“ (17).

„Куртъ Гауціусъ, крайній пустосвятъ, блѣднѣлъ всегда, когда чтонибудь дурное о Папѣ слыхалъ. Отъ него сдѣжалось пятьдесятъ шесть человѣкъ раскольниковъ; бранился всегда съ помѣщикомъ и крестьянами за нестроеніе поповской конюшни; о праздникахъ (опившись пива) умеръ“ (17).

Изъ учителей школы выдѣленъ особенно одинъ Галвейтъ, которому авторъ лѣтописи присоединяетъ эпитетъ „Великій“ за то, что онъ обладалъ цѣлымъ рядомъ добродѣтелей и обучалъ дѣтей „чисто читать и писать, церковь содержалъ въ чистотѣ, изрядно въ колокола звонилъ, охотно пѣлъ“.

Изъ ученыхъ лицъ, происшедшихъ изъ села Кверлеквичъ: „Славнѣшиесуть слѣдующіе: Юрья Грейфъ—крестьянской сынъ, учился правамъ и былъ стряпчимъ въ пригородкѣ недалеко отъ Магдебурга. Особыя примѣты этого стряпчаго: длинные пальцы и такая толстая кожа на лицѣ, которая не пропускала краски стыда“ (19).

Балгазарь Вурцель — лекарь, изобрѣтатель разныхъ панацей.

Мартинъ Пинзель. Мать его, будучи имъ чревата, обѣщалась, когда дастъ ей Богъ сына, поставить его священникомъ. Необыкновенная тупость головы, косноязычіе и отсутствіе памяти, къ тому же призваніе къ кузничному ремеслу, — все это мѣшало бѣдному Пинзелю выполнить обѣтъ матери. Но, наконецъ, мать до тѣхъ поръ его била, пока не познала онъ точнаго своего званія и не сдѣлался учителемъ богословія. (19).

Было иѣсколько поэтовъ: „Илья Папъ, изрядной пѣвецъ и смѣшной человѣкъ, ходилъ на весьма высокихъ каблукахъ...; умеръ чиріемъ, оставя по себѣ трагедію: „Слѣпая старость или Товій“ (20).

„Захарій Папъ, братъ его, такой-же, однакожъ отъ онаго отмѣнной краснопѣвецъ“. — Былъ большой щеголь: „Фуфайку носилъ съ хрустальными разноцвѣтными пуговицами“, попаля въ шайку комедіантовъ. „Собраніе стиховъ его напечатано подъ именемъ: „Собачьи бѣшеные дни“; онъ же написалъ оду въ честь своей лирѣ и, читая ону, въ первой разъ отроду засмѣявшиясь, заходился до смерти“ (20).

„Наконецъ, на 384 стр. описаніе того, сколь часто въ Кверлеквичъ солдаты постоемъ стояли. Какъ они, къ крайнему всѣхъ прихожанъ соблазну, съ госпожи сей деревни, тайно начальника ихъ посѣщающей, платье сняли; сколь часто крестьяне поносомъ недомогали, какъ нѣкоего конокрада, въ тюрьму посадивши,увѣщевали; такожъ, что въ 1542 году сапожниковъ сынъ въ нужную яму упалъ, однакожъ оттуда безъ всякаго вреда вытащенъ“ (21).

Все это окончаніе лѣтописи приписано, какъ предполагаетъ Рабенеръ, супругой пастора.

Таково это любопытное произведеніе нѣмецкаго сатирика. Конечно, между лѣтописью села Горохина и лѣтописью деревни Кверлеквичъ сходства въ содержаніи почти нѣть, но за то *художественные замыслы*, лежащіе въ основаніи обоихъ произведеній, тожественны, ихъ художественное воплощеніе — *литературная форма, тонъ, отношеніе авторовъ къ разсказу и героямъ* — все это совершенно совпадаетъ. Съ одной стороны, совершенная обособленность „Лѣтописи села Горохина“ въ ряду всѣхъ твореній не только Пушкина (*единственное сатирическое произведеніе*), но и другихъ *русскихъ* произведеній болѣе раннихъ и современныхъ Пушкину, заставляетъ усомниться въ *оригинальности* замысла и формы этой единственной Пушкинской сатиры. Съ другой стороны, исключительность этой литературной формы (*осмѣяніе „исторіи народа“ въ исторіи деревни“*) — формы, найденной Рабенеромъ, популярность его творенія у насъ въ XVIII в. — заставляетъ рѣшительно сближать повѣсть Пушкина съ указанной сатирой.

Припомнімъ, въ заключеніе, слова поэта о томъ, что старыя запыленныя дѣдовскія книги его интересовали и даже затрагивали его творчество: „Умный человѣкъ, говорилъ Пушкинъ, устами одного своего героя, могъ-бы взять здѣсь готовые характеры, исправить слогъ и без-

смыслицы, дополнить недомолвки — и вышел бы прекрасный, оригинальный романъ. Скажи это отъ меня моему неблагодарному Алексѣю II*. Пусть онъ по старой канотъ вышьетъ новые узоры“ (Соч. Пушкина, т. VII, стр. 57, 68).

B. Соловскій.

Русланъ и Людмила.

(къ литературной истории поэмы).

„Вотъ эту пачку, сказалъ Кирѣевскій, далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разбираите-ка, которая поетъ народъ и которая смастерила самъ“.

(Ф. И. Буслаевъ, «Мои воспоминанія»).

Съ восторгомъ принята была русской публикой и критикой первая поэма Пушкина; нѣсколько ворчливыхъ голосовъ потонули въ хорѣ восторженныхъ отзывовъ. Такой „успѣхъ“ среди „широкой публики“, конечно, знаменателенъ, — толпѣ нравится то, что ей по плечу, что беретъ лишь немногого выше ея вкусовъ, что удивляетъ лишь нѣкоторой новизной, такъ сказать, частнаго характера, — болѣею яркостью красокъ, нѣкоторою прічудливостью формы, — но все то, что слишкомъ превышаетъ ея пониманіе, что слишкомъ для нея необычно и оригинально, — то встрѣчается ею съ недоумѣніемъ и враждой. Такова была судьба „Бориса Годунова“.

Поэтому успѣхъ „Руслана и Людмилы“ указываетъ, самъ по себѣ, на то, что это произведеніе было по плечу

русской публике и потому было принято, какъ нечто
всѣмъ понятное, всѣмъ доступное и, въ то же время, интересное.

Стоитъ опредѣлить, что въ поэмѣ Пушкина было „понятнымъ“, быть можетъ, даже знакомымъ его русскимъ поклонникамъ, что оказалось „пріятной“ новизной, — и мы придемъ къ анализу литературной исторіи поэмы. Многое было уже у насъ написано по этому вопросу, но, на мой взглядъ, еще остается сказать многое. Необходимо: 1) опредѣлить, хотя бы приблизительно, что въ русской литературѣ подготовило появленіе поэмы Пушкина и этимъ обусловило за ней успѣхъ, 2) что „новаго“ сказалъ юный поэтъ въ своемъ первомъ крупномъ произведеніи, и почему оно не утонуло въ морѣ забвенія среди массы однородныхъ произведеній, 3) въ какомъ отношеніи „народная“ поэма Пушкина находится къ народной поэзіи. Рѣшеніе этого послѣдняго вопроса приведетъ къ выясненію общаго вопроса о вліяніи народной поэзіи на Пушкина.

Въ статьѣ „Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ: „Русланъ и Людмила“¹⁾). П. Н. Шефферъ подвелъ итоги тому, что сдѣлано было въ русской критической литературѣ для выясненія литературныхъ основъ Пушкинской поэмы.²⁾ Со своей стороны, онъ прибавилъ рядъ любопытныхъ дополненій (вліяніе вольтеровской „La Pucelle“ на характе-

1) „Сборникъ „Памяти Л. Н. Майкова“, С.-Пб. 1902.

2) Привожу перечень главныхъ работъ, пользовавшись указаниями П. Н. Шеффера, посвященныхъ этому вопросу: *Л. Поливановъ*, „Русланъ и Людмила“, („Сочин. Пушкина“, изд. Поливанова, М. 1898, т. II, 1 — 21), *Л. В. Владимировъ*, „Происхожденіе „Руслана и Людмилы“ А. С. Пушкина“ („Кievskій Универс. Изв.“ 1895 г., № 6); его-же: „Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ“ („Памяти Пушкина, научно-литературный сборникъ, собр. проф. и преподав. Имп. Университета Св. Владимира“, Кіевъ. 1899); *А. И. Кирпичниковъ*, „Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ“ („Русская Старина“ 1899 г., № 2); *Н. И. Черняевъ*, „Критич. статьи и замѣтки о Пушкинѣ“, Харьковъ. 1900.

ристику Людмилы; вліяніє поэмы Виланда „Оберонъ“ на эпизодъ похищенія Людмилы Черноморомъ; вліяніє „вступленія“ къ „Бахаріанъ“ Хераскова на „прологъ“ къ „Руслану“). Съ особеннымъ вниманіемъ остановился авторъ на сличеніи пушкинского произведения со сказкою объ Ерусланѣ Лазаревичѣ.

Рукописный текстъ этой старой сказки приводить изслѣдователя къ заключенію, что не здѣсь кроется объясненіе происхожденія поэмы; сопоставивъ текстъ *печатный XVIII-го вѣка* (изъ сборника „Лѣкарство отъ задумчивости и бессонницы, или вторая часть настоящихъ русскихъ сказокъ“ С.-Пб. 1815), онъ находитъ рядъ точекъ соприкосновенія, что позволяетъ ему заключить о преимущественномъ вліяніи на поэму Пушкина именно этого *печатного текста*.

Затѣмъ изслѣдователь переходитъ къ выясненію вліянія поэмы Жуковскаго: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ на „Руслана“.

Для нашихъ цѣлей, впрочемъ, интереснѣе всего заключеніе первое — относительно значенія *печатного текста* сказки, — указаніе, свидѣтельствующее о *литературномъ*, не устномъ источникѣ поэмы.

Другое указаніе такого же характера дѣлаетъ проф. Владиміровъ. Въ цѣнномъ изслѣдованіи своемъ: „А. С. Пушкинъ и его предшественники“¹⁾ онъ характеризуетъ рядъ русскихъ произведеній, имѣющихъ отношеніе къ различнымъ произведеніямъ Пушкина, между прочимъ, къ „Руслану и Людмилѣ“. Здѣсь мы находимъ подтвержденіе предположенія П. Н. Шеффера о „книжности“ Пушкинской поэмы. Проф. Владиміровъ указываетъ на произведеніе Чулкова: „Русскія сказки, содержащія древ-

1) „Памяти Пушкина, научно-литературный сборникъ, сост. профессорами и преподавателями Имп. Универс. св. Владимира“. 1899 г.

нѣйшія повѣстованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся черезъ пересказыванье въ памяти приключенія” (изд. въ 10 частяхъ Новиковымъ въ 1783 г.) и говоритьъ, что поэма Пушкина „связана съ Русскими сказками“. Не входя въ детальное изслѣдованіе этого указанія, онъ говоритъ далѣе, что „Пушкинъ, находясь на югѣ въ 1821 г., просилъ выслать ему нѣсколько частей Русскихъ Сказокъ“¹⁾). Затѣмъ онъ дѣлаетъ характеристику произведенія Чулкова. „Эти въполномъ смыслѣ „волшебныя“ исторіи, въ родѣ 1001 ночи, въ которыхъ имена русскихъ богатырей, историческія названія древней Руси, фразы изъ былинъ и народныхъ сказокъ, — преимущественно о типичной Бабѣ-Ягѣ, ея жертвахъ и Кощеѣ,—утопаютъ въ смѣси заимствованныхъ и выдуманныхъ подробностей и лицъ. Тутъ находимъ и злыхъ волшебницъ, волшебниковъ, появляющихся въ облакахъ съ громомъ, въ тучахъ, какъ Пушкинскій Черноморъ, и именно съ цѣлью похищенія красавицъ, и добродѣтельныхъ волшебницъ Добрадѣль, Велеславъ, помогающихъ героямъ Булатамъ, Громобоямъ, Алешамъ, Чурilmamъ, или Добрынямъ, связаннымъ съ кн. Владиміромъ и Кіевомъ. Но послѣдній окруженъ очарованными домами, замками. Вообще подробности быта болѣе подходятъ къ французскимъ нравамъ XVII—XVIII в., взятымъ изъ сказокъ Гамильтона, Флоріана, Лафонтена“. Не входя въ оценку этой характеристики Чулковскихъ сказокъ, слишкомъ суммарной и далеко не охватывающей ни ихъ содержанія, ни ихъ настроенія, — я, тѣмъ не менѣе, совершенно присоединяюсь къ мысли проф. Владимірова о связи сказокъ Чулкова съ поэмой Пушкина. Я попытаюсь только подробнѣе обосновать этотъ намекъ и увеличить

1) Хотя Пушкинъ и не называетъ фамиліи Чулкова, но изъ словъ его: „нѣсколько частей“ явствуетъ, что онъ имѣлъ въ виду именно это „собраніе“.

ссылку на произведение Чулкова ссылками на длинный рядъ другихъ произведеній, аналогичныхъ.

„Сказки“ Чулкова, по типу своему, принадлежать, главнымъ образомъ¹⁾, къ романамъ „рыцарско-волшебнымъ“ — вѣрнѣе, къ рыцарскимъ поэмамъ, въ родѣ произведеній Баярда, Аріоста, Тассо, Виланда и др. Эти „поэмы“ явились результатомъ подражанія старымъ рыцарскимъ романамъ (вродѣ „Амадисовъ“ и „Пальмериновъ“). Усвоивъ оттуда рядъ „общихъ мѣстъ“, они, со своеї стороны, внесли въ освѣщеніе героевъ-рыцарей и ихъ подвиговъ несерьезность тона и авторскій скептицизмъ. Другимъ продолженіемъ „развитія“ рыцарскихъ романовъ были сказки о „феяхъ“: выродившись изъ народной поэзіи, воспринявъ въ себя элементы старого, разбитаго рыцарского романа, эти сказки окрасились или фривольностью, манерностью, или морализующей тенденціей. Во всякомъ случаѣ, подобно „поэмамъ“, и эти „сказки“ не отрывались отъ круга однихъ и тѣхъ-же и „общихъ мѣстъ“. Русская публика XVIII в. знала и любила эти поэмы, и сказки. Онѣ охотно переводились, имъ подражали, ихъ передѣлывали. Цѣлая литература „подражаній“ примирила къ этимъ произведеніямъ, присвоила себѣ тѣ же „общія мѣста“, ту же манеру письма, тотъ-же тонъ. Изъ многочисленныхъ авторовъ, дѣйствовавшихъ у насъ въ этомъ направленіи, одинъ Чулковъ является наиболѣе самостоятельнымъ и оригинальнымъ: онъ свободно импровизировалъ, поддѣлываясь то подъ манеру западно-европейскихъ романистовъ, то подъ стиль народнаго творчества.

1) Нѣкоторыя изъ сказокъ этого сборника чисто народныя; есть даже одно близкое переложеніе былины (о Василіи Буслаевичѣ); другія относятся, по типу, къ сказкамъ 1001 ночи, третьи — къ реалистическимъ повѣстямъ типа „плутовскаго“ романа и пр.

Къ этому-же типу произведеній относится и поэма Пушкина. Чтобы показать, насколько эта богатая подражательная литература однообразна, насколько шаблонны ея „общія мѣста“, постараюсь доказать это примѣрами, взятыми на удачу изъ разныхъ русскихъ романовъ, сказокъ и повѣстей XVIII в., — этого типа.

Героиня, похищаемая чародѣемъ, всегда помѣщается имъ въ роскошныхъ чертогахъ; тамъ она окружается богатствами; всѣ ея прихоти исполняются безъ замедленія. Подобно тому, какъ всесильный Черноморъ играетъ жалкую роль предъ плѣненною имъ Людмилою, которая потѣшается надъ влюбленнымъ Карломъ, такъ и всѣ насильники-чародѣи, герои волшебныхъ романовъ XVIII в., въ богатыхъ чертогахъ своихъ, въ присутствіи своихъ капризныхъ возлюбленныхъ, теряютъ всю суровость и мрачность своихъ образовъ, — всѣ они являются молить о любви и всегда встрѣчаютъ отказъ, иногда на смѣшку красавицъ. Въ одномъ изъ романовъ мы находимъ разгадку этой странности: оказывается, чародѣи и волшебники „любовью“ могли наслаждаться только тогда, когда она имъ давалась добровольно: надъ любовью бѣзсильна была ихъ наука.

Привожу рядъ примѣровъ, аналогичныхъ положенію Людмилы у Черномора:

Героиня разсказываетъ, что похитившій ее духъ влюбился въ нее, но встрѣтилъ сопротивленіе. Надѣясь истребить изъ ея памяти Силослава, онъ ее помѣстилъ въ богатый замокъ и окружилъ роскошью. („Пересмѣшникъ“ Чулкова, 171).

У карлы Зердути много красивыхъ дѣвицъ въ плѣну („Одушевленная статуя“, 51). „Между ними одна особенно красива“. „У сего хищного духа Зердути столь много честныхъ дѣвицъ, которыхъ онъ разными похищалъ способами, что едва ли у смертныхъ толикое число находится“ (ibid., 51).

Карачунъ собиралъ въ роскошномъ дворцѣ красавицъ со всего свѣта; онъ получали все, что только имъ вѣдомо: вол-

шебный обѣдъ, разныя забавы (Поповъ, „Славянскія Древности“, 116—7).

Въ дворцѣ злого чародѣя Зивіала до 100 прекрасныхъ дѣвицъ, имъ похищенныхъ (Чулковъ, „Русскія Сказки“, 269).

Карачунъ красавицамъ не страшенъ, такъ какъ, „когда онъ осмѣливался далѣе простирать любовныя свои нахальства, то всегда становился недвижимъ или объемлемъ ужаснымъ колотьемъ“ („Слав. Древн.“, 111).

Чародѣй Зелулъ „производилъ насилиеміру“, „похищая единородныхъ дщерей у несчастныхъ родителей, разлучая нѣжныхъ женъ отъ вѣрныхъ имъ супруговъ“ („Низверженный Зелулъ“, 107).

Тезифея, похищенная Зелуломъ, очнулась въ замкѣ на пышномъ одрѣ (ibid. 227). Зелулъ объясняется ей въ любви, все обѣщаетъ и угрожаетъ. Она упорствуетъ (ib. 230).

Волшебникъ Шамисъ „столько влюблывъ, что крадетъ со всего свѣта красавицъ, заключаетъ ихъ въ волшебный замокъ“ („Чудныя похожденія Израда“, 78).

Зломиръ, похитивъ Ціану, устроилъ ей великолѣпное жилище, окружилъ богатствами и свитой (ibid. 125). Все къ ея услугамъ,— она одна бродить по роскошнымъ заламъ (ib. 129); стоило ей чего пожелать,— сейчасъ все являлось къ ея услугамъ (хоры пѣвицъ, танцы, угощенія) (ibid., 130—1).

Перекраса похищена чародѣемъ Злодумомъ, который держитъ ее въ роскошномъ замкѣ („Зубоскаль“, 45).

Зердуть нѣжно просить любви у похищенной имъ красавицы, она отвергаетъ его, называя „мерзостнымъ твореніемъ“ („Одушевленная статуя“, 97). Зердуть заключилъ ее (ib., 99). Геропнія разсказываетъ объ ухаживаньяхъ колдуна, какъ онъ, ее развлекая, „дѣлалъ изъ золота маленькихъ мальчиковъ и заставлялъ ихъ плѣсать“ (ib., 101). Не добившись любви, Зердуть на всѣхъ плѣненныхъ красавицъ наложилъ молчаніе (ib., 103). Питались дѣвицы по звону колокольчика: стоило позвонить — „то и предстанетъ великолѣпное кушанье, котораго набѣвшись, пропадало паки“ (ib., 105). Разныя увеселенія были предоставлены дѣвицамъ (ib.).

Геропнія во власти чародѣя Всезлоба, который влюбился въ нее, но безуспѣшно („Русскія сказки“, 69).

Триглодитъ безуспѣшно добивается любви похищенной дѣвицы; онъ окружилъ ее роскошью (ib., „Русск. ск.“ 236—7, 240—2).

Когда Зенида очутилась въ волшебномъ замкѣ чаудѣя, онъ ее окружилъ роскошью и богатствомъ: все прихоти ея исполнялъ— „слѣдовало только вообразить“ („Русскія сказки“, 299).

Зивіа́ль на колѣнахъ просить любви у похищенной красавицы, но безуспешно (ib., 300).

Всѣ герои, какъ Русланъ, послѣ долгихъ скитаний обыкновенно убиваютъ чаудѣевъ, находятъ своихъ возлюбленныхъ, но иногда злые чаудѣи, подобно Черномору, погрузившему Людмилу въ волшебный сонъ, также погружаютъ героинь въ сонъ, или превращаютъ ихъ въ статуй, или обращаютъ въ чудовищъ.

Проникнувъ въ роскошные хрустальные чертоги, Сидонъ нашелъ героянку Зениду, погруженную въ волшебный сонъ („Русскія сказки“, 281).

Герой, проникшій въ замокъ, находитъ всѣхъ красавицъ усыпленными („Славянскія Древности“, 56—7).

Красавица, плѣненная карломъ Зердутомъ, сидить на тронѣ „въ задумчивости“; эта задумчивость есть оцепенѣніе („Одушевленная статуя“, 87).

Послѣ ряда приключений и испытаній Израдъ освобождаетъ спящую красавицу Щіану изъ власти старого чаудѣя-эюла Зломира („Чудныя похожденія Израда“, 58).

Мужъ, возлюбленный, братъ, рѣже— отецъ отправляются разыскивать похищенное у нихъ дорогое существо. Это— „общее мѣсто“ волшебныхъ романовъ преимущественно русскихъ, — та основа, на которой авторъ строитъ весь романъ.

Прелѣпа украдена злымъ духомъ и живетъ въ его замкѣ („Пересмѣшникъ“, 105); Силославъ єдетъ ее добывать (ib., 106).

Сынъ князя Богослава— Свѣтлосанъ отправляется на поиски зятя и сестры, похищенныхъ колдуномъ („Славянскія Древности“, 23).

Гассанъ єдетъ на поискъ похищенной Рипсимы („Чудныя похожденія Израда“, 56).

Алфонсъ отправляется отыскивать Лунзу, похищенную духомъ („Одушевленная статуя“, 36).

Передъ долгими и опасными блужданіями по бѣлу свѣту всѣ эти герои встрѣчаютъ поддержку у добрыхъ волшебниковъ, волшебницъ, мудрецовъ и отшельниковъ, къ которымъ попадаютъ или случайно, или нарочно. Ободривъ героя, ихъ покровители обыкновенно открываютъ имъ имя похитителя, снабжаютъ совѣтами и вооружаютъ различными талисманами. Такимъ образомъ, въ этихъ многочисленныхъ и всегда неизбѣжныхъ эпизодахъ можно видѣть прототипъ посѣщенія Русланомъ Финна. Такъ, напримѣръ:

Алсана похищена Бабой-Ягою; братъ Алсаны Тарбелъ отправился на поиски, заблудился въ лѣсу; здѣсь встрѣчаетъ онъ пустынника, который даетъ ему указанія, какъ найти дѣвушку. („Русскія сказки“, 162).

Живущая въ пещерѣ добрая волшебница помогаетъ Святобою совѣтами и даетъ средства (талисманы) найти жену („Русскія сказки“, 69).

Оруженосецъ Свѣтлосана посовѣтовалъ ому сѣздрить за совѣтомъ къ Видостану, мудрому отшельнику, чтобы тотъ посовѣтовалъ, какъ найти зятя и сестру. Оказывается, онъ — благожелательный мудрецъ — тоже страдаетъ отъ колдуна, икъ общаго врага. („Славянскія Древности“, 25 — 7).

Герой идетъ на поиски жены, встрѣчаетъ волшебницу, покровительницу, которая дала ему совѣты, указанія и средства найти жену („Русскія сказки“, 223).

Добрый волшебникъ помогаетъ герою найти путь къ волшебному замку Шамиса и вооружаетъ его талисманами („Чудныя похожденія Иарада“, 87).

Дервишъ Сизифъ даетъ Клеоранду совѣты, какъ выручить жену („Пизверженный Зелулъ“, 119 — 122).

Добрая волшебница указываетъ путь герою („Зубоскалъ“, 45).

Куртозарь, отправляясь въ далекій путь на подвиги, пользуется указаніями благосклоннаго старца-пустынника („Забавный разскащикъ“, 42 — 5).

Старикъ пустынникъ указалъ герою путь и дать средства попасть къ Зердуту („Одушевленная статуя“, 52 — 4).

Идиллическая жизнь Ратмира, увлекшагося любовью

къ наступкѣ Гориславѣ, встрѣчается также въ „Русскихъ сказкахъ“ Чулкова, — такъ одинъ изъ героевъ

Добрь съ Милостаной, послѣ ряда треволненій, живутъ въ бѣдности рыбаками, но счастливы („Рус. ск.“, 119). О жизни своей герой говоритъ: „Прѣдались мы всѣмъ пріятностямъ иѣжнаго союза. Мы любили другъ друга съ горячностью и посреди пустыни, удаленной отъ сообщества съ прочими человѣками, не видали скуки. Мы раздѣляли труды рыболовства; любовь рождала намъ ежечасно новые предлоги къ разговорамъ, каждая рощица, всякий лужокъ приглашали насъ; мы считали себя единою четою на свѣтѣ и привыкли къ напрему уединенію (ibid., 120).

Коварный и трусливый кандидатъ на руку Людмилы — Фарлафъ — находитъ себѣ протопипъ въ одномъ изъ жениховъ Милославы (героиня романа Попова).

Изъ жениховъ Милославы князь казарскій Трухтракъ во время состязанія, наградой котораго была назначена Милослава, „трепеталь и предпочиталъ охотно безславный миръ славной дракѣ“; онъ хитростью спасаетъ свою жизнь и обманомъ убиваетъ соперника“ („Славянскія Древности“ 15 — 17).

Сцена похищенія Черноморомъ Людмилы неоднократно встречается въ волшебныхъ романахъ XVIII в. Это — обыкновенная „завязка“ всѣхъ тѣхъ диковинныхъ приключений, которые составляютъ содержаніе русскихъ романовъ „волшебно-рыцарского“ типа. Похищеніе всегда происходитъ неожиданно: обыкновенно во время бракосочетанія или сейчасть же послѣ обрядовъ, въ первую брачную ночь. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, по составу своему сплѣтенныхъ изъ цѣпи отдѣльныхъ эпизодовъ-авантюръ, такое неожиданное похищеніе повторяется по нѣсколько разъ. Привожу примѣры:

Черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы Аса была похищена чародѣемъ; мужъ отправился отыскивать ее по всему свѣту („Пересмѣшникъ“, 103).

Чародѣй Каракунъ похищаетъ чужихъ женъ („Славянскія Древности“, 95).

Во время бракосочетания Вельдюза, кн. Полотского, съ Милославой, послѣ зловѣщихъ предсказаній идола Полеля, „вдругъ спустилось облако и унесло Милославу, а жертвенный быкъ обратился въ змѣя и унесъ Вельдюза („Славянскія Древности“, 20).

Боягородъ влюбился въ Черомисскую княжну Баяну. Отецъ ея Пойванъ согласился на ихъ бракъ, но Баяна во время прогулки въ саду была похищена облакомъ. Оказалось, это было дѣло рукъ чародѣя Сарагура („Русскія Сказки“, 80.) Боягородъ сталъ ее искать по свѣту (ib., 96). Ему помогаетъ совѣтами и волшебными талисманами добрая волшебница (ib.).

Чародѣй похищаетъ Всемилу, дунувъ на мужа которой, вслѣдствіе этого, не можетъ ее защищать („Русскія Сказки“, 155 — 6).

Послѣ долгихъ поисковъ герой нашли своихъ женъ и освободили ихъ, но, послѣ краткаго разговора, погрузились въ волшебный сонъ. Приснувшись, витязи не нашли женъ (ib., 134).

Богиня Дидимія, разгнѣванная на родителей Звенислава за презрѣніе, къ ней оказаниое, во время бракосочетанія героя является на облакѣ и похищаетъ его невѣсту, а, заодно, и невѣсту его друга Парбелса. Мужья єдутъ на поиски (ib., 23).

Зеніда, царская дочь, въ которую влюбился волшебникъ Зивіяль, похищена облакомъ (ib., 229).

Миловидъ, „упоенный нѣжностію дражайшей супруги, заснулъ въ ея объятіяхъ“,— но утромъ ея не оказалось — лежало лишь письмо, съ указаніемъ, что ее похитилъ духъ Триглодить (ib., 219).

Курусь — женихъ царицы Карсены. Онъ сидѣлъ у возлюбленной своей Карсены; разговоры ихъ исполнены были нѣжности, прекрасная рука ея прильплена была къ его устамъ; вдругъ поднялась буря, налетѣло черное облако; на немъ возвѣдалъ чародѣй Сарагуръ; „въ рукѣ держаль онъ жезль, обвитый змѣями, зодіакъ висѣлъ черезъ плечо и страшная пѣна била изо рта его“. „Онъ бросилъ въ Карсену письмо, и она вмигъ окаменѣла, а Куруса онъ, схвативъ за волосы, помчалъ по воздуху“ (ib., 97, 98).

Баба-Яга влюбляется въ Тарбелса, похищаетъ его, ухаживаетъ за нимъ, помѣстивъ въ роскошный садъ, въ богатую об-

становку. Онъ потѣшается надъ нею, какъ Людмила надъ Черноромъ (ib., 236—243).

Уродъ-чародѣй Кривидѣй влюбился въ красавицу Прелѣпу и хотѣлъ похитить ее при помощи богатырей Дубыни, Горыни и Усыни. Наружность его ужасна: „голова съ кулакъ, украшенная только однимъ глазомъ“, „рыжая, по землѣ волочашаяся борода, горбъ сзади и спереди, ноги въ $\frac{1}{4}$ арпина, сивая шерсть на рукахъ“ (ib., 160).

Вихорь укралъ царицу Сумбуку, когда она гуляла по саду. Сыновья царицы отправляются ее искать („Сказка о золотой горѣ“, 2).

Альфонсъ увидѣлъ въ лѣсу прекрасную принцессу, которая плакала, „какъ вдругъ спустился духъ и, оную похитивъ, полетѣлъ“ („Одушевленная статуя“, 41).

Гигантъ-чародѣй Шамисъ сватается за дочь Аrimепа, угрожая, въ случаѣ отказа, убить отца. Аrimепъ отказываетъ. Тогда чародѣй три раза топнулъ, — явился разноцвѣтный огонь изъ бездны и колесница, запряженная 12-ю черными крылатыми конями; онъ похитилъ дочь Аrimепа и скрылся („Чудныя похожденія Израда“, 71, 73).

Во время торжественнаго свадебнаго шествія Гассана и Рипсимы вдругъ раздался ударъ грома; во дворѣ разверзся потолокъ; огненное облако показалось, на немъ летѣла Гарпія, которая, обратясь въ чудовище, похитила Рипсиму („Чудныя похожденія Израда“, 42):

Ціана была похищена „гнуснымъ зеіопомъ“, который пролетѣлъ на кровавомъ облакѣ (ib., 123).

Храбродѣль, влюбленный въ Перекрасу, дочь египетскаго царя, женится на ней. По выходѣ ихъ изъ храма, послѣ бракосочетанія, налетѣло облако, загремѣлъ громъ, заблисталъ молнія, — во время общаго смятенья герояня оказалась похищенной („Зубоскаль“, 29). Храбродѣль отправляется искать молодую жену (ib., 31).

Игриппа, гуляя въ саду, пошла въ кипарисовую рощу. Семь черныхъ невольниковъ схватили ее и увезли. Герой Виталбъ ѳдетъ ее разыскивать („Зубоскаль“, 143, 145).

Злой духъ похитилъ Лѣпу у жениха ея Одара (ib., 67). Они были уже обручены и гуляли вдвоемъ въ саду. Одарь въ отчаяніи отправляется отыскивать невѣсту (ib., 75).

Клеорондъ потерялъ свою жену, въ которую влюбился чародѣй, „гнусный зеопъ“ Зелулъ. „Въ первый еще день брачного союза, когда Гименъ готовился уже увѣничать взаимную ихъ другъ къ другу любовь, безчеловѣчный Зелулъ исторгъ ее изъ нѣжныхъ объятій своего супруга и разрушилъ готовый совершившися бракъ („Низверженный Зелулъ“, 112).

Клеорондъ гулялъ съ Зефизой. Вдругъ явился Зелулъ и дунулъ на Клеоронда, отчего онъ лишился чувствъ и упалъ; Зелулъ возложилъ на него оковы и, подхвативъ полумертвую отъ страха Зефизу, понесся по воздуху (ib., 161).

Тезифея, во время прогулки, похищена Зелуломъ; Дорадъ отправился на поиски ея (ib., 166 — 7).

Зефиза похищена Исполинами (ib., 284); герой Клеорондъ отправляется на поиски ея (ib., 296 — 7).

Сцена полета Руслана съ Черноморомъ встрѣчается нѣсколько разъ въ разсмотрѣнныхъ нами волшебныхъ романахъ и сказкахъ. Такъ, напримѣръ,—

Чародѣй Зелулъ летитъ, а въ него вѣпился Клеорондъ. Зелулъ обращается въ разныхъ чудовищъ, но герой не выпускаетъ его („Низверженный Зелулъ“, 207).

Въ другой сказкѣ царевичъ Иданъ является выручать мать, похищенную чародѣемъ. —

Мать учить сына, какъ овладѣть чародѣемъ: надо схватить его крѣпко за волшебную палицу и не выпускать ея изъ рукъ („Сказка о золотой горѣ“, 20). Такъ и случилось: чародѣй леть, а за палицу держится царевичъ Иданъ (ibid., 20 — 21).

Тѣ искушенія, которыя чародѣй поставилъ на пути Ратмира, и съ которыми юный витязь не справился, отдавшись радостямъ волшебной жизни замка въ обществѣ прекрасныхъ женщинъ, не разъ встрѣчаются въ разсмотрѣнныхъ нами произведеніяхъ. Ихъ можно отнести къ „общимъ мѣстамъ“ романовъ „волшебного типа“.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Силославъ, во время поисковъ своей возлюбленной, попадаетъ въ роскошный замокъ, населенный красавицами. Въ этомъ замкѣ, „домѣ угощенія“, все роскошно. „Началь бить

благовонный водометъ и орошать всѣ стѣны, отъ чего поднялся легкой и приятной паръ, наполнивъ все зданіе теплотою; тогда казалось, что будто теплые зефиры обмахивали крыльями Силославово тѣло. Въ такой покоясь роскоши, почувствовалъ Силославъ нѣжнѣйшее разслабленіе членовъ и сладкое мѣяніе души“ („Пересмѣшникъ“, 159). Послѣ легкаго сна красавицы повели его обѣдать: „кушанья, разговоры, собесѣдницы, музыка, все наполнено было великолѣпіемъ и нѣжностью“ (ib., 160). Красавицъ до 3000 — и всѣ прелестны. Взоры Силослава „летали по всѣмъ“ (ib., 161). Онъ ему заявили, что замокъ ихъ весь наполненъ женщинами, что ихъ „должность принимать чужестранцевъ и оныхъ угощать по ихъ соизволенію“ (ib., 164). „Ежели ты имѣешь намѣреніе препроводить здѣсь свой вѣкъ, то можешь пользоваться всѣми этими красавицами, онъ будутъ всѣ во власти твоей“ — сказала ему одна изъ красавицъ (ib., 165).

„Вдавшись въ великую роскошь и нѣжность, не мужество уже сяло на его одеждѣ и не укрѣпленное силою богатырство,— походилъ онъ болѣе на Нарцисса, любовавшагося собственnoю красотою (ib., 168).

Силославъ съ восторгомъ остался въ замкѣ — „препровождалъ время, получая всякой день новыя благосклонности отъ перемѣняющихся красавицъ. Восхищался роскошами, услаждалъ зрѣніе свое разными великолѣпіями сего замка, и такъ, не оставалось ему ничего иного думать, какъ только, что онъ во всемъ свѣтѣ не можетъ найти увеселенія лучшаго и достойнѣйшаго“ (ib., 166).

Какъ замокъ Наины, и этотъ оказался волшебнымъ, и когда разрушены были горы, онъ исчезъ со всѣми красавицами и роскошью (ib., 174).

Волшебникъ, желая отвратить героя отъ его поисковъ, ставить ему на пути разныя препятствія, напр., искушаетъ его ласками прекрасныхъ дѣвушекъ („Славянскія Древности“, 52 — 3).

Послѣ побѣды героя надъ искушеніями волшебный замокъ проваливается („Славянскія Древности“, 95 — 101).

Сидонъ разыскиваетъ Зениду, украденную „зевопомъ звѣрообразнымъ“, годъ ѿздилъ, утомляется, теряетъ коня; онъ тоже подвергается искушенію женщинами („Русскія Сказки“, 266 — 7).

Волшебная лодочка привела героя къ чудному замку.

„Огромныя палаты бѣлаго камня до облаковъ, цвѣты кругомъ; стѣны украшены живописью, въ окнахъ статуи, фонтаны, ступени изъ разноцвѣтнаго мрамора. Внутри много прекрасныхъ дѣвушекъ, которыхъ „рѣзвятся“. „Увидѣвъ сего человѣка, встали и, молча представляя себя въ его услуги, радовались“ („Одущевленная статуя“, 82). Этотъ замокъ исчезаетъ, когда герой махнуть волшебнымъ платкомъ (ib., 89 — 90).

Конечно, всѣ эти примѣры отнюдь не должны приводить къ заключенію, что всѣ цитованныя произведенія были известны Пушкину и имѣли на его поэму вліяніе. Я хотѣлъ только доказать, что почти все содѣржаніе его поэмы еще въ XVIII-мъ вѣкѣ было у насъ сплошнымъ „общимъ мѣстомъ“. Такимъ образомъ, „Русланъ и Людмила“, по типу своему, представляетъ собой завершеніе у насъ въ русской литературѣ старой вѣковой исторіи „волшебно-рыцарскаго“ романа. — Поэма создалась подъ вліяніемъ „массовой“ литературы, съ опредѣлившимся давно содѣржаніемъ и настроеніями; съ этой литературой конечно, знакомъ былъ Пушкинъ еще до Лицѣя, роясь дома въ библіотекѣ отца. Поэма создалась совершенно внѣ сферы интересовъ къ русской устной народной поэзіи, а исключительно подъ вліяніемъ книгъ.

Но если Чулкова выдѣлилъ Пушкинъ изъ длиннаго ряда однородныхъ писателей, то это объясняется тѣмъ, что, дѣйствительно, талантливость и оригинальность дѣлали его самымъ замѣтнымъ писателемъ этого рода.

Останавливаясь, въ заключеніе, на одной подробности, которая позволяетъ говорить о преимущественной близости пушкинской поэмы именно къ романамъ Чулкова.

Прекрасная сцена, когда Русланъ вступаетъ на поле, покрытое мертвыми костями, и предается здѣсь грустнымъ размышленіямъ о тлѣнности всего земного, находить себѣ прототипомъ подобныя же сцены въ романахъ Чулкова.

Силославъ, безъ оруженося и кова, грустный, бредеть, куда глаза глядять; странствуя очень долго, нашелъ онъ многочисленное порубленное воинство. „Обширное и престрашное поле все покрыто было мужскими тѣлами. Такое зрѣлище смущило его духъ и вселило въ него мобопытство. Онъ очень долго рассматривалъ трупы, которые находились въ разныхъ положеніяхъ; наконецъ, по срединѣ сего умерщвленнаго ополченія увидѣлъ онъ голову, подъ которой находилось тѣло, котораго платье и вооруженіе показывали его военоначальникомъ“ („Пересмѣшникъ“, 121). „Голова сія открывала и закрывала глаза свои истомленные“ (ib., 121). Это голова богатыря Роксолапо. Герой вступаетъ въ разговоръ съ головой.

Другой герой Булатъ тоже „очутился на пространномъ полѣ, покрытомъ мертвыми человѣческими костями; переломанное или заржавѣвшее оружіе, всюду разбросанное, показывало бывшее нѣкогда на мѣстѣ ономъ кровопролитное сраженіе. Во уединеніи оставляютъ человѣка всякия пристрастія и предаютъ сердце его естественнымъ разсужденіямъ. Булатъ размышлялъ о сущности человѣческихъ дѣйствій, о ослабленіяхъ миценія и ложной славы, принуждающихъ ихъ ненавидѣть, гнать и убивать другъ друга и, можетъ быть, извлекъ бы заключеніе, что вѣтъ для нихъ лучшаго, какъ жить въ покой“ („Рускія сказки“, 207).

„Чрезъ нѣсколько дній взвѣхалъ я на пространную длину, которая вся покрыта была человѣческими костями. Я со жалѣю о судьбѣ сихъ погибшихъ и лишенныхъ погребенія и предался въ размышленія о причинахъ, приводящихъ смертныхъ въ толь ераждебные противу себя поступки“. Онъ увидѣлъ вдругъ предъ собой лежащую богатырскую голову отмѣнной величины. Онъ зарылъ голову и подъ ней нашелъ мѣдный ключъ (ib., 102–3).

Булатъ увидѣлъ богатырскую голову, валяющуюся въ безчестіи и лишенную погребенія; онъ хотѣлъ предать кости погребенію, при чемъ оказалось, что „великій мечъ лежалъ, вмѣсто воаглавья, подъ черепомъ богатырскимъ“ (ib., 208).

Булатъ оживляетъ богатыря Сидона. Для этого Булатъ открылъ чудесный сосудецъ, ему врученный, и сейчасъ увидалъ, „какъ пары покрыли кости богатыря, какъ стали обростать онъ жилами, плотью, потомъ надъ тѣломъ образовалась отъ нихъ облако“; „сильный чохъ разорвалъ облако и представилъ Булагу встающего съ земли богатыря“ (ib., 209).

Въ приведенныхъ цитатахъ я курсивомъ отмѣтилъ очень характерную подробность: герой Чулкова „размышляютъ“ на полѣ битвы, погружаясь въ какое-то меланхолическое, созерцательное настроеніе. Подъ головой великаны оказывается „мечъ“, голова „чихаетъ“.

Стоить сравнить съ этими мѣстами мысли и чувства Руслана:

„Со вздохомъ витязь вокругъ себя
Взираетъ грустными очами:
„О, поле, поле, кто тебя
Усъялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?“ —

и нетрудно будетъ въ этихъ строкахъ увидѣть полное и прекрасное развитіе этой подробности (размышленія на полѣ битвы), которая упорно повторяется нѣсколько разъ у Чулкова; этого намека нѣтъ ни въ рукописной сказкѣ объ Ерусланѣ, ни въ той печатной, на которую указывалъ П. Н. Шефферъ въ своей статьѣ. Не есть-ли это одно изъ указаній на то, что, кроме массового вліянія цѣлаго ряда однородныхъ произведеній, сказки Чулкова имѣютъ для Пушкина особое, преимущественное значеніе, и не подтверждается-ли это предположеніе, между прочимъ, вышеуказанной просьбой поэта выслать ему именно „Сказки“ Чулкова?

Поэма Пушкина потому и была встрѣчена съ энтузиазмомъ, что она вся цѣликомъ вышла изъ этой богатой литературы рыцарско-волшебныхъ произведеній, — въ ней нѣтъ ни одного эпизода, который не нашелъ бы себѣ нѣсколькихъ прототиповъ даже въ одной русской вол-

щебной романистик¹). Такимъ образомъ, въ „Русланъ и Людмила“ русскій читатель увидѣлъ все давно знакомое, но изложенное не въ грубой прозѣ XVIII в. архаистическимъ, топорнымъ стилемъ, а въ легкихъ, прекрасныхъ стихахъ, шаловливыхъ и звонкихъ, сверкающихъ то юношески-дерзкимъ юморомъ, то граціозною фривольностью. Въ этой стихотворной формѣ и своеобразной манерѣ письма была та „новизна“, которая оживила старое, давно всѣмъ известное и, быть можетъ, порядкомъ поднадоѣвшее. То, что сказалъ Пушкинъ о писаніи „новыхъ“, „оригинальныхъ“ романовъ, при помощи материала, извлеченаго для нихъ изъ старой дѣдовской литературы,— то вполнѣ оказалось приложимъ и для объясненія возникновенія его собственной поэмы. Въ нѣсколькихъ предшествующихъ работахъ касательно Пушкина приходилось мнѣ припоминать эти знаменательные слова: они многое объясняютъ въ творчествѣ поэта; художественная идея, даже положеніе героевъ, ихъ слабые абрисы брались имъ нѣрѣдко извѣтно, но разработка всего взятаго, перенесеніе въ ту обстановку, которую онъ зналъ лучше — словомъ, „руссификація“ и „приспособленіе къ интересамъ современности“ — принадлежали поэту. Удивительно-удачный образчикъ такой творческой переработки представляютъ собою герои романа „Евгений Онѣгинъ“²), неудачный — герои „Кавказскаго Плѣнника“³) и „Руслана и Людмилы“... Для нихъ онъ воспользовался старою канвой, на ней сумѣлъ расшить яркіе и интересные „узоры“, но всетаки еще не въ „русскомъ стилѣ“. Для „Кавказ-

1) До сихъ поръ мнѣ не удалось найти въ предшествующей Пушкину литературѣ, русской и иностранной, ничего похожаго на эпизодъ Финна и Наинъ, — между тѣмъ, заимствованность этой вставной повѣстушки сразу чувствуется. Очевидно даже, прототипъ ей надо искать среди „пародий“ на „волшебную“ сказку.

2) См. мою работу „Онѣгинъ, Ленскій и Татьяна“.

3) См. мою работу „Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ“.

скаго Плѣнника“ его попытка оказалась неудовлетворительною вслѣдствіе излишняго субъективизма, имъ тогда владѣвшаго, вслѣдствіе недостаточно-спокойнаго отношенія къ дѣйствительности и излишней подчиненности Шатобріану. То же можно сказать и относительно „Руслана“: поэтъ еще недостаточно проникся духомъ народной поэзіи, былъ еще слишкомъ во власти „книги“ и того граціозно-шаловливаго настроенія, которое совершенно чуждо народной русской поэзіи.

Мнѣ остается коснуться послѣдняго поставленнаго вопроса — обѣ отношеніи Пушкина къ народной поэзіи. Послѣ прекрасной работы проф. Вс. Миллера: „Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ“, казалось-бы, нѣть больше мѣста для такихъ вопросовъ, но все предыдущее въ настоящей моей статьѣ касательно „литературности“ ранней пушкинской поэмы заставляетъ меня пересмотрѣть этотъ вопросъ съ той точки зренія, на которую не становился проф. Миллеръ.

Проф. Миллеръ очень внимательно собралъ всѣ факты изъ жизни поэта, — факты, свидѣтельствующіе о томъ, какъ съ дѣтства росли и постепенно углублялись интересы его къ народному творчеству; онъ отмѣтилъ среди произведеній поэта всѣ, проникнутыя народнымъ духомъ, но онъ не отмѣтилъ одного важнаго явленія въ творчествѣ поэта, — явленія, очень характернаго для пониманія отношений его къ народной поэзіи.

Выше я указалъ, какъ онъ изъ старой дѣдовской литературы почерпалъ канву для узоровъ въ новомъ вкусѣ, какъ онъ ловилъ намеки, развивалъ ихъ и раскрашивалъ. То же можно наблюдать и въ его „народныхъ произведеніяхъ“ - сказкахъ: многія изъ нихъ не народнаго происхожденія, а чисто-литературного, книжнаго, но обработаны поэтомъ въ народномъ русскомъ духѣ. Вотъ почему прежде, чѣмъ говорить, хотя-бы, обѣ инте-

ресь Пушкина къ русскимъ сказкамъ няни, не мѣшаетъ пересмотрѣть, все-ли сказки слышалъ онъ изъ ея устъ, не увлекался ли онъ не только слушаньемъ, но и чтенiemъ тѣхъ искусственныхъ псевдонародныхъ „русскихъ“ сказокъ и иностранныхъ, которымъ былъ богатъ еще XVIII вѣкъ. Въ прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ“ поэтъ намѣщаетъ содержаніе тѣхъ сказокъ, которыя рассказывалъ ему „котъ ученьй“¹⁾; изъ перечня сюжетовъ этихъ „сказокъ“ видно, что лишь немногія изъ нихъ относятся къ „народнымъ“ сказкамъ, а именно:

Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей.
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ доброго царя.
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служить.:
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ бредеть сама собой.
Тамъ царь Кошѣй надъ златомъ чахнетъ.

Все это, дѣйствительно, захватываетъ содержаніе русскихъ простонародныхъ сказокъ, но уже слѣдующая картина:

. . . . тамъ лѣшій бродить,
Русалки на вѣтвяхъ сидятъ

относится къ области „повѣрій“, а не сказокъ. Только у Чулкова встрѣчаемъ мы „сказки“, гдѣ дѣйствуютъ „лѣши“ и „русалки“.

Наконецъ, остальные сюжеты не принадлежать ни сказочному эпосу, ни народнымъ вѣрованьямъ:

1) Этотъ „котъ“ взять, вѣроятно, у Державина, который въ своемъ произведении „Царь-Дѣвица“ описалъ теремъ героини. Этотъ теремъ находится въ сказочной сторонѣ, „въ рощахъ злачныхъ, въ лукоморѣ“; въ роскошномъ саду порхаютъ тамъ райскія птички; здѣсь же обитаетъ „чудесный заморскій котъ“.

Тамъ на невидимыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей...
.Тамъ лѣсь и доль видѣній полны..

— это уже фантастика не народныхъ русскихъ сказокъ, а тѣхъ искусственныхъ, волшебныхъ, въ которыхъ воображеніе писателя не знаетъ удержану, громоздить чудовищные образы „изобрѣтенныхъ“ ужасовъ въ видѣ диковинныхъ существъ, различныхъ видѣній.

Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря!..

— картина, неизвѣстная русскимъ простонароднымъ сказкамъ, но избитая въ сказкѣ искусственной, книжной.

Въ стихотвореніи „Сонъ“ поэтъ вспоминаетъ „о прелести таинственныхъ ночей“, когда старуха-няня рассказывала ему сказки „о мертвцахъ, о подвигахъ Бовы“. И какія-же видѣнія послѣ этихъ разсказовъ смущали покой ребенка? —

Я трепеталъ, и тихо, наконецъ,
Томленье сна на очи упало.
Тогда съ лазурной высоты,
На лоно розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали:
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ,
Въ глухи лѣсной, средь Муромскихъ пустыней
Встрѣчалъ лихихъ *Полкановъ и Добрыней*, —
И въ вымыслахъ носился юный умъ.

„Волшебники“ и „волшебницы“ могли явиться только подъ вліяніемъ чтенія *волшебныхъ* сказокъ чужихъ или русскихъ — подражательныхъ, въ родѣ Чулкова (русскія сказки знаютъ *вѣдуну, вѣдьму*, но не знаютъ „волшебниковъ“), а встрѣча поэта съ „лихими Полканами и Доб-

рыней" выдаетъ поэта головой. Въ русскихъ сказкахъ „Полкановъ" тоже нѣтъ. Впервые русскій народъ познакомился съ именемъ „Полканъ" изъ повѣсти о Бовѣ, гдѣ Полканъ (полупесь-получеловѣкъ) является испорченнымъ итальянскимъ Pulicane. За то Чулковъ нѣсколько разъ вводить этотъ образъ въ свои сказки и въ единственномъ, и во множественномъ числѣ („полканы"), понимая подъ этимъ именемъ древнегреческаго „центавра". У того же Чулкова въ „Русскихъ Сказкахъ" есть длинный романъ о похожденіяхъ Добрыни.

Еще одно указаніе: Татьяна увидѣла во снѣ собраніе чудовищъ:

. . . . за столомъ
Сидять чудовища кругомъ;
Одинъ въ рогахъ, съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордый,
Тамъ карла съ хвостикомъ и вотъ
Полужуравль и полукотъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣй!
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шей
Верится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ
Людская молья и конскій топъ!

Передъ нами калейдоскопъ образовъ, которые мы напрасно стали бы искать въ русскихъ народныхъ сказкахъ. Это — также одинъ изъ эпизодовъ старыхъ вол-

шебныхъ сказокъ и романовъ, — тамъ все полно „видѣній“, тамъ слѣды „невиданныхъ звѣрей“ — тамъ эта свобода необузданного воображенія, которой нѣ знаетъ русскій народъ, вообще скучой на фантастику и тяготѣющій къ реализму, къ бытовой картинѣ... Правда, подъ шаловливъмъ перомъ поэта испарился весь ужасъ этого необычнаго собранія „невиданныхъ звѣрей“ — передъ нами веселая „каррикатура“ на фантастику старыхъ заимствованныхъ или переведенныхъ сказокъ.

Въ сказкѣ Чулкова „Повѣсть о Аліонѣ Поповичѣ богатырѣ“ встрѣчаемъ мы картинку въ такомъ-же жанрѣ: авторъ тоже рисуетъ собраніе чудовищъ, надъ которыми посмѣивается и самъ, и заставляетъ это дѣлать своего героя.

„Вся комната наполнилась дьяволами различнаго вида. Иные имѣли ростъ исполинскій, и потолокъ трещалъ, когда они умѣщались въ комнатѣ; другіе были такъ малы, какъ воробы и жуки съ крыльями, безъ крыльевъ, съ рогами, комолые, многоголовые, безголовые; похожіе на звѣрей, на птицъ, и все, что есть въ природѣ ужаснаго. Всѣ ревѣли, страшно выли, сипѣли, скрежетали и бросались на богатыря“ (стр. 229).

Подобныхъ картинокъ можно указать въ русскихъ книжныхъ сказкахъ нѣсколько, но только у Чулкова онъ окрашиваются въ веселые, свѣтлые тона. У Попова, напримѣръ, въ его „Славянскихъ древностяхъ“ введенъ такой-же эпизодъ, но разсказанъ онъ серьезно¹⁾.

Если я прибавлю къ этому, что для прекрасной сказки „О рыбакѣ и рыбкѣ“ напрасно искали источникъ въ русскихъ простонародныхъ сказкахъ, — она нашлась среди нѣмецкихъ, у братьевъ Гриммовъ²⁾), — если прибавлю, что

1) Поповъ, оп. cit., 124 — 6 и др.

2) Н. Ф. Сумцовъ „Изслѣдованія о поэзіи Пушкина“, 287. Такоже въ сказкахъ M-me le Prince de Beaumont.

„Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“ нѣкоторыми деталями напоминаетъ сказку Клингера: „Le coq d'or“, „Сказка о царѣ Салтанѣ“ напоминаетъ одну изъ повѣстей „1001 ночи“¹⁾, „Сказка о мертвомъ царевнѣ“ болѣе принадлежитъ западу, чѣмъ русскому народу, — мы должны будемъ признать, что не только для „Руслана и Людмилы“, но и для другихъ произведеній, въ болѣе народномъ духѣ, Пушкинъ бралъ матеріалъ не всегда у народа, а часто, даже, скажу, чаще изъ книги, даже нерусской. Такимъ образомъ, его произведенія „въ русскомъ духѣ“ находятся совершенно въ томъ же отношеніи къ чисто народнымъ, въ какомъ находятся, хотя-бы, сказки объ Ерусланѣ и Бовѣ къ настоящимъ русскимъ, — будучи заимствованы, они русифицировались, столкнувшись съ русской поэтикой былинного и сказочного эпоса, приспособились и совершенно акклиматизировались. То же про-

1) „Тысяча и одна ночь. Сказки Арабскія“ перевед. съ фр. из., т. 12, 1774. *Исторія о двухъ сестрахъ, завидующихъ меньшей.* Однажды принцъ Персидскій Косяутагъ, переодѣвшись, ходилъ по городу . . . „Пришелъ въ одну улицу, где не было народа, услышалъ онъ, что громко говорятъ: онъ подошелъ къ тому дому, откуда слышанъ былъ шумъ и, смотря въ скважину дверную, увидѣлъ сидѣть и трехъ сестеръ, сидящихъ на софѣ и разговаривающихъ послѣ ужина. По словамъ старшей изъ нихъ догадаться можно было, что желаніе ихъ различное было причиной разговора. „Когда мы теперь о томъ говоримъ“, сказала одна, „то бѣ я желала быть за Султанскимъ хлѣбникомъ, я бы ъѣла тотъ хороший хлѣбъ, который пекутъ для Султана. Посмотримъ, какого ты вкуса!“ „А я бы, говорила другая, хотѣла быть за главнымъ Султанскимъ кухнистомъ, я бы ъѣла лучшіе соусы: а какъ я увѣрена, что Султанской хлѣбъ употребляютъ во всемъ дворцѣ, то бѣ я и его ъѣсть стала: видишь, сестрица, сказала она старшей, что мое желаніе твоего превосходище!“

Младшая сестра, будучи трезвычайная красавица и умнѣе болѣшихъ своихъ сестеръ, начала говорить: „Что до меня касается, сестрицы, сказала она, я не полагаю желаній своихъ въ такихъ бездѣлицахъ; но хочу сего превосходить: я бѣ желала быть за Султаномъ и родить ему Принца, у которого бы волосы были съ одной стороны золотые, а съ другой — серебряные, когда бы онъ сталъ плакать, то бы, вместо слезъ, катился бы жемчугъ, а когда бѣ улыбнулся, то бѣ губы его подобны были расцвѣтающей розѣ!“ Другія параллели см. у Н. Ф. Сумцова, op. cit.

изошло и съ чужими сюжетами, взятыми изъ книги, когда они попали въ руки Пушкина. Чужая сказка (хотя-бы „О рыбакѣ и рыбкѣ“), попавъ въ его руки, подчинилась его знанію и пониманію истинно-народной пѣсни и претворилась въ русскую сказку. Намеки, почерпнутые не у народа, а изъ книги, поэтъ развилъ, расцвѣтилъ и облекъ новою плотью: по старой канвѣ расшилъ новые узоры.

Любопытно, что, въ этомъ отношеніи, Пушкина, какъ и его предшественниковъ и современниковъ, тянуло къ такой „поддѣлкѣ“. До него и при немъ у насть съ меньшимъ успѣхомъ занимались такими поддѣлками: Чулковъ („Русскія сказки“), Поповъ („Славянскія древности“), Херасковъ („Бахаріана“), А. Радищевъ, („Бова“), Н. Ра-дищевъ („Богатырскія повѣсти въ стихахъ“), Державинъ („Царь-дѣвица“), Карамзинъ („Илья Муромецъ“), Жуков-скій, Даляр и др.; Нелединскій-Меленцкій, Дмитріевъ, Мер-зляковъ, Дельвигъ¹⁾.

Начало вѣка особенно прославилось такими поддѣл-ками (напр. „Краледворская Рукопись“), — ранѣе въ XVIII в. къ такому же разряду произведеній относятся пѣсни Оссіана. Это было литературной модой. Быть мо-жетъ, это объясняется и тѣмъ, что простонародная поэзія, простая и несложная, не удовлетворяла избалованнымъ вкусамъ и запросамъ интеллигенціи, но нароставшій ин-тересъ и углублявшееся знаніе влекли къ народному творчеству. Оставалось идти на компромиссъ: изобрѣтен-ная, или заимствованная интрига расцвѣчивалась на на-родно-поэтическій ладъ. Вотъ почему для своихъ сказокъ и Пушкинъ выбиралъ сюжеты или книжные, или, оче-

1) Подробнѣе библіографію см. въ сочиненіи И. И. Замотина: „Роман-тизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст. въ русской литературѣ“, 1908, 17—81 и А. Н. Веселовскаго, „В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и сердечного во-ображения“, Спб. 1904, 509 — 530.

видно, заимствованные народомъ („О мертвей царевнѣ“), — они были болѣе сложны, болѣе „интересны“.

Вотъ почему его бессознательно потянуло и къ поддѣльнымъ пѣснямъ южныхъ славянъ Мериме. Вотъ почему и самъ онъ былъ не прочь отъ сознательной поддѣлки. Не обѣ этомъ ли говорить его самодовольный вызовъ, брошенный Кирѣевскому при передачѣ ему сборника записанныхъ пѣсенъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разберите-ка, которая поеть народъ и которая смастерила я самъ“. Кирѣевскій не сумѣлъ различить настоящихъ простонародныхъ отъ сочиненныхъ Пушкинымъ. Конечно, это — лишнее доказательство того, какой виртуозности въ поддѣлкѣ достигъ поэтъ и притомъ цѣною долгихъ и сознательныхъ усилий: восхищаясь сказками Даля, поэтъ обронилъ замѣчаніе, свидѣтельствующее о томъ, какой борьбы стоила ему трудная побѣда надъ русскимъ народнымъ стилемъ: „Сказка сказкой, а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русского раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать? Надо бы сдѣлать, чтобы выучиться говорить по русски и не въ сказкѣ... Да нѣтъ трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!“¹⁾.

Итакъ — мой очеркъ висковъко не подрываетъ ни одной мысли изъ статьи проф. Вс. Миллера,—онъ еще подкрепляетъ основное положеніе статьи исслѣдователя, что Пушкинъ былъ великимъ русскимъ „этнографомъ“, — въ этомъ отношеніи онъ до такой степени былъ великъ, что свои заимствованія умѣлъ претворять въ чисто-народныя произведения: начавъ съ неудачной поддѣлки („Русланъ и Людмила“), подъ конецъ своей жизни добился, путемъ долгихъ усилий, умѣнья перевоплощать чужое въ свое родное.

B. Сиповский.

1) Л. Майковъ, Пушкинъ, стр. 418.

Къ исторіи „Современника“.

(Письма В. А. Жуковскаго къ С. С. Уварову).

Въ 1-мъ № „Современника“ за 1837 годъ (т. V, стр. 89 — 112), частью подготовленномъ къ выходу самимъ Пушкинымъ, но выпущенномъ въ свѣтъ уже послѣ его смерти кн. Вяземскимъ, Жуковскимъ, Краевскимъ, кн. Одоевскимъ и Плетневымъ, напечатанъ былъ „Отрывокъ изъ рукописи Карамзина о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ (До смерти Екатерины II)“; онъ сопровождался слѣдующимъ примѣчаніемъ Пушкина: „Во второмъ нумерѣ *Современника* упомянуто было о неизданномъ сочиненіи покойнаго Карамзина¹⁾. Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоценной рукописи. Они услышать если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то, по крайней мѣрѣ, звуки его умолкнувшаго голоса.“

Пушкинъ писалъ эти строки послѣ того, какъ цензурой уже была просмотрѣна, сокращена и разрѣшена къ печати Записка Карамзина, и онъ, конечно, не подозрѣвалъ, что этотъ отрывокъ встрѣтитъ новыя препятствія

1) „Современникъ“ 1836 г., т. II, стр. 18, въ статьѣ самого Пушкина: „Россійская Академія“.

со стороны цензуры¹⁾; отстаивать его предъ нею въ лицѣ С. С. Уварова пришлось Жуковскому, чтò видно изъ двухъ писемъ его къ бывшему своему пріятелю и Арзамасскому товарищу, въ это время министру народнаго просвѣщенія. Письма эти, недавно найденныя мною въ бумагахъ одного собирателя, нѣ имѣютъ на себѣ дать и установить ихъ можно только приблизительно: хлопоты, напримѣръ, Вяземскаго и Одоевскаго о выпускѣ 1-й книжки „Современника“ на 1837 (пропензурованной отчасти еще при жизни Пушкина — 11-го ноября 1836 г.) относятся ко второй половинѣ февраля и къ марта 1837 г.²⁾; къ этому же времени слѣдуетъ отнести и настоящія письма Жуковскаго (въ самомъ началѣ мая онъ уже выѣхалъ изъ Петербурга въ путешествіе по Россіи), равно какъ и недатированную записку Жуковскаго къ князю Одоевскому: „Вѣдь вы взяли статью Карамзина? И отдали ее переписывать? То-есть конецъ? Доставьте Вяземскому“. ³⁾

Вадимъ Модзалевскій.

Кievъ.
28-го марта 1906 г.

1) Записка Карамзина цѣликомъ не издана, собственно, и до сихъ поръ: будучи напечатана въ „Русск. Арх.“ 1870 г. (кн. II), она была изъята изъ № этого журнала и экземпляры съ нею очень рѣдки (см. С. И. Пономаревъ, „Материалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ“, С.-Пб. 1883).

2) См., напр., въ брошюрѣ „Изъ Собрания автографовъ Импер. Публ. Библіотеки“, С.-Пб. 1898 г., стр. 76—78, письма князя Вяземскаго къ князю Одоевскому.

3) „Русск. Арх.“ 1900 г., кн. III, стр. 53.

1.

[Конецъ февраля-марта 1887 г. Петербургъ].

Я быль у васъ чтобы узнать отъ Васть, правда ли, что статья Карамзина, которую мы хотѣли помѣстить въ Современникѣ и въ которой иѣтъ слова которое бы можно было остановить, запрещена Вами? Такъ говоритъ Крыловъ¹). Не могу никакъ этому повѣрить. Онъ какъ нибудь не понялъ. Въ этой статьѣ рѣшительно иѣтъ ничего такого, что бы могло помѣшать ея изданію въ свѣтъ. Это просто взглѣдъ на состояніе Россіи до смерти Екатерины, въ коемъ иѣтъ ничего общаго съ тою огромною запискою изъ которой онъ взялъ, и до которой иѣтъ дѣла читателю. И Карамзинъ бы самъ напечаталъ этотъ отрывокъ въ томъ видѣ въ какомъ мы хотимъ его напечатать. Если онъ нездѣлалъ никакого употребленія изъ своей записи при жизни²), то это по тому, что у него и списка ея не осталось. Намъ дорого все, что имъ написано; и что можетъ Россія знать изъ оставшагося послѣ него, того жаль лишать ее. Пропусти вѣсну не отнимать у Современника его лучшаго украшенія. Да и не можетъ быть, что бы вы могли запретить печатаніе этой статьи? Это вѣрно недоразумѣніе Крылова. Прошу васъ убѣдительно отвѣтить мнѣ и если можно поскорѣе, ибо хотѣлось бы эту статью помѣстить въ началѣ³). Пора набирать ее. Мою же статью о

1) Цензоръ Александръ Лукичъ Крыловъ (р. въ 1801, ум. въ 1858 г.) былъ назначенъ для цензирования „Современника“; Пушкину не мало пришлось препираться съ этимъ строгимъ чиновникомъ, „одно имя кото-раго“, по словамъ Никитенко, было „страшно для литературы“ (Записки, т. I, стр. 885, изд. 1893 г.); см. книгу И. А. Шляпкина, Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина и В. Я. Брюсова, Письма Пушкина и къ Пушкину“.

2) Она написана была въ 1811 году; найдена въ 1886 г.

3) Въ начало книжки она, однако, не попала.

Пушкинъ я показывалъ Государю; онъ приказалъ многое выбросить. Какъ скоро поспѣетъ моя оператія, представлю вамъ статью въ обоихъ видахъ¹⁾.

Жуковскій.

2.

[Конецъ февраля-марта 1887 г. Петербургъ].

Удивляюсь решенію Цензурнаго комитета; не пропускать сочиненія Карамзина по тому только, что оно при немъ не было напечатано! Чтожъ это за поводъ къ запрещенію? Подаю эту піесу на разсмотрѣніе Цензуры я, для напечатанія въ Современникѣ, въ тѣхъ мысляхъ что написанное Карамзинымъ будетъ имѣть много привлекательнаго для читателей Современника? Дѣло Цензуры пропустить то что пропустить можно, и вымарать то, чего она пропустить не можетъ. Ей и знать не льзя и не нужно, отъ куда взята представляемая мною піеса; ея дѣло только смотрѣть на то, — можно ли ее пропустить или нѣтъ. Пушкинъ ее уже представлялъ. Я все то выбросилъ, что было отмечено и Цензура можетъ быть теперь довольна. Да я и самъ бы не за что не захотѣлъ напечатать чтонибудь такое, что кого бы то ни было могло бы ввести въ отвѣтственность. Прошу васъ убѣдительно, любезнѣйшій Сергій Семеновичъ, приказать пересмотрѣть піесу въ томъ видѣ въ какомъ она теперь представляется. Будетъ совершенная несправедливость не позволять ее только для того что она Карамзина и еще не напечатана. Я васъ увѣряю что послѣ тѣхъ изключеній которая сдѣланы

1) Статья Жуковскаго „Послѣднія минуты Пушкина“, въ которую вошло письмо его къ С. Л. Пушкину отъ 15-го февраля 1837 г., напечатана въ „Современникѣ“, № 1-й 1887 г., стр. I — XVIII; ею открывается этотъ посмертный № Пушкинского журнала.

мною, все въ ней пропущено быть можетъ. Пускай выкинуть все то что найдутъ нужнымъ; пускай если угодно и не говорится что она писана для Е. Павловны¹⁾. Можно поставить слѣдующее заглавіе: *Отрывокъ изъ рукописи, найденной по смерти Карамзина.* Прошу у васъ защиты и справедливости.

Вашъ

Жуковскій.

1) По словамъ Пушкина, передававшаго разсказъ А. С. Шишкова, Карамзинъ написалъ свою Записку „по вызову“ великой княгини Екатерины Павловны, жены герцога Георга Ольденбургскаго(статья „Российская Академія“ — въ „Современникѣ“ 1886 г., т. II, стр. 18 и Соч., изд. подъ ред. П. О. Морозова, т. VI, С.-Пб. 1905, стр. 96).

**Василій Петровичъ
Зубковъ
и его Записки.**

Пушкинская литература давно уже не обогащалась столь цѣннымъ открытиемъ, какъ письмо поэта къ Василію Петровичу Зубкову (отъ 1-го декабря 1826 г.), найденное въ бумагахъ Б. Н. Чичерина и обнародованное А. Ф. Кони сперва въ „Журналѣ для всѣхъ“ (1905 г., № 1), а затѣмъ — въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ (1905 г., т. X, кн. 1 и отд. отт.). Письмо это, заключающее въ себѣ любопытныя подробности біографіи поэта, ясно рисующее мало извѣстный эпизодъ его увлеченія Софьей Федоровной Пушкиной и содержащее драгоценную автохарактеристику, — уже знакомо, такимъ образомъ, всѣмъ почитателямъ великаго поэта. Публикуя это замѣчательное письмо и говоря о Зубковѣ и его привлеченіи къ дѣлу декабристовъ, А. Ф. Кони писалъ: „Существуютъ записки Зубкова на французскомъ языкѣ, съ рисунками перомъ и карандашомъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не напечатанныя. Они исполнены исторического и бытового интереса. Пріемы допроса декабристовъ, условія ихъ содержанія, личности членовъ Слѣдственной Комиссіи охарактеризованы въ нихъ очень мѣтко, переплетаясь съ чертами изъ общественной жизни того времени“.... Печатая ниже эти записки, мы предполагаемъ имъ очеркъ жизни ихъ автора, насколько удалось обрисовать его по печатнымъ и другимъ источникамъ. Возможностью обнародовать записки мы обязаны просвѣщенному вниманию члена



Василий Петрович
ЗУБКОВЪ.

Комиссії по изданію сочиненій Пушкина и Секретаря Пушкинскаго Лицейскаго Общества — Павла Евгеньевича Рейнбота, который получилъ ихъ отъ камергера В. В. Евреинова, родного внука В. П. Зубкова (по матери своей — Ольгѣ Васильевнѣ); считаемъ своимъ долгомъ выразить здѣсь нашу искреннюю признательность В. В. Евреинову и П. Е. Рейнботу за разрѣшеніе опубликовать эти любопытныя Записки.

Отецъ Василія Петровича Зубкова — Петръ Абрамовичъ¹⁾ — родился 14-го іюня 1762 года; 17-ти лѣтъ онъ поступилъ въ военную службу, находился адъютантомъ въ штабѣ генераль-поручика А. Ф. Уварова и въ 1790 г., 8-го марта, вышелъ въ отставку секундь-маиоромъ; 20-ти лѣтъ отъ роду онъ женился, въ 1782 г., на 13-ти лѣтней дѣвушкѣ — Марьѣ Михайловнѣ Шапошниковой, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Петра, бывшаго впослѣдствіи въ военной службѣ, и Абрама, также сперва военнаго (до 1816 г.), а затѣмъ служившаго (1834) по выборамъ дворянства депутатомъ Дмитровскаго уѣзда²⁾. Потерявъ жену, скончавшуюся 14-го мая 1796 года, Петръ Абрамовичъ женился вторично — на Натальѣ Петровнѣ Евреиновой (род. 16-го апрѣля 1775 † 5-го іюня 1845), внучкѣ того Якова Матвѣевича Евреинова, который при Петрѣ Великомъ былъ Русскимъ консуломъ въ Кадикѣ, а затѣмъ — Президентомъ Коммерцъ-Коллѣгіи и умеръ 24-го октября 1772 года. Отъ этого брака и родился въ Москвѣ 14-го мая 1799 года Василій Петровичъ Зубковъ³⁾. Отца своего онъ лишился въ раннемъ дѣтствѣ (Петръ Абрамовичъ умеръ въ Москвѣ 4-го января 1804 г.) и остался, вмѣстѣ съ братомъ, подъ опекой своей матери, ея брата — Дмитрія Петровича Евреинова и дяди своего — бригадира Ивана Алексѣевича Булгакова, который былъ женатъ на сестрѣ его отца — Аннѣ Абрамовнѣ Зубковой (ум. 2-го декабря 1846 г.).

1) Сынъ прaporщика Абрама Васильевича отъ брака его съ Авдотьей Андреевной Бабушкиной (род. 1749 † 1797).

2) Онъ род. 4-го ноября 1791 † 8-го апрѣля 1856 г.; былъ женатъ, съ 6-го февраля 1821 г., въ Москвѣ, на Надеждѣ Петровнѣ Демидовой.

3) По надгробной надписи Василій Петровичъ родился 14-го мая 1800 г.; но мы беремъ 1799 годъ, указанный въ метрикѣ его рождения, находящейся въ дѣлѣ Архива Департамента Герольдіи, откуда заимствованы и другія свѣдѣнія о семье Зубковыхъ; см. также Записки М. М. Евреинова въ „Русск. Архивѣ“ 1891 г., кн. II, стр. 405 — 412.

Восьмилѣтнимъ мальчикомъ Василій Петровичъ уже записанъ былъ въ службу — ученикомъ въ Архитектурную школу Экспедиціи Московскаго Кремлевскаго строенія (27-го мая 1807 г.) и хотя, вѣроятно, обязанностей никакихъ не несъ, а учился дома, тѣмъ не менѣе, получилъ, 22-го марта 1809 г., то есть, на десятомъ году, званіе канцеляриста, а 20-го февраля 1811 года — чинъ коллежскаго регистратора, послѣ чего, къ новому 1816 году произведенъ былъ въ губернскіе секретари. Несмотря на такое „блестящее“ начало служебной карьеры, о которой, конечно, заботились его опекуны, Зубковъ 22-го декабря 1816 г. уволился отъ службы въ Экспедиціи и 29-го декабря поступилъ въ только что открытое, но уже извѣстное и модное Московское Учебное заведеніе для колонновожатыхъ, основанное Н. Н. Муравьевымъ. Василій Петровичъ вошелъ въ число слушателей второго курса этого Училища. 26-го ноября 1817 г. онъ былъ произведенъ, по экзамену, въ прапорщики Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, при чемъ вмѣстѣ съ нимъ были выпущены, между прочимъ: извѣстный писатель и археологъ А. Ф. Вельтманъ, П. А. Тучковъ — впослѣдствіи Московскій генералъ-губернаторъ — и другія лица, съ которыми Зубковъ и впослѣдствіи поддерживалъ дружескія отношенія¹⁾. Сохранилось показаніе Зубкова, данное имъ въ 1826 г., что въ 1817 (или 1818) году ему было предлагаемо (кн. Фед. Петр. Шаховскимъ) вступить въ тайное литературное общество, коего название ему неизвѣстно, но у коего былъ писанный уставъ. „Цѣль его, говорить онъ, кажется, заключалась единственно въ распространеніи общеполезныхъ познаній между членами и въ денежныхъ пособіяхъ бѣднымъ членамъ, а средство состояло въ переводахъ на Русский языкъ лучшіхъ иностранныхъ книгъ и въ некоторыхъ денежныхъ пожертвованіяхъ“; но Зубковъ, какъ показалъ онъ на допросѣ, въ это общество не вступилъ²⁾.

Получивъ, въ сентябрѣ 1819 г., чинъ подпоручика, Василій Петровичъ 11-го декабря того-же года вышелъ изъ службы

1) Формулярный списокъ; Н. В. Путята, Ген.-м. Н. Н. Муравьевъ, С-Пб. 1852, стр. 13-14, 38, 84; Д. Кропотовъ, Жизнь графа Н. Н. Муравьева, С-Пб. 1874, стр. 407.

2) Ом. ниже, въ Запискахъ, и показаніе Зубкова въ дѣлѣ о немъ въ Государственномъ Архивѣ, л. 1.

по квартирмейстерской части¹⁾ и около двухъ лѣтъ провелъ въ отставкѣ, воспользовавшись этимъ временемъ, между прочимъ, для поѣздки за-границу. О путешествіи этомъ намъ ничего неизвѣстно, кроме того, что въ январѣ 1821 года онъ былъ въ Парижѣ²⁾ и что вернулся оттуда, „прельщеный французскимъ судопроизводствомъ и краснорѣчивыми выраженіями нѣкоторыхъ депутатовъ“³⁾, которыхъ онъ слушалъ въ Камерѣ; что онъ ознакомился съ судомъ присяжныхъ, о которомъ тогда въ Россіи еще и говорить запрещалось, и что за границей и по возвращенію оттуда онъ увлекался изученіемъ сочиненій Делольма, Сея, Сисмонди и другихъ политическихъ писателей. Въ 1820 или 1821 г. онъ въ Петербургѣ вступилъ членомъ въ масонскую ложу „Соединенныхъ Славянъ“; „дѣль ея, по словамъ Зубкова, была благотворительность и усовершеніе нравственности, а средства къ достижению сей цѣли — произвольныя денежныя пожертвованія и чтеніе въ ложѣ поучительныхъ нравственныхъ рѣчей“; изъ ложи этой, въ которой онъ, по собственнымъ словамъ, дошелъ до высокихъ степеней, онъ вышелъ въ 1822 году, когда всѣ масонскія братства были закрыты по распоряженію правительства.

Возвратившись на родину съ запасомъ новыхъ и живыхъ впечатлѣній, Зубковъ не могъ равнодушно, какъ прежде, смотрѣть на окружающую его дѣйствительность: сравненіе видѣннаго имъ на Западѣ съ отечественными порядками производилось невольно и волновало молодого человѣка. Необходимость найти себѣ единомышленниковъ заставляла его искать подходящихъ знакомствъ и приобрѣтать друзей среди представителей мыслящей молодежи. Еще въ 1820 году онъ познакомился съ Сергеемъ Николаевичемъ Кашкинымъ, только-что бросившимъ службу въ л.-гв. Павловскомъ полку, где онъ служилъ и жилъ со своимъ двоюроднымъ братомъ — кн. Е. И. Оболенскимъ (декабристомъ); знакомство это вскорѣ перешло въ тѣсное дружество на почвѣ общихъ умственныхъ интересовъ. По возвращеніи изъ-за границы, Зубковъ въ 1822 году

1) Формуляръ и „Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.“, т. 73, стр 151.

2) Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо къ Зубкову его матери, писанное въ Парижѣ изъ Москвы 10-го января 1821 г., подвергшееся перлюстраціи; оно напечатано въ отрывкѣ въ „Русск. Стар.“ 1882 г., т. 83, стр. 275.

3) Госуд. Архивъ, дѣло Зубкова, л. 4 об.

познакомился и сдружился съ Павломъ Ивановичемъ Колошинымъ, который, какъ и старшій братъ его Петръ Ивановичъ (съ августа 1817 года бывшій преподавателемъ въ Муравьевской Школѣ колонновожатыхъ), былъ членомъ Союза Благоденствія; сопелся онъ съ Борисомъ Карловичемъ Данзасомъ, незадолго передъ тѣмъ (26-го апраля 1821 г.) назначеннымъ чиновникомъ особыхъ порученій къ Московскому Военному Генералъ-Губернатору князю Д. В. Голицыну, а въ ноябрь 1822 г. опредѣлившимся въ совѣтники Московскаго Губернскаго Правленія; наконецъ, съ Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ, другомъ Пушкина, недавно лишь промынявшимъ мундиръ гвардейскаго артиллериста на скромную должность жреца Фемиды сперва въ роли члена С.-Петербургской Уголовной Палаты, а затѣмъ — судьи 1-го Департамента Московскаго Надворнаго Суда, въ который вскорѣ (3-го ноября 1824 г.) поступилъ засѣдателемъ С. Н. Кашкинъ. Зубкову рекомендовали Пущина, „какъ веселаго, благороднаго, доброго и честнаго человѣка“, — и онъ не замедлилъ съ нимъ сойтись, ведя съ нимъ бесѣды на общественные темы. „Отъ Пущина я слыхалъ“, говорилъ Зубковъ въ своемъ показаніи Комиссіи, много жалобъ на уголовное судопроизводство; онъ говориваль о томъ, что хорошо-бы, еслибъ крестьяне были свободны¹⁾). Къ этому кружку друзей вскорѣ присоединились: Александръ Павловичъ Бакунинъ, Владимиръ Петровичъ Пальчиковъ, — оба состоявшіе при Московскому Генералъ-Губернатору, Иванъ Николаевичъ Горсткинъ, совѣтникъ Московскаго Губернскаго Правленія, и князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій, служившій также при князѣ Д. В. Голицынѣ.

Самъ Зубковъ, по возвращеніи изъ-за границы причислившійся къ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (27-го сентября 1821 г.), а затѣмъ (28-го июля 1822 г.) — къ Московскому ея Архиву, 22-го марта 1823 г. былъ „отряженъ“ къ Московскому Генералъ-Губернатору кн. Д. В. Голицыну, при которомъ, какъ мы видѣли, служила большая часть его пріятелей. Выборъ послѣдней службы нельзѧ приписать простому случаю; известно, какими побужденіями руководствовался Пущинъ, переходя на невидимыя должности члена Уголовной Палаты и судьи Надворнаго Суда, и какъ удивлялись его поступку представители и пред-

1) Госуд. Арх., дѣло Зубкова, л. 4 об.



В. И. Зубковъ. Б. К. Данзасть. И. Н. Гореткинъ. И. И. Пущинъ.
(сидятъ). (сидятъ). (стоятъ). (сидятъ).

ставительницы Петербургского и Московского большого „совѣта“, къ которому принадлежалъ Пущинъ: въ дѣйствіяхъ кружка друзей замѣтна общая идея, общее желаніе своимъ личнымъ примѣромъ и, образомъ дѣйствій споспѣшствовать, съ одной стороны, торжеству правосудія, а съ другой — препятствовать проявленію мрачныхъ сторонъ современного имъ чиновничества; въ этомъ состояла ихъ программа (входившая въ программу активной борьбы декабристовъ) и, само собою разумѣется, она могла казаться подозрительною представителямъ старыхъ порядковъ. Вскорѣ Зубковъ получилъ еще большую возможность проводить въ жизнь идеи, одушевлявшія его и его друзей: 6-го августа 1824 г. онъ былъ назначенъ совѣтникомъ во 2-й Департаментъ Московской Палаты Гражданскаго Суда, когда мѣсто это очистилось за уходомъ съ него Павла Ивановича Колошина.

Въ 1825 году, по предложенію Зубкова, кружокъ друзей заказалъ художнику общую группу, которую они и налитографировали въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. На ней были, сдѣланнныя Д. М. Соболевскимъ, портреты: самого Зубкова, И. И. Пущина, П. И. Колошина, А. П. Бакунина, Б. К. Данзаса, И. Н. Горсткина и князя П. Д. Черкасскаго¹⁾. Когда вѣкоторые изъ членовъ этого дружескаго общества были арестованы и увезены въ Петербургъ, въ Москвѣ вспомнили про эту группу и, припомнивъ „подозрительное“ поведеніе пріятелей въ служебныхъ дѣйствіяхъ, стали разсказывать о нихъ разныя небылицы²⁾. Такъ, типичный представитель сплетницы-Москвы, А. Я. Булгаковъ, въ письмѣ къ брату Константину отъ 22-го декабря 1825 г., сообщалъ по поводу событий 14-го декабря: „Отсюда попался тоже къ негодяямъ Петер-

1) У Т. Б. Сѣмечкиной сохранилась акварельная группа, на которой, между прочимъ, находятся портреты ее отца — Б. К. Данзаса и В. П. Зубкова; группа эта была на Пушкинской Юбилейной выставкѣ въ Академіи Наукъ въ 1899 г. (см. Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки, подъ ред. Л. Н. Майлова и Б. Л. Модзалевскаго, М. 1899, каталогъ, № 309), при чемъ, со словъ Т. Б. Сѣмечкиной, была неизвѣстно названа группой Лицейстовъ II выпуска (В. П. Зубковъ, напр., въ Лицѣй не воспитывался). Предполагая, что эта группа именно та, о которой говорить Зубковъ, прилагаемъ ее къ настоящему изданію по фотографіи, любезно доставленной намъ Т. Б. Сѣмечкиной.

2) См. ниже, въ запискахъ Зубкова.

бургскимъ молодой Пущинъ, служащій при князѣ [Д. В. Голицынѣ], коего увѣрили, что отецъ его боленъ при смерти, а потому князь и не могъ ему отказатьѣхатъ въ Петербургъ. За дѣломъ побѣхаль! У этого Пущина есть здѣсь пріятели. Они составили такъ называемое братство Семиупольной Звѣзды, — глупости, кои теперь всѣхъ ихъ могутъ компрометтировать. Тутъ Данзасъ, Колошинъ, князь Черкасскій, Кашкинъ, Зубковъ, Пущинъ, — не помню седьмого. Эти молодцы всѣ занимаютъ здѣсь мѣста при князѣ, коего могутъ компрометтировать^{“1”}).

Несмотря, однако, на тѣсную связь между собою названныхъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ такой убѣжденный и ревностный членъ тайного общества, какъ И. И. Пущинъ, союзъ ихъ не имѣлъ никакой узко-политической подкладки и цѣлей. Быть можетъ Пущинъ и попытался бы впослѣдствіи привлечь своихъ сослуживцевъ и друзей въ составъ тайного общества, но, въ моментъ своего ареста, ни Зубковъ, ни другіе его пріятели не были посвящены въ ближайшія намѣренія и задачи декабристовъ. Тѣмъ не менѣе, 9-го января 1826 г. Зубковъ былъ арестованъ, былъ отправленъ, на фельдъегерскихъ лошадяхъ, въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, где провелъ 12 дней въ томительномъ одиночномъ заключеніи, о которомъ такъ подробно разсказываетъ въ печатаемыхъ ниже Запискахъ.

Изъ дѣлъ Слѣдственной о декабристахъ Комиссіи, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, видно, что поводомъ къ арестованію Зубкова послужили слова барона В. И. Штейнгеля, который въ первомъ показаніи своемъ написалъ, что зналъ о близкихъ сношеніяхъ въ Москвѣ Пущина съ Зубковымъ, Данзасомъ и Пав. И. Колошинымъ (у коего жилъ тогда Пущинъ). Кроме того, уже послѣ ареста Зубкова, въ пользу его прикосновенности къ дѣлу, могли служить, въ глазахъ Комиссіи, указанія С. Н. Кашкина, Петра А. Муханова и князя Е. П. Оболенскаго, — указанія столь-же неопределенные, какъ и слова барона Штейнгеля. Кашкинъ, отвѣчая на запрошеніе Комиссіи по поводу письма И. И. Пущина къ С. М. Семенову, полученнаго послѣднимъ въ Москвѣ, писалъ 24-го января: „Г. Семеновъ не показывалъ мнѣ письма г. Пущина, но

1) „Русск. Арх.“ 1901, кн. II, стр. 293.

говорилъ о содержаніи 16-го декабря, по вечеру, между тѣмъ какъ я по утру, бывъ на Дворянскихъ выборахъ, слышалъ объ ужасномъ происшествіи [бунтѣ]. Онъ говорилъ въ домѣ Советника Гражданской Палаты г. Зубкова, въ присутствіи хозяина. Осмѣялся просить покорнѣйше, чтобы мои слова не навлекли непріятности г. Зубкову, о которомъ, зная его весьма коротко, я совершенно убѣжденъ, что онъ никогда къ общству не принадлежалъ. Притомъ же, онъ одержимъ болѣзнью¹⁾. П. А. Мухановъ сказалъ еще менѣе, выразившись, что о принадлежности Зубкова къ Обществу онъ заключилъ лишь изъ факта его арестованія въ Москвѣ.²⁾ Кн. Е. П. Оболенскій, приводя весьма длинный списокъ лицъ, прикосновенныхъ, въ большей или меньшей степени, къ Обществу, писалъ противъ имёнъ Пав. Ив. Колоптина, Ив. Ник. Горсткина и Зубкова: „Всѣ сіи члены женаты, а потому принадлежать къ Обществу единственно по прежнимъ связямъ. Кругъ ихъ дѣйствій вообще былъ: распространеніе просвѣщенія введеніемъ школъ въ деревняхъ, улучшеніе состоянія крестьянъ, частное освобожденіе оныхъ по возможности, постепенное взиманіе доходовъ не съ лицъ, но съ земли и уменьшеніе дворовыхъ людей.“³⁾

Подобная первымъ тремъ неопределѣленныя указанія, конечно, не могли дать Коммиссіи достаточныхъ поводовъ къ осужденію Зубкова, и она уже 14-го января постановила просить о его освобожденіи, во Императоръ написалъ на докладѣ „повременить“ и только послѣ вторичнаго доклада, 20-го января постановилъ: „выпустить съ аттестатомъ“. Послѣдній, однако, окончательно былъ врученъ Зубкову лишь послѣ того, какъ было заслушано и обсуждено въ Коммиссіи приведенное выше показаніе князя Оболенскаго, изъ-за котораго Зубковъ, наканунѣ выпущенный изъ крѣпости, едва не былъ посаженъ въ нее вторично. Снабженный аттестатомъ, онъ, однако, попалъ въ находившійся всегда подъ руками императора Николая I, составленный въ 1827 году, „Алфавитъ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ Обществъ и лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу, произведеному Высоч. учрежденію 17-го декабря

1) Госуд. Арх., разр. I В, д. № 64.

2) ib., д. № 356.

3) ib., дѣло № 335.

1825 г. Слѣдственою Коммиссіею¹⁾). Въ Алфавитѣ этомъ Императоръ Николай наводилъ справки всякий разъ, какъ ему попадалась по какому-нибудь случаю знакомая по дѣлу о декабристахъ ненавистная фамилія. О Зубковѣ здѣсь, на страницахъ 257—258-й, читается слѣдующее: „Быть взяты по показанію Штейнгеля, что имѣть частныя сношенія съ Пущинымъ и другими членами. Но по изслѣдованію Коммиссіи оказался не принадлежавшимъ къ Обществу и не зналъ о существованіи онаго. — Содержался въ крѣпости съ 12-го января. По Высочайшему повелѣнію въ слѣдствіе доклада Коммиссіи 20-го января освобожденъ съ аттестатомъ.“

Показанія Зубкова, приведенные имъ въ своихъ „Запискахъ“, почти дословно сходятся съ подлинными документами, находящимися въ дѣлѣ его въ Государственномъ Архивѣ. Въ нихъ онъ даетъ тѣ-же указанія на предложеніе, сдѣланное кн. Федоромъ Шаховскимъ въ 1817 или 1818 г., — вступить въ литературно-благотворительное общество, на участіе въ Масонскихъ ложахъ, на знакомства съ инкриминированными лицами. Въ первомъ письменномъ показаніи онъ говоритъ, однако, еще, что „смыкаль о какомъ-то обществѣ Зеленої Лампы“, но не помнить, отъ кого²⁾). Это, несомнѣнно, было именно то общество, которое известно по участію въ немъ Пушкина³⁾.

Изъ друзей Зубкова только одинъ Пущинъ, какъ настоящій членъ Общества, пострадалъ тяжко; другіе отѣлались значительно легче: Кашкинъ поплатился высылкою въ Архангельскъ, Горсткинъ — въ Вятку, Колошинъ — въ деревню

1) Госуд. Арх., дѣла о декабристахъ, отд. I В. Въ Алфавитѣ этотъ занесено 572 лица.

2) Гос. Арх., I В., д. Зубкова, № 197, л. 4.

3) Оно обратило на себя вниманіе Слѣдственной Коммиссіи, какъ видно изъ слѣдующей записи въ „Алфавитѣ“ противъ имени камеръ юнкера Никиты Всеволодовича Всеволожского, „основателя“ Зеленої Лампы: „По указанію князя Трубецкаго, Бурцова, Пестеля, Всеволожскій былъ учредителемъ Общества Зеленої Лампы, которому название сіе дано отъ лампы, висѣвшей въ залѣ его дома, где собирались члены, коими (по словамъ Трубецкаго) были: Толстой, Дельвигъ, Родзянка, Барковъ и Улыбашевъ. По изысканію Коммиссіи, оказалось, что предметомъ сего Общества было единственно чтеніе вновь выходящихъ литературныхъ произведеній, и что оно уничтожено еще до 1821 года. Коммиссія, видя, что общество сіе не имѣло никакой политической цѣли, оставила оное безъ вниманія“.

съ запрещениемъ вступать въ службу, Данза съ высидѣль мѣсяцъ на гауптвахтѣ; остальные не попали даже въ „Алфавитъ“, т. е. даже вовсе не привлекались къ слѣдствію.

Тягость заключенія въ крѣпости усугублялась для Зубкова еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время онъ имѣлъ уже свою семью: въ 1823 г. онъ женился на Аннѣ Федоровнѣ Пушкиной.

Анна Федоровна была третьею изъ четырехъ дочерей Федора Алексѣевича Пушкина отъ брака его съ княжною Марьей Ивановной Оболенской и родилась 25-го іюля 1803 г. Она лишилась отца въ раннемъ дѣтствѣ; Федоръ Алексѣевичъ (родной дядя известнаго остряка и театрала Александра Михайловича Пушкина) служилъ въ молодости въ военной службѣ, въ 1800 г. быть Калужскимъ вице-губернаторомъ, затѣмъ въ 1801 — 1803 г., въ чинѣ д. с. совѣтника, быть губернаторомъ въ Воронежѣ и, выйдя въ отставку, скончался 22-го ноября 1810 г., оставивъ женѣ очень скромное состояніе и пятерыхъ дѣтей, изъ коихъ сынъ Иванъ въ 1812 г. быть принятъ въ Пажескій Корпусъ. Семья поселилась въ Москвѣ, около которой у нея было, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, небольшое имѣніе — с. Семеновское. Жить съ подроставшими дочерьми Марья Ивановна было трудно: ей приходилось, что называется, „тянуться“, поддерживая тонъ высшаго общества, къ которому она съ семьей принадлежала; въ 1814 году она уже вывозила двухъ старшихъ дочерей — Екатерину и Елизавету. Такъ, 12-го января 1814 г. Марья Аполлоновна Волкова сообщала своей пріятельницѣ В. И. Ланской: „Нынѣшній годъ очень много начинающихъ выѣзжать въ свѣтъ: двѣ дѣвицы Алмазовы¹⁾, прелесть какія хорошенькия, Пушкина [Елизавета], младшая сестра нашей красавицы [Екатерины], княжна Оболенская, дочь князя Андрея²⁾... Старшую дочь Марью Ивацкову удалось скоро пристроить: Екатерина Федоровна въ іюль того-же года вышла за-мужъ за Петра Дмитріевича Евреинова, двоюроднаго, по матери, брата В. П. Зубкова. Объ этомъ бракѣ находятся любопытныя подробности въ письмахъ той-же М. А. Волковой. „Вчера“, пишетъ она 1-го августа

1) За старшимъ братомъ ихъ, Николаемъ Петровичемъ, была за-мужемъ Авдотья Петровна Зубкова, мать поэта Б. Н. Алмазова, которому П. В. Зубковъ, такимъ образомъ, приходился роднымъ дядей.

2) „Вѣсти. Европы“ 1874 г., № 10, стр. 546.

1814 г., „я ужинала у вдовы Авраама¹⁾ и вернулась домой въ ужасномъ негодованіи, до сихъ поръ не могу успокоиться. Тебѣ известно, что маленькая Пушкина вышла за Евреинова. Прѣхавъ сюда, я узнала, что этотъ провинціалъ никогда не бывалъ въ Москвѣ и явился сюда лишь три мѣсяца тому назадъ, по смерти старого отца; слѣдовательно, человѣкъ онъ не свѣтскій, но, повидимому, порядочный. У него тридцать тысячъ годового дохода. Онъ два раза сватался за Пушкину, сперва она отказалась, потомъ, вѣроатно, подумавъ о грустномъ своемъ положеніи, рѣшилась выдти за него съ цѣлью обеспечить всю свою семью, начиная со старухи-матери. Кажется, въ этомъ поступкѣ ничего не должно быть смѣшного, особенно, для близкихъ ея родственниковъ. Имъ известно, въ какихъ она была тонкихъ обстоятельствахъ, значитъ, скорѣе слѣдуетъ пожалѣть о ней, а не поднимать ее на смѣхъ. Она пожертвовала собой, выйдя за человѣка менѣе ея образованнаго и который не можетъ быть ей парой. Между тѣмъ, представь себѣ, что жена Авраама и ея прекрасный сынокъ весь вечеръ трунили надъ бѣдной женщиной, осмѣшивая ея мужа и всю его родню, прѣбывавшую на свадьбу. Насмѣшкамъ конца не было. Федоръ Голицынъ, который не прочь посмѣяться надъ ближнимъ, принялъ участіе въ шуткахъ, и они хотели на всю гостиную надѣять замужествомъ племянницы хозяйки дома, съ которой обращались, какъ съ дочерью, три мѣсяца тому назадъ. Одна Гагарина молчала. Меня все это возмущало. Старушка, вдова Авраама, настоящая ехидна. Вяземскій²⁾ называетъ ее „Сицилійской отравительницей“, потому, что находить у нея сходство съ восковой куклой, изображавшей эту женщину. Вяземскій отчасти правъ: если старуха физически не отравляетъ людей, за то рѣчи ея пропитаны такимъ ядомъ, который никого не щадить.³⁾ Черезъ нѣсколько писемъ она снова возвращается къ этому же эпизоду: „Мнѣ помнится“, говоритъ она 29-го августа, что я писала тебѣ о свадьбѣ маленькой Пуш-

1) Такъ называетъ она Нат. Абр. Пушкину, вдову сосланнаго въ Сибирь Мих. Алексѣев. Пушкина и мать остряка и театрала Алексея Михайловича.

2) Кон. Петръ Андреевичъ, постоянный посѣтитель этой семьи Пушкиныхъ.

3) „Вѣсты Европы“ 1874, № 12, стр. 640 — 641.

киной, которая выходитъ за молодого Евреинова, прѣхавшаго сюда въ маѣ. Въ Москвѣ его никто не знаетъ, потому что онъ живеть въ провинціи. Онъ увидалъ Пушкину у обѣдни, черезъ нѣсколько дней по прїѣздѣ, влюбился въ нее сразу, нашелъ способъ познакомиться съ ея матерью, сдѣлалъ предложеніе и женился. Все это устроилось очень быстро: когда я бѣжала въ деревню¹⁾, еще не слышно было обѣ этой свадьбы, а черезъ мѣсяцъ объявили, что Пушкина выходитъ за-мужъ. Бѣдной дѣвочкѣ нельзя было быть слишкомъ разборчивой: семья ея была рада-радехонька, что нашелся богатый женихъ, который можетъ обеспечить ее и сестеръ. Этотъ молодой человѣкъ имѣть хорошее состояніе; но, какъ говорять, провинціалъ въ полномъ смыслѣ слова, что такъ потѣшаетъ вдову Пушкину и ея сынка, а по моему, слѣдуетъ пожалѣть о бѣдной дѣвочкѣ²⁾.

Со второй дочерью М. И. Пушкиной, Елизаветой, не обошлось такъ благополучно. Когда матери ея уже, кажется, не было въ живыхъ³⁾, Елизавета Федоровна, жившая у своей тетки, Маріи Сергеевны Карѣ, рожд. княжны Хованской, влюбилась въ крѣпостного ея человѣка Алексея Александровича Штурманова, который, обладая музыкальными способностями, нерѣдко аккомпанировалъ на клавесинахъ Елизаветѣ Федоровнѣ; она бѣжала съ нимъ изъ дома тетки въ сентябрѣ 1816 г., обѣѣчалась и въ 1817 г. жила въ Калугѣ. Кн. П. А. Вяземскій принялъ участіе въ судьбѣ этой четы и, между прочимъ, черезъ А. И. Тургенева, продалъ для Петербургской спбенѣ сдѣланный Алексѣемъ Михайловичемъ Пушкинымъ перевѣдѣ комедіи Реньяра „Игрокъ“⁴⁾. Романическая исторія Штурмановыхъ надѣлала въ Москвѣ большого шума; Е. Ф. Евреинова звала къ себѣ сестру, обѣщаю, „забыть ея поступокъ, если она согласится оставить мужа, но она не поддается обѣщаніямъ лестнымъ, терпитъ нужду и клятвѣ сердца не измѣняетъ“⁵⁾.

1) Въ концѣ маѣ.

2) „Вѣсти. Европы“ 1874 г., № 12 стр. 643 — 644.

3) Въ ноябрѣ 1815 г. она, однако, еще была воспріемницей своей внучки Софии Петр. Евреиновой.

4) „Остафьевскій Архивъ“, т. I, стр. 55, 73 — 74.

5) Письмо Вяземскаго къ Тургеневу 29-го июля 1817 г. — „Ост. Арх.“, т. I, стр. 76 — 77. Нѣкоторыя подробности обѣ этомъ происшествій даютъ

По смерти М. И. Пушкиной, двухъ младшихъ ея дочерей — Анну Федоровну (р. 1803) и Софью Федоровну (р. 1806) взяла къ себѣ на воспитаніе Екатерина Владиміровна Апраксина, жена извѣстнаго въ Москвѣ своимъ широкимъ и открытымъ образомъ жизни Степана Степановича Апраксина и родная сестра князя Д. В. Голицына, Московскаго военнаго генераль-губернатора. Апраксина, у которой было двѣ дочери,¹⁾ и раньше брала къ себѣ въ домъ бѣдныхъ дѣвушекъ, которыхъ воспитывала и выдавала за-мужъ; сироты-Пушкины „были послѣднія изъ молодыхъ дѣвицъ, воспитывавшихся у Апраксиной“²⁾ Анна Федоровна Пушкина, по словамъ Е. П. Яньковой, „была стройна и высока ростомъ, съ прекраснымъ греческимъ профилемъ и черными, какъ смоль, глазами и была очень умна и милая дѣвушка.“³⁾ Съ будущей женой своей Зубковъ, безъ сомнѣнія, познакомился въ домѣ своего двоюроднаго брата Петра Дмитріевича Евреинова (ум. въ іюнѣ 1824 г.), за которымъ, какъ мы говорили, была старшая сестра ея — Екатерина Федоровна. Въ концѣ 1822 года Василій Петровичъ былъ уже женихомъ Анны Федоровны, которой къ этому времени только что исполнилось 19 лѣтъ. Сообщая о Московскихъ новостяхъ, А. Я. Булгаковъ писалъ

Ф. Кристинъ въ письмѣ къ книжнѣй В. Н. Туркестановой изъ Москвы, отъ 30-го сентября 1816 г. („Русск. Арх.“ 1882, кн. III, прил., стр. 412 — 413). Кристинъ ошибочно называетъ адѣсь Елизавету Фед. Пушкину Екатериной.

1) Одна изъ нихъ была уже за-мужемъ (за кн. А. Л. Щербатовымъ), а другая, Наталья, только въ 1821 г. вышла за кн. С. С. Голицына.

2) Д. Благово, Рассказы Бабушки, С.-Пб. 1885, стр. 462.

3) Въ „Разсказахъ Бабушки“ (С.-Пб. 1885, стр. 461 — 462) эти слова отнесены къ Софью Федоровнѣ. Мы решаемся переставить сдѣланнныя Яньковой характеристики сестеръ по слѣдующемъ соображеніемъ: 1) Софья Федоровна была младшая сестра Анны Федоровны, а не старшая, какъ говоритъ Е. П. Янькова, которой память легко могла измѣнить; 2) Н. А. Муханова въ современномъ событиямъ письмѣ (см. ниже) называетъ именно Софью Федоровну „крошкой Пушкиной“, а это слово, никакъ не подходитъ къ понятію „стройной и высокой ростомъ“, прекрасно соотвѣтствуетъ словамъ, опредѣляющимъ Софью Федоровну, какъ „маленькую и субтильную блондинку, точно саксонская куколка“. Память, сохранившъ въ Яньковой воспоминаніе о виѣшности обѣихъ сестеръ, повидимому весьма различныхъ по наружности и характерамъ, легко могла измѣнить старушкѣ, когда она припоминала, которая изъ сестеръ за кѣмъ именно была за мужемъ.

своему брату 18-го декабря 1822 г., что онъ былъ у Сонцова (дяди поэта Пушкина) и „видѣлъ тутъ двухъ невѣсть: княжну Голицыну¹⁾ и Пушкину; обѣ живутъ у Катерины Владимировны Апраксиной. Первая выходитъ за Ухтомскаго, а вторая, бѣдная очень дѣвушка, имѣла счастье понравиться молодому пригожему Зубкову, имѣющему 1500 душъ²⁾; видно, было написано на небѣ; а Варенька Пушкина и многія другія сидѣть въ дѣвкахъ, оттого что слишкомъ разборчивы, и кончаютъ все старыми сенаторами³⁾“).

Свадьба Зубковыхъ состоялась въ 1823 году; жизнь молодыхъ потекла спокойно;⁴⁾ мужъ занятъ былъ службой, а досуги дѣлились между занятіями естественной исторіей, къ которой уже въ это время питалъ большую склонность, свѣтскими развлеченіями и бесѣдами въ кругу друзей на темы общественнаго характера, и только арестъ и послѣдовавшее за нимъ время томительнаго заключенія въ крѣпости выбили супруговъ изъ обыденной колеи. Вернувшись въ Москву оправданнымъ и чистымъ отъ подозрѣній въ неблагонамѣренности, Зубковъ, однако, скоро (14-го октября 1826 г.) вышелъ въ отставку изъ Гражданской Палаты, гдѣ прослужилъ два съ лѣпнимъ года.

Къ сентябрю — октябрю 1826 г. относится знакомство Зубкова съ Пушкинымъ, прѣѣхавшимъ въ Москву изъ Михайловскаго по вызову императора Николая. Знакомство ихъ могло состояться у Веневитиновыхъ, у С. А. Соболевскаго, Погодина, Мухановыхъ, князя П. А. Вяземскаго, съ которыми былъ знакомъ Зубковъ, или, наконецъ, въ одной изъ великосвѣтскихъ гостиныхъ, куда въ это время такъ старались заманивать Пушкина, и гдѣ онъ охотно бывалъ, вы-

1) Марія Дмитріевна, дальняя родственница Е. В. Апраксиной, рожд. кн. Голицыной; она вышла за-мужъ за князя Александра Ивановича Ухтомскаго.

2) У Зубкова были имѣнія въ Любимскомъ и Даниловскомъ уѣздахъ Ярославской губ. и въ Коломенскомъ уѣзде Московской губ.

3) „Русск. Арх.“ 1901, кн. I, стр. 46.

4) Е. П. Янькова говоритъ, что В. П. Зубковъ купилъ около этого-же времени „домъ у гр. Агр. Степ. Толстой, въ Большомъ Толстовскомъ переулкѣ, между Смоленскимъ Рынкомъ и Спасо-Песковскою площадью, домъ деревянный, одноэтажный, предлинный по улицѣ“ („Рассказы Бабушки“, С.-Пб. 1885). Не здѣсь-ли и бывалъ у Зубкова Пушкинъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1826 года?

рвавшись изъ своего заточенія. Въ это же время и Пушкинъ сталъ бывать у Зубкова, къ которому его заранѣе расположила ихъ общая дружба съ Пущинымъ; здѣсь, по свидѣтельству, П. И. Бартенева, Пушкинъ „проводилъ безпрестанно время“¹⁾; онъ близко сошелся съ Зубковымъ, вскорѣ былъ съ нимъ уже „на ты“²⁾ и въ домѣ его познакомился съ его свояченицей Софьеей Федоровной Пушкиной³⁾. Знакомство Пушкина съ Софьеей Федоровной, произведшей на него такое сильное впечатлѣніе, состоялось между 8-мъ сентября и началомъ ноября: уже 9-го ноября, сообщая о своемъ скоромъ возвращеніи въ Москву, онъ писалъ князю Вяземскому: „Долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у Васъ къ 1-му: она вѣдѣла.“ Судя по письму Пушкина къ Зубкову, въ которомъ онъ пишетъ, говоря о Софьеѣ Федоровнѣ: „Я вижу разъ ее въ ложѣ, въ другой на балѣ, а въ третій сватаюсь“, можно судить о неимовѣрной быстротѣ, съ которой возрастаюло его чувство къ красавицѣ; эпизодъ со сватовствомъ Пушкина произошелъ, вѣроятно, незадолго до отѣзда его изъ Москвы. Ко времени второго прїезда туда, во второй половинѣ декабря (есть указаніе, что 22-го декабря онъ, въ квартирѣ Зубкова, написалъ свои стансы: „Въ надеждѣ славы и добра“), нужно отнести окончательную неудачу Пушкина въ его сватовствѣ, на возможность которой Зубковъ, повидимому, указывалъ поэту въ недопшедшихъ до настѣ письмахъ своихъ (о нихъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ Пушкинъ) и которую самъ поэтъ предчувствовалъ, говоря, въ письмѣ къ Соболевскому: „Твои догадки гадки, виды мои гладки“; и дѣйствительно, уже 8-го декабря,

1) „Русск. Арх.“ 1878 г., кн. III, стр. 398.

2) Въ замѣткахъ В. Ф. Щербакова о пребываніи Пушкина въ Москвѣ находится слѣдующая запись, относящаяся къ марта 1827 г.: „Въ субботу на Тверскомъ я въ первый разъ увидѣлъ Пушкина; онъ туда пришелъ съ Корсаковымъ, сѣль съ несколькими знакомыми на скамейку и, когда мимо проходили союзники Гражданской Палаты Зубковъ и Данзасъ, онъ подбѣжалъ къ первому и сказалъ: „Что ты на меня не глядишь? Жить безъ тебя не могу“. Зубковъ попѣловалъ его“. (Соч. Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, т. VIII, С.-Пб. 1905, стр. 111).

3) Въ январѣ 1826 г. Софья Федоровна съ Е. В. Апраксиной, какъ видно изъ Записокъ Зубкова, была въ Петербургѣ, гдѣ у нея былъ Василій Петровичъ (см. ниже).

какъ увидимъ ниже, по Москвѣ говорили объ имѣющей состояться свадьбѣ С. Ф. Пушкиной съ В. А. Панинымъ.

Весьма вѣроятно предположеніе А. Ф. Кони, что именно о С. Ф. Пушкиной говорить Пушкинъ въ стихотвореніи своемъ:

Зачѣмъ безвременную скучу
Зловѣщей (грустію) думою питать....

Тѣмъ болѣе вѣроятно это предположеніе, — вопреки утвержденію Анненкова, будто оно обращено къ Плещееву или Кюхельбекеру (который въ это время былъ уже въ ссылкѣ), — что листокъ съ этимъ стихотвореніемъ, помѣченный 1-мъ ноября 1826 года (передъ отѣзломъ поэта изъ Москвы), сохранился именно въ бумагахъ В. П. Зубкова, которому принадлежалъ, и отъ которого, черезъ С. П. Колошина (сына его пріятеля — П. И. Колошина), въ 1866 году перешелъ въ Чертковскую Библіотеку¹⁾.

Въ стихотвореніи этомъ поэтъ упрекаетъ себя въ малодушіи передъ „зловѣщію думой“, которою онъ „питаетъ безвременную (т. е. преждевременную) скучу“, ожидая „въ унынѣ робкомъ“ „неизбѣжную разлуку“, т. е. отѣзда своего изъ Москвы. Очевидно, въ это время онъ еще имѣлъ надежды на благосклонность и взаимность покорившей его сердце дѣвушки.

Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что и въ стихотвореніи „Зимняя дорога“, написанномъ, вѣроятно, по пути изъ Михайловскаго въ Москву въ серединѣ декабря 1826 г., поэтъ, подъ именемъ Нины, разумѣеть С. Ф. Пушкину, о свиданіи съ которой не переставалъ мечтать въ Михайловскомъ:

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь, не наглядясь.
Звучно стрѣлка часовая
Мѣряо кругъ свой совершилъ
И; докучныхъ удаляя,
Полночь насть не разлучить.

1) „Русск. Арх.“ 1866, ст. 1172 — 1173 и 1867 г., стр. 817.

Грустно, Нина; путь мой скученъ,
Дремля, смолкнуль мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ...

Здѣсь, подъ поэтической дымкой, ясно проглядываетъ субъективное чувство поэта; настроеніе его, какъ нельзя больше, подходитъ къ обстоятельствамъ мѣста и времени, въ которыхъ онъ тогда находился. Онъ мечтаетъ о свиданіи съ любимой дѣвушкой, къ которой ёдетъ и которую „завтра“ увидить въ кругу „докучныхъ“ (для него) поклонниковъ (среди нихъ, вѣроятно, и Панина); онъ надѣется поговорить съ ней наединѣ, когда разѣдутся гости, а до тѣхъ поръ будеть, „забывшись у камина,“ смотрѣть на нее, „не наглядясь.“

Кто-же такая была С. Ф. Пушкина, внушившая поэту такое живое, горячее чувство? Къ сожалѣнію, мы знаемъ о ней очень немного. Она родилась 21-го апрѣля 1806 года и рано потеряла отца. По смерти матери, т. е., приблизительно, въ 1816—1817 г., ее, какъ и старшую сестру Анну (Зубкову), пріютила у себя Е. В. Араксинъ, и въ ея великосвѣтскомъ домѣ она получила свое воспитаніе, также великосвѣтское. Про наружность ея мы знаемъ¹⁾, что она „была маленькая и субтильная блондинка, точно саксонская куколка, была прехоршенькая, проживая и превеселая, и хоть не имѣла ни той поступи, ни осанки, какъ ея сестра...., но лицомъ была кажется, еще милѣе“.

Въ „Сынѣ Отечества“ за 1825 годъ (ч. 104, № 22, стр. 197—207) мы нашли описание „Праздника въ селѣ Городиѣ“, бывшаго 26-го августа въ имѣніи матери Московскаго Генераль-Губернатора, статсъ-дамы княгини Нат. Петр. Голицыной (известной „Princesse Moustache“), въ 7-ми верстахъ отъ Калуги. Здѣсь, въ числѣ прочихъ свѣтскихъ барышень и кавалеровъ, принимала активное участіе и Софья Федоровна, привезенная на праздникъ своею воспитательницей, Е. В. Араксиной, docherью „Princesse Moustache“ и исполнившая передъ многочисленнымъ обществомъ гостей нѣсколько французскихъ и русскихъ куплетовъ, написанныхъ ad hoc Ф. Ф. Кокошкинымъ,

1) Со словъ Е. П. Яньковой, которыми мы пользуемся *mutatis mutandis* (см. выше, стр. 102).

А. И. Писаревымъ и М. М. Карнолиннымъ-Пинскимъ. Эта страница живо рисуетъ намъ ту среду, въ которой вращалась въ это время С. О. Пушкина: это былъ высшій кругъ Московскаго свѣтскаго общества, въ которомъ Пушкина блистала своей красотой; такъ, Е. А. Сабанѣева въ своихъ „Воспоминаніяхъ“¹⁾ называетъ „Софіи Пушкину“ въ числѣ первыхъ Московскихъ красавицъ середины 1820-хъ годовъ.

Къ предложению поэта и его восторженному поклоненію Софья Федоровна отнеслась, повидимому, равнодушно, да, по свойству своего „преживого и превеселаго нрава“, она врядъ-ли и могла серьезно отнести къ чувству Пушкина, и въ ея къ нему отношенію было простое кокетство (ср. фразу Пушкина: „Она велика“). Поэтому она и отдала предпочтеніе Валеріану Александровичу Панину. 8-го декабря 1826 г. Наталья Александровна Муханова писала сыну своему Александру Алексѣевичу: „Новости здѣшнія — интересныя свадьбы Офросимова Андрея на Катеринѣ Корсаковой²⁾ и малютки Панина на крошки Пушкиной³⁾, — следовательно, свадьба ихъ состоялась въ самомъ началѣ 1827 года.

Такъ окончился эпизодъ сватовства поэта, доселе мало известный и освѣтившійся такъ ярко благодаря найденному А. Ф. Кони письму Пушкина къ Зубкову. Впрочемъ, это увлеченіе его было сильно, но не глубоко: известно, что, почти одновременно, онъ увлекался, въ Москвѣ же, сперва Е. А. Тимашевой, а затѣмъ сестрами Ек. Ник. и Ел. Ник. Киселевыми. Между тѣмъ, слухъ о сватовствѣ Пушкина разнесся и дошелъ до его друзей: такъ, напр., Дельвигъ, писалъ ему въ серединѣ января 1827 г.: „Ты, слышу, хочешь жениться; благословляю, только привози сюда жену познакомиться съ моимъ.“

Что касается четы Паниныхъ, то намъ ничего почти неизвестно о дальнѣйшей ихъ жизни, кроме того, что въ 1847 г. Валеріанъ Александровичъ былъ.... смотрителемъ Московскаго Вдовьяго Дома; затѣмъ онъ состоялъ казначеемъ Россійскаго

1) „Истор. Вѣсты.“ 1900 г., т. LXXXII, № 12, стр. 810.

2) Екатерина Александровна, рожд. Римская-Корсакова; овдовѣвъ послѣ брака съ Офросимовымъ, она вышла за-мужъ за Александра Александровича Алабѣева (Т. П. Пассекъ, Извъ дальніхъ лѣтъ, т. I, стр. 362).

3) Щукинскій Сборникъ, в. IV, М. 1905, стр. 161.

Общества Любителей Садоводства и скончался въ Москвѣ 8-го декабря 1880 г., на 78 году жизни (род. 27-го мая 1803 г.); Софья Федоровна скончалась раньше его—27-го января 1862 г.; погребены они оба въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Возвратимся теперь къ В. П. Зубкову. Выйдя въ отставку, какъ мы сказали, въ 1826 году, онъ провелъ не у дѣла $2\frac{1}{2}$ года и только 6-го мая 1829 г. снова началъ служить, будучи назначенъ, по представлению князя Д. В. Голицына, совѣтникомъ во временную экспедицію 2-го Департамента Московской Палаты Уголовнаго Суда, учрежденную для производства дѣла о преданныхъ, по Высочайшему повелѣнію, суду Палаты разныхъ чиновникахъ Удѣльнаго и другихъ вѣдомствъ за злоупотребленія по удѣльнымъ имѣніямъ. Дѣло это заключало въ себѣ до 12000 листовъ и состояло изъ двухъ слѣдствій, при чёмъ подсудимыхъ и прикосновенныхъ къ дѣлу о злоупотребленіяхъ было болѣе тысячи человѣкъ. Выборъ Зубкова совѣтникомъ во временную экспедицію, учрежденную Комитетомъ Министровъ специально для разсмотрѣнія этого гигантскаго дѣла, по ходатайству князя Голицына, показываетъ, что послѣдній, зная Зубкова по прежней службѣ его въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, цѣнилъ его способности и служебную опытность¹⁾ и вообще продолжалъ относиться къ нему доброжелательно и съ довѣріемъ; Зубковъ бывалъ въ домѣ своего начальника, гдѣ въ 1830 г., 2-го января, на балѣ-маскарадѣ игралъ дuc'a D'Elmar'a²⁾; къ тому же году относятся нѣсколько упоминаній имени Зубкова: такъ, въ марта, въ письмѣ изъ Москвы къ князю Вяземскому, Пушкинъ писалъ: „Наше житѣе-бытье сносно. Даля живъ, Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ—членъ Клуба"³⁾; въ августѣ говорить о свида-

1) Еще въ 1823 г. Зубковъ, по порученію князя Голицына, производилъ, между прочимъ, слѣдствіе о ссорѣ между городничимъ и городскимъ головою г. Верен.

2) „Русск. Арх.“ 1901 г., кн. III, стр. 478.

3) Вероятно Англійскаго. Это послѣднєе упоминаніе имени Зубкова въ перепискѣ Пушкина. Въ 1828 г. онъ поручалъ Соболевскому передать Василію Петровичу 250 р. (В. Я. Брюсовъ, Письма Пушкина и къ Пуш-

ніи съ нимъ М. П. Погодинъ, которому Зубковъ сообщалъ о пребываніи за-границей княгини З. А. Волконской¹), а въ сентябрѣ князь П. А. Вяземскій отмѣтилъ въ своей Записной книжкѣ, что, въ пріѣздѣ свой въ Москву, онъ встрѣтилъ у Яра А. В. Веневитинова и Зубкова²); все это даетъ указанія на образъ жизни и кругъ знакомствъ Василія Петровича въ это время.

Появленіе въ 1830 году въ Москвѣ холеры открыло Зубкову новое поприще дѣятельности: съ 24-го сентября по 2-е ноября 1830 г. онъ былъ помощникомъ начальствовавшаго надъ Якиманской частью сенатора Брозина и завѣдывалъ 2-мъ и 3-мъ ея кварталами, а 2-го ноября былъ назначенъ начальствующимъ надъ Ордынскою холерною больницей и энергично велъ борьбу противъ болѣзни до 19-го ноября 1831 г. По словамъ Погодина, принимавшаго горячее участіе въ дѣятельности холерного комитета и находившаго, что другія, призванные на борьбу съ болѣзнью лица мало и плохо работали, „Зубковъ отличался въ Якиманской Больнице“; онъ даже „заселъ особливую больницу въ части Якиманской“³). Не довольствуясь практическою дѣятельностью, Зубковъ написалъ и издалъ книжку, касающуюся болѣзни, съ которой онъ боролся, а именно — „О незаразительности холеры. Наблюденія, сдѣланныя въ Москвѣ Васильемъ Зубковымъ“ (М., въ тип. А. Семена, 1831, 8°), съ гравированнымъ планомъ Якиманской части, бывшей въ его завѣдываніи. Въ книжкѣ этой, имѣющей 52 страницы и помѣченной, въ концѣ, 6-мъ января 1831 г., Зубковъ говорить о своихъ трудахъ по уходѣ за больными: онъ ежедневно посѣщалъ, одинъ или со своими сотрудниками —

кину, М. 1903, стр. 18). Результатомъ посѣщеній поэтомъ Зубкова было то, что у послѣдняго остались, кромѣ упомянутаго выше автографа стихотворенія „Зачѣмъ безвременную скучу“, еще автографы написаннаго въ это время „Отвѣта х + у“ („Нѣтъ, не черкешенка она“), шестистишия князю П. А. Вяземскому и нѣсколько рисунковъ поэта („Русск. Арх.“ 1866, ст. 317).

1) „Русск. Арх.“ 1882, кн. III, стр. 187.

2) Собр. Соч. кн. Вяземскаго, т. IX, С.-Пб. 1884, стр. 141.

3) „Русск. Арх.“ 1882 г., кн. III, стр. 174. Эта больница была открыта 24-го октября, на Ордынкѣ, въ домѣ Шереметевой (В. П. Зубковъ, „О незаразительности холеры“, стр. 14).

своюкомъ В. А. Панинимъ и Пассекомъ¹⁾)—Якиманскую больницу и частныя квартиры обывателей этого бѣднаго и грязнаго квартала Москвы, не жалѣя себя и не боясь заразить себя и свою семью. Наблюденія надъ больными вскорѣ укрѣпили въ Зубковѣ убѣжденіе, шедшее въ разрѣзъ съ господствовавшимъ въ то время мнѣніемъ, что холера не прилипчива и что она не есть болѣзнь „міазматическая.“ Онъ, на основаніи своего личнаго опыта, пришелъ къ заключенію, что заболѣваніе холерой не является результатомъ одного повѣтря, что она не передается по воздуху; полемизируя съ штабъ-лѣкаремъ Соломономъ, по поводу изданной имъ книги „Замѣчанія о холерѣ, поразившей Астрахань въ іюль 1830 г.“ онъ старается доказать, что болѣзнь эта принадлежитъ къ числу происходящихъ отъ особеннаго состоянія атмосферы,— „отъ измѣненія медицинскихъ свойствъ ея.“ Въ заключеніе онъ совѣтуетъ, въ видѣ предохранительныхъ во время эпидеміи мѣръ, „вести образъ жизни здоровый, остерегаться отъ всякаго излишества и сохранять нравственное спокойствіе, которое во всякое время способствуетъ къ поддержанію тѣлесныхъ силъ.“ Съ другой стороны, причины заболѣванія онъ видѣтъ въ негигіенической обстановкѣ, излишествахъ въ пищѣ и въ ея недоброкачественности, въ отсутствіи теплой и сухой одежды, пьянствѣ, простудѣ и т. под. Какъ видимъ, Зубковъ въ этомъ отношеніи пришелъ къ выводамъ, очень близкимъ къ тѣмъ, къ которымъ пришла и современная намъ наука на основаніи неизвѣстной еще въ тѣ времена бактеріологии.

Въ 1831—1832 гг. Зубковъ выполнилъ нѣсколько служебныхъ коммандировокъ, въ 1834 г. былъ назначенъ и. д. совѣтника во 2-мъ Департаментѣ Московской Палаты Уголов-

1) Это былъ известный Вадимъ Васильевичъ Пассекъ, который „одинъ изъ первыхъ предложилъ себѣ въ распоряженіе холерного комитета и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ действовалъ во все время эпидеміи. Онъ вавѣдалъ въ больницахъ карапеляріей, хозяйственной частью, ухаживалъ за больными; мало того, съ нѣкоторыми изъ медиковъ на себѣ дѣлалъ опыты прилипчивости холеры. Опытъ показалъ, что она не прилипчива. Послѣ этого стали смѣлѣе относиться къ болѣзни, и явилось больше желающихъ помогать въ общественномъ бѣдствіи“ (Т. И. Пасекъ. Изъ дальніхъ лѣтъ, т. I, С.-Пб. 1878, стр. 357—358). За свои труды Пассекъ получилъ чинъ титул. совѣтника, а Зубковъ—Высочайшее благоволеніе и орденъ Владимира 4-й степени.

наго Суда, въ концѣ октября 1835 г. былъ переведенъ, совѣтникомъ-же, въ 1-й Департаментъ, а съ 16-го декабря 1837 по 26-е мая 1838 г. состоять товарищемъ предсѣдателя той-же Палаты. Живя все время въ Москвѣ, Зубковъ продолжалъ вращаться въ томъ-же кружкѣ, чѣмъ и раньше. Онъ бывалъ у Погодина, князя П. А. Вяземскаго¹⁾, М. А. Дмитріева²⁾; изъ прежнихъ своихъ друзей поддерживалъ отношенія съ Б. К. Данзасомъ³⁾, А. П. Бакунинымъ и др., внимательно слѣдилъ за изящной и научной литературой⁴⁾, а досуги свои, по-прежнему, посвящалъ естественнымъ наукамъ, которыми особенно сталъ увлекаться съ 1823 г. Еще въ 1824 году онъ вступилъ въ недавно передъ тѣмъ открытое Московское Общество Сельского хозяйства⁵⁾, весьма дѣятельное въ ту пору, а затѣмъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены состоявшаго при Университетѣ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы и принималъ участіе въ его трудахъ. Такъ, напр., въ отчетѣ о публичномъ ординарномъ засѣданіи этого Общества, происходившемъ 22-го декабря 1828 г., В. П. Зубковъ читалъ на французскомъ языкѣ описаніе новооткрытыхъ имъ Сибирскихъ насекомыхъ: новаго рода — *Odontoschemia Fischeri* и новыхъ видовъ — *Blethisa Eschscholtzii*, *Cetonia Karelini* и *Saperda Quadripunctata*⁶⁾. Въ журналахъ этого Общества — „Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou“ — Зубковъ напечаталъ четыре статьи по энтомологіи: въ 1829 г. — „Notice sur un nouveau genre et quelques nouvelles espèces de Coléoptères“ (о 17 видахъ)⁷⁾ и „Catalogue des Coléoptères pris par Mr. Karélin dans les Steppes des Kir-

1) „Остафьевский Архивъ“, т. III, стр. 273.

2) Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина“, т. IV, стр. 18.

3) Тамъ-же.

4) „Изъ Москвы Павловъ и Зубковъ извѣщали моего отца обо всемъ, что появлялось въ литературѣ Русской и иностранной, пересыпали ему выходящія книги“; такъ говорить Б. Н. Чичеринъ (въ бумагахъ котораго найдено письмо Зубкова къ Пушкину) въ своихъ Воспоминаніяхъ („Русск. Арх.“ 1890, кн. I, стр. 517).

5) С. А. Масловъ, Историч. обозрѣніе Импер. Моск. Общ. Сельского хозяйства, М. 1846, прилож., стр. 262.

6) „Моск. Вѣdom.“ 2-го февраля 1829 г., № 10, стр. 443.

7) „Bulletin“ 1829, т. I, р. 147—168, съ двумя табл.; перепечатано въ Парижскомъ изданіи „Bulletin“, сдѣланномъ Lequien, т. I, р. 29—44 и въ „Bulletin“ Féruissac'a 1830, т. I, р. 152—154.

guises, entre le Volga et l'Oural"¹), въ 1833 г.— „Nouveaux Coléoptères récueillis en Turcménie"² (55 видовъ)³) и въ 1837 г.— „Description de quelques Coléoptères nouveaux"⁴). По словамъ П. И. Бартенева (который, кстати, называетъ Зубкова „замѣтнымъ лицомъ въ тогдашнемъ, т.-е. конца 1820-хъ гг., Московскомъ обществѣ“ и „человѣкомъ образованнымъ“), въ энтомологіи известенъ даже жукъ его имени — „Carabus Zubkoffii"⁴).

Въ 1838 г. Зубковъ задумалъ перенѣтить родъ службы: онъ опредѣлился директоромъ Ярославскаго Демидовскаго Лицей и директоромъ училищъ всей Ярославской губерніи, но въ должности этой пробылъ всего полъ-года — съ 7-го іюля по 15-е декабря⁵), послѣ чего, 27-го іюня 1839 г., назначенъ былъ за оберъ-прокурорскій столъ во 2-е отдѣленіе 6-го (уголовнаго) Департамента Сената, въ Москвѣ, а 28-го апрѣля 1842 г. перешелъ, въ томъ же званіи, въ 8-й Департаментъ, при чёмъ нѣсколько разъ, въ 1841—1844 гг., исправляя должность оберъ-прокурора въ 6-мъ и 7-мъ (гражданскихъ) Департаментахъ Сената. Произведенный въ д. с. совѣтники (3-го іюля 1843 г.), Зубковъ 8-го іюля 1845 г. былъ опредѣленъ оберъ-прокуроромъ 8-го Департамента, а 1-го марта 1850 г.— назначенъ на то-же мѣсто въ Общее Собраніе Московскихъ Департаментовъ Сената, гдѣ уже раньше работалъ за болѣзнью оберъ-прокурора М. А. Дмитріева — литератора и старого своего знакомца. Ко времени службы Зубкова въ Московскомъ Сенатѣ относятся любопытныя воспоминанія о немъ К. П. Побѣдоносцева, прослужившаго въ 8-мъ Департаментѣ около двухъ лѣтъ (въ 1846—1848 гг.) подъ начальствомъ

1) тамъ-же 1829, т. I, р. 169—170.

2) тамъ-же 1833, т. VI, р. 310—340, перепечатано въ изданіи Lequien, т. I, р. 297—392.

3) тамъ-же 1837, т. X, № 5, р. 59—72, съ 2 табл.; перепечатано въ „Recueiie Zoologique“, Paris, 1840, т. III, р. 149. Указаніемъ на эти работы Зубкова мы обязаны зоологу Зоологическаго Музея Академіи Наукъ Г. Г. Якобсону, по словамъ котораго имя Зубкова до сихъ поръ не забыто русскими энтомологами.

4) „Русск. Арх.“ 1878 г., кн. III, стр. 398 и 1904 г., кн. I, стр. 305. Название это дано было Georg'омъ Dahl († 1832). Теперь этотъ жукъ называется *Carabus Alyssidotus* (сообщ. Г. Г. Якобсонъ).

5) Формуляръ; И. М. Звонниковъ, Историч. Записка о Яросл. Гимназіи, Яросл. 1881, стр. 14 и 42 и брошюра Головщикова: Черты жизни и дѣят. Ярослав. Демид. Училища, Яросл. 1869, стр. 48.

Василія Петровича; послѣдній тогда задался цѣлью освѣжить составъ своей Канцеляріи привлеченіемъ къ работѣ молодыхъ юристовъ, воспитавшихся „въ новомъ духѣ служебной правды“. „Главною мыслью В. П. Зубкова“, пишетъ г. Побѣдоносцевъ, „было обновленіе застарѣвшей въ приказномъ обычай канцеляріи Департамента. Главную силу ея составляли старые оберъ-секретари, умные и опытные знатоки старыхъ указовъ и дѣлъ; но трудно было полагаться на честность пріемовъ ихъ практики. Однако, въ ихъ рукахъ находилась участъ каждого дѣла. Присутствіе состояло изъ сенаторовъ, заслуженныхъ генера-ловъ военной и гражданской службы, людей мало искусныхъ въ юридическихъ тонкостахъ, и потому докладомъ канцеляріи почти всегда рѣшалось дѣло. Этую крѣпость В. П. Зубковъ задумалъ разбивать съ помощью новыхъ элементовъ.... Затѣмъ явились новобранцы изъ правовѣдовъ, и ими-то оберъ-прокуроръ началъ орудовать, не трогая съ мѣста никого изъ старыхъ опытныхъ дѣльцовъ. Выбирая способѣйшихъ молодыхъ людей и подготовляя ихъ мало-по-малу къ секретарской должности, онъ обставлялъ ими старыхъ оберъ-секретарей, подъ своимъ руководствомъ; такъ что на докладѣ, за которымъ внимательно слѣдилъ оберъ-прокуроръ, молодой докладчикъ могъ всегда уравновѣшивать невѣрное внушеніе своего оберъ-секретаря. По той же системѣ, когда вырывали подъ руководствомъ Зубкова оберъ-секретари изъ молодыхъ, онъ присоединилъ къ нимъ секретарей изъ старыхъ дѣльцовъ. Такъ, мало-по-малу перерабатывался составъ канцеляріи, безъ обидъ и потрясеній: старые дѣльцы доживали вѣкъ на мѣстахъ своихъ и нерѣдко служили своими совѣтами молодымъ, обращавшимся къ ихъ опытности въ дѣлахъ прежняго времени.... Служба Зубкова въ Москвѣ въ постоянномъ общеніи съ Московскимъ обществомъ и съ товариществомъ компаний архивныхъ юношей (Пушкинымъ, Вяземскимъ, Одоевскимъ и пр.) дала ему способъ расширить и усовершить свое образованіе, такъ что въ 1840-хъ годахъ онъ считался въ Москвѣ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей между начальниками отдѣльныхъ вѣдомствъ. Общеніе съ такимъ человѣкомъ по службѣ не могло не быть благодѣтельно для развитія молодыхъ людей, начинавшихъ въ Сенатѣ свою служебную дѣятельность. Зная прекрасно французскій и немецкій языки, Зубковъ слѣдилъ постоянно за литературой, много читалъ, и бесѣда его была всегда

пріятна и поучительна для молодежи. Домъ его, въ одномъ изъ переулковъ Смоленского рынка¹⁾, близко былъ знакомъ додѣшнему обществу: здѣсь, на танцевальныхъ вечерахъ, можно было видѣть всѣхъ Московскихъ красавицъ того времени (двѣ дочери самого Зубкова, А. Бѣгичева, Юлія Давыдова, Лидія и Александра Ховрини, Лужина, Акинеова, двѣ Поливановы²⁾). У Зубкова, пишетъ далѣе г. Побѣдоносцевъ, въ 1848—1849 гг. читали они газету „La Presse“ съ интересовавшими всѣхъ статьями Э. Жирардена; „у него-же.... увидѣли мы прославленныя сочиненія того времени, считавшіяся запрещенными, но возбуждавшія общій интересъ (Луи-Блан, Прудона, Фурье, Ламартина, Исторію Жирондистовъ и пр.). Немногіе изъ этой молодой компаніи товарищей-правовѣдовъ остались въ живыхъ, но оставшіеся не могутъ не вспомнить съ благодарностью о В. П. Зубковѣ. Шишуцій эти строки проводилъ немало пріятныхъ вечеровъ въ его кабинетѣ, гдѣ онъ разсказывалъ намъ много о дѣлахъ и людахъ прежнаго и новаго времени, показывалъ новыя полученные имъ книги, объяснялъ чудеса микроскопа, стоявшаго всегда на рабочемъ столѣ его. Тутъ случалось встрѣчать у него иѣкоторыхъ его пріятелей, большую частью интересныхъ и умныхъ людей“²⁾.

Въ 1851 году (2-го октября) В. П. Зубковъ былъ переведенъ оберъ-прокуроромъ въ 1-й Департаментъ Сената (на мѣсто своего пріятеля Б. К. Данзаса), въ Петербургъ, при чемъ ему поручены были въ завѣдываніе Сенатскіе: Архивъ, Типографія, Казначейство, Школа писарей Министерства Юстиціи, Канцелярія первыхъ трехъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи и предсѣдательство въ Хозайственномъ Комитетѣ при Сенатѣ; съ 1853 г. онъ завѣдывалъ дѣлами Общаго Собрания 4-го, 5-го и Межевого Департаментовъ и, награжденный въ 1854 г. орденомъ Владимира 2-й степени, 8-го января 1855 г. былъ пожалованъ въ званіе сенатора, съ производствомъ въ тайные совѣтники и съ назначеніемъ къ присутствованію въ Департаментъ Герольдіи; однако, тажкая болѣзнь заставила его просить объ отставкѣ, которую онъ и получилъ 19-го мая того-же 1855 года.

1) см. выше, стр. 108.

2) „Русск. Арх.“ 1904 г., № 2, стр. 801—805.

12-го апрѣля 1862 г. В. П. Зубковъ скончался въ Москвѣ, въ своемъ старомъ дому; погребенъ онъ въ Донскомъ Монастырѣ, рядомъ съ своими родителями и родственниками.

Т. Б. Сѣмечкина, дочь неоднократно упоминавшагося выше товарища Зубкова, Б. К. Данаса, часто видѣвшая Василія Петровича въ послѣдніе годы его жизни у своего отца въ Петербургѣ, свидѣтельствуетъ, что онъ былъ вообще человѣкъ веселаго нрава; въ разговорѣ его было много юмора, онъ шутилъ съ дѣтьми, которые его очень любили, и всегда, являлся желаннымъ гостемъ. Говоря о женѣ Зубкова, Аннѣ Федоровнѣ, Татьяна Борисовна высказываетъ предположеніе, что „она, должно быть, была красавицей въ молодости, такъ какъ черты ея это ясно выказывали, и, кажется, она сама не могла примириться съ наступившею старостью; насколько я ее помню, это была молодящаяся старушка, нарумяненная, всегда нарядная и любившая гулять пѣшкомъ по Невскому со своей собачкой-москвой.“ Анна Федоровна на много пережила своего мужа: она скончалась въ Петербургѣ 15-го марта 1889 г. и погребена на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

У Зубковыхъ было нѣсколько дѣтей, изъ коихъ достигли зрѣлаго возраста двѣ дочери (о нихъ упоминается въ указанныхъ воспоминаніяхъ своихъ г. Побѣдоносцевъ, какъ обѣ известныхъ Московскихъ красавицѣ): Ольга (род. 25-го марта 1825 г.), бывшая за-мужемъ за генераль-маюромъ Вячеславомъ Дмитріевичемъ Евреиновымъ, и Пелагея (род. 5-го июля 1827 г.), также бывшая въ замужествѣ, и сынъ Владимиrъ (род. 17-го июля 1828 г.), служившій сперва въ Сенатской Типографіи, затѣмъ — въ Департаментѣ Герольдіи и (1860 г.) въ Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Свои Записки В. П. Зубковъ написалъ въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ освобожденія изъ крѣпости, — еще до окончанія процесса декабристовъ, завершившагося казнью пятерыхъ изъ нихъ 13-го июля 1826 года. Къ нимъ онъ приложилъ пять рисунковъ: 1) планъ части Петропавловской крѣпости, въ которой находился его казематъ, 2) планъ и внутренній видъ самого каземата, 3) планъ Адмиралтейства и Зимнаго Дворца съ указаніемъ комнаты, въ которую онъ былъ помѣщенъ до перевода въ крѣпость, 4) видъ комнаты, въ которой засѣдалъ Комитетъ, и 5) планъ квартиры коменданта, въ которой про-

исходили засѣданія Комитета; прилагаемъ воспроизведеніе 2-го, 4-го и 5-го рисунковъ.

Приложенный при семъ портретъ Зубкова воспроизведенъ по фотографіи съ оригинала, хранящагося у Т. Б. Сѣмечкиной¹⁾, которой приносимъ нашу искреннюю благодарность за его доставленіе.

Б. Модзалевскій.

Павловскъ, 30-го марта 1906.

1) Онъ былъ уже воспроизведенъ, но въ уменьшенномъ видѣ, въ „Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Импер. Академіи Наукъ“ изд. въ 1889 г. (табл. 83). На Московской Пушкинской выставкѣ былъ другой портретъ Зубкова, литографированный въ Москвѣ у Роппольта, по рисунку Челегрини („Каталогъ“ выставки, № 23). Въ „Подробномъ словарѣ русск. гравир. портретовъ“ Д. А. Ровинского (т. I, С.-Пб. 1889, ст. 831) указанъ гравированный физіонатрасомъ у Бушарди въ Парижѣ портретъ Дмитрія Петровича Зубкова. Не есть-ли это также портретъ *Василія Петровича*, сдѣланный въ 1820—1821 г., когда онъ былъ въ Парижѣ?

Récit da ma détention
à la forteresse de St.-Pétersbourg.

1826. A St.-Pétersbourg.

On apprit à Moscou l'événement du 14 Décembre par l'arrivée du général Komarovsky¹⁾. Le premier jour on ne crut pas que tout était fini; on disoit qu'il y avoit eu une révolte, qu'on avoit tiré les canons et ensuite les uns ajoutaient que tout étoit rentré dans l'ordre, les autres que toute la garde étoit en insurrection.

La journée du 14 Décembre fut suivie de nombreuses arrestations. Elles commençaient à Moscou vers le 20. Nous apprimes d'abord celle de Michel Orloff²⁾ et de Nikita Mouravieff³⁾ qu'on avoit été prendre dans sa terre. Ensuite furent arrêtés les chevalier-garde Svinine⁴⁾ et Kologrivoff⁵⁾, puis Kolochine⁶⁾ et Semenoff⁷⁾ et le lendemain Michel Narichkin⁸⁾ et Stengel⁹⁾. On disoit à Moscou que le général Raevsky¹⁰⁾ avoit été pris et que lui, Nikita Mouravieff et Orloff étoient les chefs de la conspiration. A cette occasion quelqu'un qui avoit été aide de camp de Raevsky et qui avoit son portrait dans son cabinet écrivit dessous: „traître“ et le fit mettre dans la cave!

Le 8 Janvier Danzass¹¹⁾ vint me dire qu'on venoit d'enlever Kachkine¹²⁾. Cette nouvelle anéantit l'espérance que j'avois eue de ne pas être inquiété. Kachkine m'avoit dit

plusieurs fois qu'il n'avoit jamais appartenu à aucune société secrète; j'attribuais donc son arrestation à ses liaisons avec plusieurs personnes gravement compromises et par conséquent je devois m'attendre à éprouver le même sort. Je ne pensais plus qu'à préparer ma famille à mon futur voyage. Je parvins à faire envisager cet événement comme étant fort heureux en ce qu'il me procureroit l'occasion de me justifier entièrement aux yeux du public (on tenoit beaucoup à cela); car mes ennemis n'avoient pas manqué de répandre le bruit que j'étois aussi un conspirateur. Persuadé de mon innocence, j'étois sûr d'être libéré aussitôt après mon interrogatoire ou après être resté quelques jours au corps de garde*); je craignois seulement que le voyage ne fit du tort à ma santé, car j'étois convalescent d'une maladie nerveuse. Le soir je rentrais dans mon cabinet et je préparais une lettre adressée à ma femme¹³) pour lui être remise par la Princesse Dmitri¹⁴) quinze jours après mon départ. Cette lettre venue soit disant de Pétersbourg devoit la tranquilliser sur mon sort. Kolochine avoit fait la même chose. Je m'endormis tranquillement. A minuit je fus réveillé par mon domestique qui me remit un billet de D...¹⁵) „Mon cher ami, m'écrivoit-il, il faut vous préparer à partir demain matin, et moi aussi je pars“. A l'instant je quittais le lit et j'envoyais mon domestique chez le Prince T...¹⁶) pour lui demander sa pelisse**).

*) On croyoit alors fermement à Moscou que toutes les personnes qu'on amenoit à Pétersbourg étoient mises au corps de garde et non à la forteresse et je croyais revoir peut être Kolochine, Semenoff, Kachkine et je ne pensais pas sans plaisir à passer quelque temps avec eux dans le même endroit.

**) J'ai appris qu'après mon départ les parents de la femme de Tcherk. lui avoient reproché d'avoir fait cette imprudence, mais il leurs objecta, que m'ayant donné sa pelisse quand je n'étois pas encore reconnu coupable, cela ne pouvoit point le compromettre; qu'en contrepartie, s'il étoit arrêté et si on lui demandoit, comment il osoit me donner sa pelisse, cela prouveroit qu'il me croyait innocent et que par conséquent il n'avoit jamais compris avec moi!!! Car enfin s'il m'avoit connu pour conspirateur, il ne m'auroit pas donné sa pelisse.

En attendant je plaçais dans un portemanteau quelque linge, une pipe, du tabac, un frac etc. Je voulus ensuite me rendormir, mais cela me fut impossible: j'étois fort agité. Vers le matin je pris gaiement mon parti et, pensant toujours à mon innocence, je ne fus même pas fâché de faire un petit voyage qui me distrairoit et me procureroit le plaisir de voir mes anciennes connoissances de Pétersbourg.

Le 9 à 8 heures du matin j'annonçais mon départ à ma famille et grâce à Dieu tout se passa au mieux. A 9 heures je reçus un billet qu'on me dit venir de la part de Pierre Mouchanoff¹⁷⁾; c'étoit une invitation fort polie du Grand Maître de Police de me rendre de suite chez lui. Comme tous mes paquets étoient prêts, je fis mes adieux à ma famille et j'allais chez Choulguine¹⁸⁾. Il m'annonça qu'il avoit l'ordre de m'expédier pour Pétersbourg et me dit de retourner chez moi et de lui apporter mes papiers. Je revins donc à la maison; je fis de nouveaux adieux à ma famille et j'apportais au Général de Police un portefeuille contenant mes papiers. Ce brave homme me dit qu'il en avoit agi ainsi avec moi pour ne pas effrayer ma femme et me pria de garder là-dessus le secret*).

Après m'avoir laissé environ une heure dans sa chambre de toilette, il vint me dire que tout étoit prêt, m'embrassa et me remit, moi et mes papiers, entre les mains d'un officier de police à figure rébarbative.

Nous descendîmes un escalier dérobé et nous nous mêmes dans un traîneau couvert attelé de 3 bons chevaux qui prirent de suite le galop. Pendant que mon conducteur

*) Le Prince Dmitri¹⁹⁾ a eu une conduite bien belle dans ces malheureux temps. Il avoit fait acheter plusieurs pelisses et des bottes chaudes qu'il donnoit à ceux qui n'en avoient point lorsqu'on les amenoit chez lui. Il a donné à Семеновъ²⁰⁾ 500 Roub. Si nous avions eu un autre Général-Gouverneur, il est probable que les arrestations se seroient faites avec moins d'humanité. Cependant Обресковъ²¹⁾ et Ravinsky²²⁾ se sont oubliés quelquefois, comme, par exemple, avec Семеновъ et Зыловъ²³⁾.

visoit son passeport à la barrière, je fis mes adieux au Prince Val. Chakoffskoye²⁴⁾ qui entroit dans la ville et qui ne fut pas peu étonné de me voir.

Après avoir fait silencieusement quelques verstes, j'entamais la conversation avec mon conducteur. J'appris qu'il étoit l'officier de police de la Stretenka et quand je lui eus dit mon nom, il m'apprit qu'il avoit été paysan de mon père²⁵⁾ et qu'il connoissoit beaucoup mon frère²⁶⁾. Il me dit qu'il n'oublioit jamais son premier état et me pria de le considérer comme un serviteur dévoué. A la première station je lui proposais de déjeuner. Je vis en entrant dans l'auberge le Comte Georges Tolstoy²⁷⁾ avec son frère cadet²⁸⁾ qui alloient rejoindre leurs postes. Nous fûmes fort étonnés de nous voir; je pensais d'abord que ces Messieurs étoient aussi arrêtés. Nous commençions à diner lorsque nous vîmes entrer Pierre Mouchanoff¹⁷⁾ suivi d'un feldjäger (Заварзасъ) qui le conduisoit à Pétersbourg.

A la seconde station nous montions en traîneau, quand je vis arriver le Général M. Fon-Viesen²⁹⁾ qui avoit le même sort et qui venoit de sa terre où on l'avoit saisi*).

A Klin je l'abordais et nous fîmes connaissance pendant quelques instants. Bientôt nous ratrappâmes Danzass¹¹⁾. Cette nuit et le lendemain le 10 nous nous arrêtons tous les trois aux mêmes stations pour prendre ensemble le thé et nos repas. A Torjok Mouchanoff pris les devants et nous ne l'avons plus revu. A une station, à quelques verstes avant Novgorod nos conducteurs eurent une conférence secrète, dans laquelle ils décidèrent que nous devions nous séparer, et nous partîmes l'un après l'autre avec des intervalles d'une

*) A une station Mouchanoff me croyant probablement de la société me dit qu'il ne falloit rien avouer. A une autre il nous dit qu'Alexandre Bestougeff³⁰⁾ avoit dit à l'Empereur: „ce qui est semé, produira“. Fon-Viesen lui tourna le dos, et Mouchanoff, en souriant, me dit: „Voyez, ce coquin de Fon-Viesen qui se retourne et fait semblant de ne rien savoir!“

heure entre chaque départ. Je partis le dernier. Depuis Moscou mon conducteur à chaque poste arrosoit son estomac de quelques verres d'*yerofutch* et il finit par être tout-à-fait soûl à Poméranie, où je fus obligé de le laisser dormir pendant une heure et demie: il ne pouvoit plus marcher.

Dans la nuit du 10 Fon-Viesen qui avoit très froid dans son traîneau découvert et qui souffroit beaucoup d'une blessure au pied qui s'étoit rouverte obtint de son feldjäger de faire une station dans mon kibitka. Mon conducteur se mit avec le sien, et Fon-Viesen se plaça dans mon équipage. Je lui appris que Grabbe³¹⁾ avoit été pris; il me demanda si Jakouchkine³²⁾ l'étoit; je lui dis que non. A la station suivante il trouva dans le livre de la poste qu'un feldjäger avoit passé pour aller à Smolensk, il me dit que c'étoit probablement pour arrêter Jakouchkine et parut fort inquiet. Il me dit qu'il croyoit du devoir d'un honnête homme de ne pas cacher ses opinions, qu'il s'étoit occupé de politique comme théorie, mais qu'il n'avoit jamais pensé aux applications. „Ha! dit-il, je donnerois beaucoup pour être dans une semaine à cette même station, retournant auprès de ma femme!”³³⁾

Pendant la route on faisoit peu attention à nous. Je n'ai vu sur aucune figure l'expression de la pitié ou de l'étonnement; à une poste seulement trois vieilles femmes assez bien vêtues en mantelets noires me reconduisirent à mon traîneau, en me chargeant de bénédictions à voix basse.

Les feldjäger reçoivent l'argent de poste pour 3 chevaux, et n'en payent que 2. C'est un sacrifice que font les postillons pour ne pas être trop rossés en chemin. Mon conducteur avoit donné ses bottes chaudes au Général Fon-Viesen qui n'en avoit pas. Il les remplaçoit à chaque station, en se couvrant les pieds avec la touloupe du postillon qui étoit donc obligé de faire la route sans fourrure. L'un de ces postillons ne voulut pas faire ce sacrifice malgré les menaces

du conducteur qui dans le village n'osoit pas en venir aux coups. Mais aussi pendant tout le chemin il ne cessa de le rosse et le fit aller si vite qu'un cheval creva. Dans ce cas le Gouvernement paye 250 R. au propriétaire, mais je pense qu'une grande partie de cet argent reste entre les mains de ceux qui sont chargés de le délivrer. Les feldjäger ne reçoivent que 600 R. d'appointement par an et un habit complet. Comme ils sont continuellement en voyage, l'argent de poste pour un cheval qu'ils gardent, fait au bout de l'année une somme considérable. Ceux que j'ai vus sont en général très polis.

Nous entrâmes dans Pétersbourg le 11 à 8 heures du soir*).

A la barrière on nous donna un cosaque qui nous escorta jusqu'au logement du général de service. En entrant dans sa Chancellerie je vis le général Fon-Viesen²⁹⁾ qui me montra Danzass¹¹⁾ endormi sur une chaise. Le général Patapoff³⁵⁾ étoit à la forteresse; on nous pria d'attendre. Nous fîmes chercher à l'auberge du thé; mais au moment où nous voulions le prendre, on vint chercher Danzass. Je m'endormis un moment sur un sopha. En m'éveillant je vis le Prince Ouroussoff³⁶⁾, aide-de-camp du général Kisseleff, qui venoit d'amener un aide-de-camp Chichkoff³⁷⁾. Quelques instants après on nous ordonna de partir. Je fis mes adieux à Fon-Viesen et je suivis mon conducteur et Ouroussoff avec son prison-

*) Je n'ai pas besoin de dire que je n'ai pas fait mon voyage très commodément. A chaque poste j'obtenois, il est vrai, un traîneau couvert; mais ordinairement l'ouverture en étoit si étroite et si basse, que nous ne pouvions pas rester couchés tous les deux, et mon conducteur se tenoit debout; cela m'incommodeoit beaucoup. Quand le kibitka lui permettoit de se coucher à côté de moi,-autre désagrément: il puoit horriblement l'eau de vie et j'étois obligé de respirer dans cette atmosphère spiritueuse. Pour éviter cette odeur je finis par prendre un traîneau découvert.—Danzass avoit un bon kibitka du Prince Galitzine¹⁴⁾, Fon-Visen étoit en traîneau découvert. Pendant les deux nuits que j'ai été en route, j'ai à peine dormi 2 heures. En passant par la Gorochovka, je vis de la lumière chez Andrieux³⁴⁾.

nier d'abord dans la chancellerie du commandant et ensuite dans le grand Corps de garde au Palais. Je crus que la chambre des officiers étoit celle qu'on m'avoit destinée. Je fus fâché de ne pas y voir d'autres détenus. Je m'établis sur un mauvais divan, sur lequel je croyois passer la nuit et je me disposois à allumer ma pipe, lorsque le colonel de service me dit qu'il étoit défendu de fumer et que je serais de suite transféré dans une autre chambre. Il me dit qu'on alloit enlever tous mes effets et mon argent et me conseilla de changer de linge. Je profitais de son conseil et je passais dans une petite chambre, où je mis du linge propre. Je tirais 100 R. de mon portefeuille et je les plaçais entre l'étoffe et la doublure de mon gilet, pensant que cet argent pourroit peut-être me devenir utile. Ensuite on me prit ma montre, mon argent etc. On voulut faire une liste de tout ce que contenoit mon portemanteau, mais j'obtins la grâce de le faire simplement ficeler et cacheter; l'autre opération auroit sans doute duré une heure.

Aussitôt après un officier me conduisit à travers un vestibule dans une grande chambre, éclairée par une seule chandelle. Un bas-officier me conduisit auprès d'une chaise et me dit de me mettre là et de me coucher par terre si je voulois dormir. Il me défendit de parler avec qui que cela soit. Je vis sur un divan un fort bel homme endormi, dont je n'ai pas pu savoir le nom*).

Tous les meubles de cette chambre consistoient en ce mauvais divan sans coussin, une table et une chaise. Je fus donc obligé de coucher par terre sur ma pelisse. Comme j'étois horriblement fatigué de la route, je dormis un peu. Le lendemain matin je trouvois mon compagnon d'infortune éveillé. Il paroissoit très gai; nous fîmes quelques gestes qui ne furent pas compris ni par l'un, ni par l'autre.

*.) Потомъ приписано: „Podgio cadet.“ ss).

Cette chambre se trouve dans le palais, au rez-de-chaussé, vis-à-vis l'Amirauté. Elle est à deux fenêtres de deux vitres chacune. Devant chaque fenêtre se trouvoit une sentinelle qui ne permettoit pas d'en approcher. Il y avoit deux sentinelles à la porte.

A midi on vint prendre mon compagnon, et je ne l'ai plus revu; j'ai seulement appris que c'étoit un colonel, probablement en retraite, car il portoit l'habit bourgeois. Resté seul je me hazardois à parler avec les sentinelles. L'une d'elles me dit que les premiers jours ceux qu'on mettoit dans cette chambre étoient obligés de rester tout le temps assis sur une chaise sans se lever.

A 2 heures on m'apporta à manger une assiette d'assez bon *uuu*, du beuf grillé découpé en petits morceaux et deux morceaux de pain,—l'un blanc, l'autre bis. Il n'y avoit ni couteau, ni fourchette.

Toutes les fois que je voulois aller dans les latrines, deux sentinelles,—l'une devant, l'autre derrière moi m'accompagnoient le sabre nu. Vingt personnes à la fois font leur besoin dans des ouvertures pratiqués dans une longue planche. C'étoit fort plaisant et fort sale.

Enfin vers les 9 heures un feldjäger vint me prendre et me conduisit dans son traineau chez l'Empereur dans l'Hermitage. J'arrivois d'abord dans une petite antichambre, où l'on m'offrit une chaise. Plusieurs valets en habits de deuil s'entretenoient debout. Un seul habillé à la militaire s'asseyoit de temps en temps en me lançant des regards de mépris. Au bout d'une demi-heure on m'appela dans la chambre à côté où je trouvois le général Levacheff³⁹) qui me fit entrer dans une grande salle remplie de tableaux. Il s'assit à une petite table couverte de papiers et me dit de prendre place. Il me dit:

„Vos liaisons intimes avec les plus zélés membres de la société secrète et bien plus que cela—les dépositions

faites contre vous prouvent que vous êtes vous-même membre de cette société; ainsi je vous prie de me dire tout ce que vous savez à ce sujet.“

Je lui répondis que je n'avois jamais appartenu à aucune société secrète.

„Et pouvez-vous“, me dit-il, „soutenir une confrontation avec vos accusateurs, par exemple avec Pouchchine⁴⁰), Kolochine⁶), Semenoff⁷), Kachkine¹²)?“

Je lui répondis que oui et lui fis la déposition suivante qu'il mit par écrit:

„L'année 1817 ou 1818 je ne m'en souviens pas précisément, le Prince Théodore Chakofskoye⁴¹) me proposa d'entrer dans une société dont je ne sais pas le nom“.

— Où se trouve actuellement ce personnage? me demanda le Général*).

„Dans ses terres — lui répondis-je: il me semble qu'il a été aide-de-camp du Général Dépréradovitch. Autant que je m'en souviens, c'étoit une société purement littéraire et nullement contraire au Gouvernement“.

— Aux lois, — dit le Général d'un air qui sembloit dire: „ce qui est contraire au gouvernement, est contaire aux lois“.

„On avoit le projet de traduire en russe de bons ouvrages français et l'on pouvoit apporter aux séances des morceaux littéraires en prose ou en vers. Un des articles portoit, que les membres riches devoient donner la dizième partie de leur revenu pour secourir les membres pauvres“ (le général écrivit simplement „les pauvres“) „et payer des

*) Cette question me fit beaucoup de peine: elle me prouva que Chakofskoye n'étoit pas pris; je pensais que grâce à moi on alloit le faire chercher. Il a été aide-de-camp du général Paskévitch⁴²) et non de Dépréradovitch⁴³). A Moscou j'avois entendu dire positivement qu'il avoit été pris. Depuis que ce mémoire a été écrit j'ai appris qu'en effet le Prince Chakofskoye avoit été pris avant moi.

amendes chaque fois qu'ils n'apportoient pas de composition *). Cela me décida à ne pas entrer dans cette société. L'année 1820 j'ai fréquenté à Pétersbourg les loges maçonniques dans lesquelles j'ai même occupé un grade élevé, mais depuis qu'elles sont fermées je n'ai plus été dans aucune loge, et j'ignore s'il y en a depuis cette époque. Je n'ai jamais appartenu à aucune autre société secrète et je n'ai jamais eu connaissance d'aucune société pareille. Je n'ai appris l'événement du 14 Décembre que le jour de l'arrivée à Moscou du Comte Komarovsky ¹⁾, par la voix publique. "Je signai cette déposition **).

*) Далъе вачеркнuto: „Depuis l'année 1817 je n'ai plus entendu parler de cette société“.

**) Здесь находится следующая, написанная на левой стороне тетради,

Note sur les portraits.

Quelques mois avant la mort de l'Empereur Alexandre je proposais à tous mes amis de faire lithographier nos portraits afin que chacun put avoir ceux de tous; nous pensions qu'il seroit curieux et agréable de les posséder, surtout après quelques années, lorsque la position de chacun seroit changée. Ma proposition fut acceptée et M-r Sobolevsky ⁴⁴⁾ fit un très joli groupe au crayon; je proposai de l'envoyer lithographier à Paris, mais comme vers l'époque où ce dessin fut achevé Pouchchine ⁴⁵⁾ se disposoit à partir pour Pétersbourg, nous nous décidâmes à le lui confier pour le faire lithographier dans cette ville. Le groupe étoit composé de Pouchchine, Kolochine ⁴⁶⁾, Bacounine ⁴⁶⁾, Paltchikoff ⁴⁷⁾, Danzassl ⁴⁸⁾, Gorstkin ⁴⁸⁾, Tcherkasky ⁴⁹⁾ et moi. Quand il fut achevé, on le mit sous verre et comme il avoit le mérite de la ressemblance et d'une jolie composition, on le montra à toutes les personnes qui voulurent le voir et entr'autres au Général-Gouverneur ⁵⁰⁾. Enfin comme ces portraits avoient été faits sans aucune arrière-pensée, on n'en avoit fait aucun mystère. Pouchchine les emporta à Pétersbourg. Après l'événement du 14 Décembre on commença à dire à Moscou que ce dessin représentoit les membres de la conspiration, qu'il y avoit dans le ciel une étoile avec autant de rayons que la société renfermoit de membres, qu'enfin autour de l'étoile il y avoit écrit „Les amis réunis.“ — Lorsqu'on commença à nous enlever, à Moscou ces bavardages devinrent encore plus forts ⁵¹⁾. A Pétersbourg même quand j'ai été relâché on m'en a parlé, surtout de l'inscription. Le fait est que le Comité d'enquête n'a pas eu connaissance de ce dessin, ou au moins n'en a pas parlé. Et, en effet, quoi de plus bête que tous ces bavardages! Après mon arrestation on a dit à Moscou que j'étois représenté dans ce dessin avec une étoile sur le front; que je m'occupais d'entomologie uniquement pour masquer mes autres occupations

Le général me dit d'attendre et alla avec chez l'Empereur. Je profitai de son absence pour reconnoître la salle dans laquelle je me trouvois. C'est celle où se trouve la grande pendule de Minin et Pojarsky; au milieu sont placés de grands vases en marbre et des pupitres avec des tableaux. J'entendis l'Impératrice qui parloit avec ses enfants dans la chambre à côté. Je m'approchais de la porte vitrée qui sépare cette salle de la première chambre où le Général m'avoit reçu avant de m'introduire dans la Salle et je vis Danzass⁵²); je voulus lui parler, mais mon feldjäger m'imposa silence. Au bout d'une demi-heure le Général Levacheff⁵³) rentra. Il me fit sortir de la salle et parla d'abord à Danzass. Ensuite, après l'avoir congédié, il s'approcha de moi et, me prenant par le bras, me dit: „Sa Majesté a ordonné de vous faire mettre à la forteresse; vous y serez interrogé et si vous prouvez votre innocence vous serez libéré dans deux ou trois jours ou un peu plus. Si vous avez besoin de quelque chose, vous pouvez vous adresser à moi,—vous pourrez m'écrire“ *).

Je lui fis un salut et comme j'étois sûr d'être bientôt relâché, je ne lui demandais pas à être bien logé, je ne lui dis pas même que j'étois malade; d'ailleurs je croyois être logé très bien, au moins c'est ce que tout le monde pensoit à Moscou. En mettant ma pelisse dans l'antichambre je vis Danzass; je lui dis qu'on me conduisoit à la forteresse

qui consistoient à composer tous les papiers nécessaires à la conspiration, que j'étois représenté faisant prêter serment à mes amis, que lorsque j'avois été amené devant l'Empereur, on m'avoit déshabillé, que j'avois pâli et qu'on m'avoit trouvé une marque sur le corps!!!!

*) Je ne conçois pas pourquoи je fus mis à la forteresse sur un soupçon très vague, comme on verra par la suite. Toutchkoff⁵³), ainsi que je l'ai appris ensuite, a été mis à l'Etat-Major dans un appartement composé de 3 chambres avec le général Calm⁵⁴), N. Voeikoff⁵⁵ et M-r Liprandi⁵⁶). Ils étoient très commodément et très proprement logés et faisoient chercher leur diner chez A. Voeikoff⁵⁷); le soir ils jouaient au boston. Cependant Toutchkoff a avoué qu'il avoit été de la Société de 1817.

et je n'eus pas le temps d'entendre sa réponse, car nous descendîmes des escaliers différents.

Arrivé dans la rue, mon conducteur me mit dans son traîneau et nous arrivâmes devant les portes de la forteresse qui de suite s'ouvrirent avec un grand fracas pour nous donner passage.

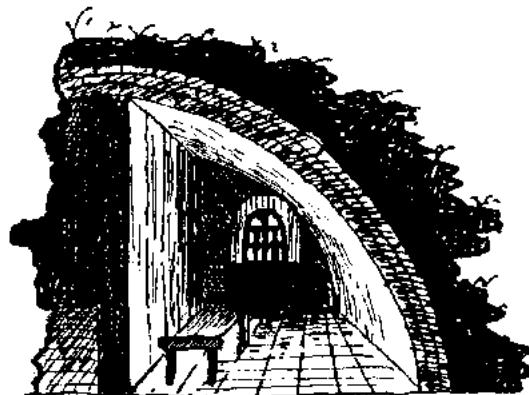
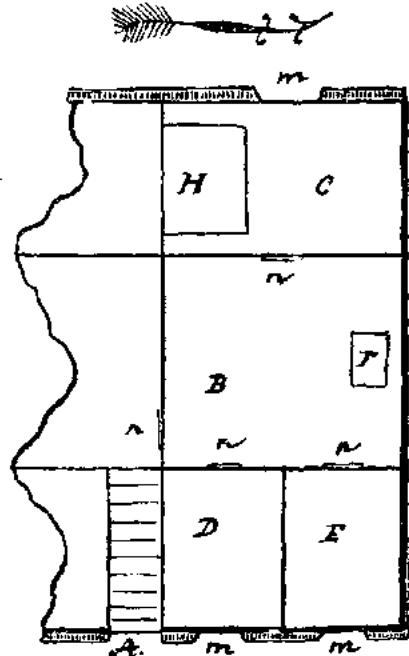
Je fus d'abord introduit dans une jolie chambre que je crus bonnement être celle qu'on me destinoit. Je restois là pendant une bonne heure à bavarder gaîment avec mon feldjäger. Enfin on me conduisit en haut chez le commandant⁵⁸). J'entrais dans son cabinet. Il sourit très gracieusement et me fit asseoir à côté de lui.

„Je viens, me dit-il, de recevoir de Sa Majesté l'ordre de Vous loger à la forteresse“⁵⁹).

Il me remit entre les mains du Major de Place^{*)} qui m'ordonna de le suivre. Il me mit à côté de lui dans son traîneau; un aide-de camp de place se mit derrière et nous partîmes. Nous entrâmes dans une cour séparée de la grande place par un mur dans lequel est percé un arc. Au fond de cette cour je distinguai un bâtiment avec une porte basse, devant laquelle nous nous arrêtâmes. Un escalier en pierre très sombre nous conduisit dans une espèce de chambre, où se trouvoient plusieurs soldats. Elle étoit éclairée par une lanterne suspendue au plafond. A gauche se trouvoit une porte qu'on ouvrit; nous entrâmes par cette porte dans une autre espèce de chambre occupée en grande partie par un énorme poêle russe. Elle avoit un aspect si triste que je suppliai le Major de Place de m'en donner une autre, plus petite que j'avois remarquée en entrant à droite, vis-à-vis celle-là. Il y consentit, et me laissa avec l'aide-de-camp de place. Nous entrâmes donc dans cette petite chambre. L'aide-de-camp me

^{*)} Егоръ Михайловичъ Подушкинъ⁶⁰; il paraît que c'est un bien brave homme.

A. Escalier
 B. Chambre d'entrée sombre
 C. Poêle en fer de fonte.
 D. Casemate de T.....
 E. Poêle russe.
 F. Macaremette № 20.
 G. Celle de B.....
 m. fenêtres.
 n. portes.
 o. La Néva .



Vue de la Casemate № 20.

1) Планъ части Петроцавловской крѣпости. 2) Внутренній видъ каземата.

demandas si j'avois sur moi des bijoux ou de l'argent. Je lui répondis qu'on m'avoit tout enlevé au corps de garde. Il me dit que selon la règle il devroit me déshabiller; mais il se contenta de fouiller dans toutes mes poches. Quand il arriva à celle de mon gilet et que j'entendis le froissement des 100 R. qui se trouvoient entre l'étoffe et la doublure, je fus sur le point de les lui remettre; heureusement il retira la main. Il prit ensuite note de mes gens à Moscou jusqu'à la nourrisse et la bonne de mon enfant⁶¹), —je ne sais pourquoi. Je me hasardais à lui demander s'il y avoit des prisons meilleures que la mienne. „Oui, me dit-il, y en a d'un peu meilleures, mais aussi il y en a de plus mauvaises.

— Oui, lui dis-je, les cazemattes.

„Mais vous êtes dans une cazematte“, me répondit-il.

Il fit mettre une lampe sur la fenêtre et me dit en s'en allant que si je voulois écrire à Sa Majesté ou au commandant ou enfin à qui que ce soit, je n'avois qu'à demander de l'encre, du papier et des plumes, qu'on ne refusoit cela à personne. Il me quitta. J'entendis fermer ma porte à clef et ensuite tirer une barre de fer que l'on ferma encore avec un cadenas.

J'étendis ma pelisse sur mon lit et me jettai dessus; comme depuis trois nuits je n'avois pas dormi, j'eus le bonheur de m'endormir. Je fus souvent réveillé par le bruit que faisoient les soldats dans la première chambre. Comme ils dorment une partie de la journée, ils veillent et bavardent une partie de la nuit.

Je m'éveillai à 8 heures. Je me levai et commençai à examiner mon appartement. C'étoit une chambre de 6 pas de long et de 5 pas de large. La porte d'entrée étoit pratiquée dans une cloison en poutres verticales qui me séparoit de la première chambre d'entrée; le mur à gauche étoit aussi une cloison. Vis-à-vis la porte étoit le mur extérieur en pierre avec une fenêtre donnant dans la cour et le mur à droite

étoit simplement une voûte qui commençoit au plancher et alloit jusqu'au haut de la cloison à gauche en sorte qu'il étoit impossible de toucher à pieds joint cette voûte, car elle touchait la tête quand les pieds en étoient encore à un pas et demi. La fenêtre étoit dans un ensollement, les vitres étoient si sales qu'on ne pouvoit rien voir distinctement à travers; derrière se trouvait une grille en fer. La voûte étoit assez humide. Quoique fort sale, cette cazemate étoit assez claire. Mon lit consistoit en quelques morceaux de bois ingénieusement unis par des plaques de fer. Le matelas de paille et le coussin reposoient sur deux planches étroites qui laissoient un vide entr' elles et dont l'une étoit beaucoup plus épaisse que l'autre. Le drap de lit étoit comme de raison de la toile la plus grossière et très sale. Pas de chaise, mais une table qui pour ne pas tomber devoit être appuyée contre le mur. Au lieu de pot de chambre on avoit placé dans un coin une jatte en bois qui conservoit une odeur abominable. Ajoutez à cela une bouteille avec de l'eau et la lampe,—et vous aurez tous mes meubles et ustensiles.

Je n'avois fait la veille qu'un repas: j'avois très faim et je pensois à l'heure du dîner, lorsque je vis entrer un soldat qui m'apportoit du thé. J'avoue que je m'attendois si peu à en prendre, que *je versai des larmes* de joie. Je crus d'abord que c'étoit une galanterie du commandant, mais le soldat me dit qu'on en donnoit à tout le monde. Il paroît cependant que tous les prisonniers n'en reçoivent pas, car un jour le bas-officier de service vint me demander si on m'en donnoit. Le thé se trouve tout préparé dans une théière; on y joint 3 morceaux de sucre et un petit pain blanc que le soldat apporte sous sa redingote et qui par conséquent sont passablement sales. On me donna aussi une tasse. Je conservois la même pendant toute ma détention; n'ayant pas de verre, je m'en servois pour boire de l'eau.

Mon déjeuner achevé, je me mis à nettoyer un carreau de

ma fenêtre et je parvins à distinguer parfaitement jusqu'à la figure des personnes qui passaient devant. Cette fenêtre, comme je l'ai déjà dit, donne dans une petite cour nommée du Laboratoire (Лабораторной Дворъ), séparée de la place vis-à-vis l'Hôtel de la Monnoie par un mur percé d'un arc. Ce mur aboutit à gauche à une tour qui fait partie de l'Hôtel. A travers l'arc je distinguais une partie de cet édifice et au fond—un corps de garde. A 10 heures je reçus la visite d'un officier d'artillerie qui vint me demander des nouvelles de ma santé. Il n'est là que depuis le 14 Décembre et tout son service consiste à visiter chaque cachot le soir et le matin pour avoir des nouvelles des détenus.

Je trouvai sur ma fenêtre quelques petits morceaux de verre avec lesquels je gravais sur l'entablement:

Ba. . . . Zou. . . .
ici détenu depuis le 12 Janvier
jusqu'au

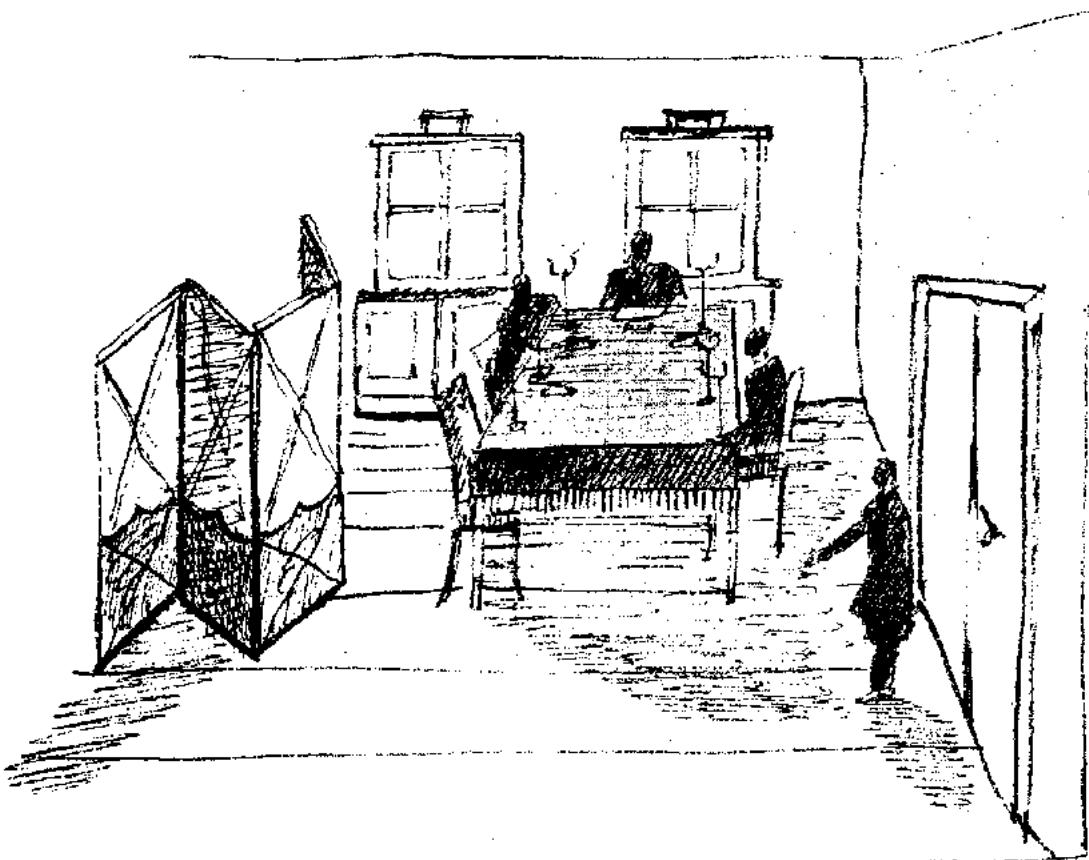
Vers midi je vis arriver un aide de camp de place avec un prêtre⁶²). Je pensois qu'ils venoient chez moi, mais je ne pus deviner pourquoi. Pour prendre courage, j'avalais une tasse d'eau fraîche et je recommande à chacun d'en faire autant dans les occasions où on veut conserver sa présence d'esprit: cela calme extraordinairement. Un moment après la porte s'ouvrit et l'aide de camp de place introduisit dans ma chambre un vieux prêtre avec lequel il me laissa. Il me demanda comment je me trouvois-là? Je lui répondis qui j'étois innocent. Il me dit que comme je serais interrogé par le Comité, on l'avoit envoyé pour m'engager à ne rien cacher, ce que je lui promis. Sur ce il me quitta. Je fus assez mécontent de cette visite, en pensant que le sot étoit incapable de porter la consolation aux nouveaux détenus.

A 2 heures on m'apporta à dîner; c'étoit dans une terrine une soupe avec du boeuf découpé en petits morceaux, deux

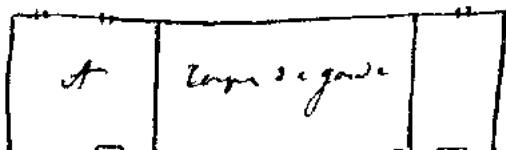
morceaux du pain,—l'un noir, l'autre bis, et une assiette de mauvais gruau avec du beurre rance*). Je mangeai fort peu.

Dès qu'il fit sombre, on alluma ma lampe et je distinguai alors les milliers de blattes qui courroient sur les murs. Je délayai de la mèche dans de l'huile et j'en formai une couleur noire. A l'aide d'un petit morceau de bâton je dessinai mon chiffre sur l'embrasure de la fenêtre. Avec un autre morceau de bois je parvins en grattant la voûte à y faire un B et un Z. Enfin l'ennui commençoit à me gagner, quand on m'apporta encore du thé avec les mêmes accessoires que le matin. A 7 heures l'officier d'artillerie vint me faire encore une visite. A 8 heures on m'apporta à souper des *uuu* assez bon avec un morceau de pain noir. Un moment après arriva le Major de Place qui m'ordonna de m'habiller pour aller au Comité. Je mis ma pelisse, mon bonnet et nous descendîmes l'escalier de pierre par lequel on m'avait introduit dans ce bâtiment. J'étois fort content, car je me rappellai les paroles du général Levacheff et j'étois persuadé que je ne rentrerais plus dans mon cachot. En chemin le Major me couvrit la figure avec une espèce de voile en toile. Nous arrivâmes. Le Major me prit par la main et sans m'ôter ma grosse pelisse et mon bonnet il m'introduisit, après avoir traversé une grande chambre, dans une autre chambre très éclairée. Je pus deviner qu'on me fit passer derrière un paravent; là on m'ordonna de m'asseoir. Je n'entendis que quelques feldjägers qui parloient à côté de moi, mais je ne pus distinguer ce qu'ils disoient. J'entendis encore un bruit de tasses et je jugeai que l'on prenoit le thé. Un quart d'heure après le Major de Place vint me prendre par la main: il me fit ôter ma pelisse et

) Danzasse outre cela a eu tous les jours du boeuf grillé. Tous les mets sont fort mal accommodés, mais comme on voit le gouvernement a l'intention de très bien nourrir les prisonniers et je suis sûr que l'entretien coûte beaucoup, mais je pense qu'une partie de l'argent passe dans les poches des fournisseurs).



Le comité.



A. chambres où se réunissent les membres du comité.



*Plan des chambres des
membres du commandant
et des officiers du Comité.*

- 1) Комната для засѣданій Комитета, 2) Комната въ Зимнемъ Двориѣ. 3) Иланъ комната въ квартирѣ коменданта Петропавловской крѣпости: а) Комитетъ, б) канцелярія, в) зала,
г) передняя.

mon bonnet et me conduisit dans une chambre très éclairée, où j'entendis un bruit d'éperons, et enfin de là dans une autre chambre. Là on m'ordonna d'ôter mon voile. Je l'ôtoi et je vis devant moi une longue table couverte de drap rouge avec quantité de chandeliers en argent avec des bougies allumées. Il y avoit trois membres seulement: le ministre Tatischeff⁶⁴), le général Tchernicheff⁶⁵) et le général Benkendorff⁶⁶). Ce dernier que je pris d'abord pour le Grand Duc⁶⁷) avant d'avoir remarqué son aiguillette, commença à m'interroger.

„Vos liaisons intimes avec Pouchchine, Kolochine, Semenoff et Kachkine, et surtout les dépositions faites contre vous, prouvent à n'en pouvoir douter que vous êtes membre de la société secrète, ainsi avouez tout franchement. Si vous avouez vous pouvez espérer d'être pardonné, l'Empereur est clément. Si vous niez, vous serez perdu pour toujours. Eh bien, avez-vous été dans cette société?“

— Mon général, je n'ai jamais été dans aucune société secrète et je n'ai jamais eu connaissance d'aucune société secrète. J'ai été maçon jusqu'à l'année où les loges ont été fermées.

„Mais n'oubliez pas que la société dont je vous parle, n'est pas comme la franc-maçonnerie, il n'y a là ni signes, ni mots sacrés; si seulement vous vous êtes rencontré dans vos idées avec un des membres, vous en êtes déjà. Vous êtes jeune; je conçois que vous avez pu avoir été entraîné.“

Je répétaï ma première réponse.

„Ah, vous persistez à nier. Hé bien, nous vous confronterons avec vos amis, vos accusateurs, nous verrons ce que vous direz alors; vous courez à votre perte; elle sera inévitable.“

— Je suis étonné que ceux que vous nommez, aient pu me dénoncer, c. à d. me calomnier; je les ai toujours connus pour des hommes d'honneur. Je repète encore une fois que

je n'ai jamais eu connaissance d'aucune société secrète et n'ai jamais été membre d'aucune pareille société. Je demande à être confronté avec mes accusateurs. Il est possible que d'autres personnes m'aient nommé pour grossir le nombre des coupables. Si ces personnes persistent à prétendre que je suis membre de leur société?

„Oh, nous verrons alors qui de vous deux aura raison. Vous ne devez pas douter de l'équité du Comité. Mais je vous le répète—ce sont vos chers amis qui vous accusent. Enfin vous n'oserez pas dire que vous n'ayez jamais entendu ces messieurs parler entr'eux de leurs projets?“

—Jamais!“

„Entendez-vous, général, dit-il, en s'adressant au ministre de la guerre, il prétend qu'il n'a pas entendu leurs conversations politiques, et c'est leur ami!—Allez, voilà des questions par écrit. Réfléchissez mûrement à tout ce que je vous ai dit. L'espérance du pardon, ou une perte inévitable: choisissez. Répondez à ces questions par écrit. Vous serez confronté avec vos amis.“

Je le saluai, on me mit de nouveau le voile, et le Major de Place me reconduisit dans ma cazematte⁶⁸).

Je m'y attendoi si peu que le sang me monta à la tête et je faillis me trouver mal. Une demi-heure après le Major de Place m'apporta le papier contenant les questions du Comité; il étoit conçu ainsi:

„Le Comité secret, créé par ordre de Sa Majesté a adressé au Conseiller Honoraire Zoubkoff les questions suivantes.

„Vos liaisons intimes avec les plus zélés membres de la société secrète et bien plus les dépositions faites contre vous prouvent que vous avez appartenu à cette société; ainsi sans attendre qu'on vous montre des preuves convaincantes et qu'on vous confronte avec vos accusateurs, répondez à ce qui suit:

1^o Quand avez-vous été reçu dans la société secrète et par qui?

2^o Qui avez-vous reçu vous-même dans cette société?

3^o Quels étoient les moyens que la société vouloit employer pour parvenir à son but?

4^o Qu'est ce qui s'est passé à la grande assemblée de cette société l'année 1820 et 1821?

5^o Quels sont les membres de cette société à vous connus?

6^o Connoissiez-vous le projet d'agir en même temps à Pétersbourg, à Moscou et dans la 2-de armée?

7^o Connoissiez-vous le projet d'attenter aux jours du défunt Empereur?

8^o D'où la société tiroit-elle les fonds nécessaires à son entreprise?

9^o Connoissiez-vous le projet d'agir comme on a fait le 14 Décembre en engageant les soldats à ne pas prêter serment à l'Empereur?

10^o Outre des réponses à ces questions, dites tout ce que vous savez par rapport à cette société.

Le Major de Place me remit une feuille de papier, une plume et de l'encre et me pria d'écrire vite ma réponse. Je lui dis qu'elle seroit bientôt prête *). La voici:

„Je n'ai qu'une seule réponse à faire à toutes les questions qui me sont faites par le Comité secret, c'est que jamais je n'ai été dans aucune société secrète et jamais je n'ai eu connaissance d'une pareille société (ensuite je répétais ce que j'avois dit au général Levacheff au sujet de la société du Prince Chakoffskoye et des loges maçonniques).

„Quant à mes liaisons avec plusieurs membres de la so-

*) J'écrivis tout ce qui me passa par la tête. Il y eut plusieurs ratures, mais j'eus soins de les faire en sorte qu'on put lire ce qui avoit été écrit. Ces réponses n'ont aucune suite, au moins elles n'ont pas été préparées.

ciété secrète, il est vrai que j'ai été lié avec Kolochine, Kachkine, Pouchchine et Semenoff. Je fis la connaissance de Kolochine en 1822^{*)} et l'ai fréquenté très peu jusqu'à l'époque de son mariage^{**)}; jamais je n'ai eu avec lui de conversation politique et jamais je ne lui ai entendu dire qu'il ait appartenu à une société secrète. Je ne l'ai appris qu'après son arrestation. Nous parlions ordinairement de nos affaires, du Bureau des renseignements que nous avons établi à Moscou^{***)} et de notre service.

J'ai fait la connaissance de Pouchchine en 1823 lorsqu'il est venu servir à Moscou. Il ne m'a jamais dit qu'il ait été dans une société secrète et jamais ne m'a confié ses projets. Quelquefois il parloit des avantages qui résulteroient de la libération des paysans et ordinairement il parlait des affaires de son tribunal^{****}) et se plaignoit de l'imperfection de notre procédure criminelle. Je n'ai jamais remarqué qu'il s'occupat de politique et je suis persuadé qu'il a quitté Moscou sans aucune mauvaise intention, et que c'est ici qu'il aura été entraîné. Son départ ne me parut pas extraordinaire, car l'année passée il étoit allé à Pétersbourg à la même époque pour voir ses parents^{**}). Il nous promit de revenir pour le 15 Janvier et même nous résolûmes d'aller à sa rencontre,— tant nous étions persuadés de le revoir.

Je ne connois Semenoff que depuis quelques mois; il est venu chez moi quatre fois et je ne suis jamais allé chez lui. Il paroît être un homme très éclairé, mais ses opinions me sont inconnues. Il ne m'a jamais parlé d'aucune société secrète.

Je connois Kachkine depuis 1820^{**}). Il s'occupoit alors de la politique françoise. J'arrivois à cette époque de l'étranger, la tête remplie des beaux discours de plusieurs députés, aussi parlions nous continuellement de la Chambre des députés,

^{*)} Въ подл. похв. (п. 4 о б.) прибавлено: въ Москвѣ

^{**) Въ подл. похв. (п. 40 б.); съ 1821 г.}

des Jury etc. Mais bientôt je cessai de m'occuper de politique, je fus ennuyé de m'occuper des affaires d'autrui; ma fortune étoit dérangée, je devois penser aux miennes, et je fermai Delolme⁷³⁾, Say⁷⁴⁾ et Sismondi⁷⁵⁾). D'ailleurs, depuis mon mariage je m'occupe exclusivement d'histoire naturelle. Jamais Kachkine ne m'a parlé d'une société secrète. Après l'arrestation de Kolochine il m'a dit qu'il n'avoit jamais appartenu à cette société.

„Ordinairement nous nous réunissions chez Kolochine le soir; on commençoit à parler des affaires de tribunaux et dès que quatre personnes se trouvoient réunies, on se mettoit à jouer au wist jusqu'au souper. Comme je ne connois pas le wist, je me retirois souvent avant la fin de la partie. Quelquefois nous étions dans l'appartement de Kolochine pendant que Pouchchine recevoit chez lui ses connoissances dont plusieurs n'étoient même pas connues avec Kolochine. Semenoff ne venoit presque jamais à ces soirées: il étoit trop occupé par sa place⁷⁶⁾).

„Kachkine est connu avec Kolochine depuis fort peu de temps. J'ai appris l'événement du 14 Décembre le jour de l'arrivée du Comte Komarovsky par les bruits publics.

„Je finis par répéter que je n'ai jamais appartenu à aucune société secrète et je n'ai jamais eu connaissance d'aucune société pareille. S'il y a des personnes qui m'accusent du contraire, je supplie de me confronter avec elles.— Le Conseiller de cour Danzass peut attester la vérité de tout ce que je dis“ *).

*.) При настоящемъ дневнике имѣется черновикъ отвѣта Зубкова Ко митету, на русскомъ языке, писанный въ крѣпости; вотъ онъ:

„На всѣ заданные мнѣ Тайнымъ Комитетомъ вопросные пункты имѣю честь объяснить слѣдующее. Я никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ не былъ и о существованіи такихъ обществъ извѣстенъ не былъ. Въ 1817 году Князь Ф. Шаховской, бывшій адъютантъ генерала Депрерадовича, а тогда служившій въ армейскомъ полку, предложилъ мнѣ вступить въ какое-то общество, но его названіе мнѣ неизвѣстно; но оно, вѣроятно,

J'avois à peine écrit cette réponse que l'officier d'artillerie vint m'apporter de la cire à cacheter et un cachet.

было литературное, по крайней мѣрѣ въ постановлѣніи не было ничего законопротивного Члены обязаны были вносить $\frac{1}{10}$ часть доходовъ, платить штрафы всякой разъ, когда не приносили какого-нибудь сочиненія или перевода. Сіи причины и отчасти льнь побудили меня отказаться отъ вступленія въ это общество. Главное упражненіе членовъ состояло въ переводѣ хорошихъ историческихъ книгъ и въ сочиненіяхъ въ стихахъ и прозѣ. Вотъ все, что я могу припомнить объ этомъ обществѣ, которое и тогда сдѣлало на меня весьма малое впечатлѣніе. Въ 1820 году я находился въ Масонскихъ ложахъ до самаго ихъ закрытия.

Насчетъ моихъ связей съ Колошинымъ, Пущинымъ, Семеновымъ и Кашкинымъ имѣю честь объяснить слѣдующее. Я познакомился съ Колошинимъ въ 1822 году, а подружился съ нимъ уже послѣ его женильбы, никогда не имѣть съ нимъ политического разговора и никогда не слышать отъ него о тайномъ обществѣ и чтобы былъ членомъ сего общества. Я узналъ объ этомъ послѣ его ареста. Я обыкновенно съ нимъ говорилъ объ устройствѣ нашихъ дѣлъ, о заведенной нами Справочной Конторѣ и о судебнѣхъ дѣлахъ. Съ Пущинымъ я познакомился по пріѣздѣ его въ Москву. Хотя отъ него тоже не слыхалъ никогда о тайномъ обществѣ и о томъ, что онъ членъ онаго, но помню, что онъ иногда говорилъ о пользѣ, могущей произойти отъ освобожденія крестьянъ, а болѣе слыхалъ отъ него жалобы на наше судопроизводство. Я всегда его зналъ за человѣка веселаго и привыкъ слышать отъ него одни шутки, такъ что мнѣ обыкновенно бывало смѣшно, когда онъ говорилъ о какихъ-нибудь важныхъ предметахъ. Я увѣренъ, что онъ выѣхалъ изъ Москвы безъ всякой дурной цѣли, но что его здѣсь завели. Отѣзду его мнѣ совсѣмъ не показался удивительнымъ, потому что онъ всякой годъ въ это же время уѣзжалъ въ Петербургъ для свиданія съ родственниками. Мы все ожидали его возвратенія, по его словамъ, къ 15 Января и собиралисьѣхать къ нему на встречу. — Съ Семеновымъ я знакомъ только исклучительно мѣсяцевъ, онъ у меня былъ раза 4, а я у него — ни разу. Кажется, онъ человѣкъ образованный, но, впрочемъ, его мыслей не знаю. Отъ него тоже о тайномъ обществѣ ничего не слыхалъ. Съ Кашкинымъ я знакомъ съ 1820 года. Онъ тогда еще занимался французской политикою. По пріѣздѣ моемъ изъ-за границы, мы весьма часто говорили о французскомъ правлѣніи, о депутатахъ и проч. Но мнѣ скоро наскучило заниматься чужими дѣлами, я закрылъ Сея и Сисмонди и совершенно пересталъ заниматься политикою. Съ тѣхъ поръ почти единственное мое занятіе было — Естественная Исторія. Съ Кашкинымъ я часто говорилъ о улучшеніяхъ въ судопроизводствѣ, объ адвокатахъ, о присяжныхъ и проч., но о тайномъ обществѣ отъ него ничего не слыхалъ; послѣ взятія Колошина онъ мнѣ говорилъ, что никогда и въ какомъ обществѣ не былъ.

Мы обыкновенно сѣѣзжались все у Колошина по вечерамъ, сперва говорили о своихъ дѣлахъ и курили трубки, но, какъ скоро сѣѣдутся

En écrivant, j'avois répandu de l'huile sur mon papier: il me dit que cela ne faisoit rien; ainsi je fis un paquet dans lequel je mis la réponse et les demandes et après avoir cacheté le tout et avoir mis sur l'enveloppe: „Réponse du Conseiller Honoraire Zoubkoff“, je le donnai à l'officier.

Comme je me sentois la tête embarrassée, je priai l'officier de m'envoyer le lendemain un médecin et le suppliai d'ordonner aux soldats de ne pas faire de bruit la nuit. Il les chassa tous et ne laissa que la sentinelle. Il étoit déjà près de minuit. Le lendemain matin de nouveau du thé à 9 heures et tout de suite après—la visite de l'officier.

J'avois dans le carreau d'en haut de la fenêtre un ventilateur en fer blanc à étoile tournante. Afin que l'air passat mieux, je cassai cette étoile et m'amusai à faire avec les rayons différents dessins en les mettant les uns à côté des autres. Je résolus de les employer à marquer le nombre de jours que je serais à la forteresse. Au commencement de chaque journée j'en enfonçais un dans une fente de la cloison; il y avoit en tout 23 rayons; j'espérois qu'ils me suffiroient. Je pensois continuellement à l'effet que produiroit ma réponse et je me décidai à envoyer encore un supplément. J'envoyai chercher du papier et le soir je remis à l'officier d'artillerie un supplément ainsi conçu.

4 человека, то сейчас сядутъ играть въ висть; я въ висть не играю, а потому очень часто, не дожидаюсь ужина, убажалъ домой. Пущинъ иногда въ это время принималъ у себя своихъ знакомыхъ, которые, сколько я могъ замѣтить, къ Колошину никогда не ходили. Семеновъ почти никогда не бывалъ на этихъ вечерахъ: онъ всегда занимался службою. Кашкинъ познакомился съ Колошинымъ очень недавно. О происшествіи 14 Декабря я узналъ въ залѣ Благородного Собрания по городскимъ слухамъ, въ день выборовъ, послѣ прїезда генералъ-адъютанта.

Имѣю честь повторить, что я никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ членомъ не былъ, ни о существованіи такого общества извѣстенъ не былъ. Буде есть противу меня показанія, то прошу дать мнѣ съ моими обвинителями очныя ставки. Во всемъ вышеписанномъ ссылаюсь на находящагося здесь надв. сов. Данзаса.

„Je trouve nécessaire d'ajouter à ma réponse d'hier, que quelques membres de la société secrète ont pu me regarder comme faisant partie de leur société parceque quand je suis revenu de l'étranger, je me suis occupé de politique et que mes opinions n'étoient pas aussi modérées qu'elles le sont actuellement. Mais, je le répète, depuis longtemps je ne m'occupe plus de politique. Nous ne pouvions pas ne pas être connus et liés: nous servions tous sous le même chef, nous avions tous les mêmes principes d'honneur et de probité, le même but, celui de remplir aussi bien que possible nos emplois et, grâce à Dieu, nous avons tous atteints ce but. Ces messieurs étoient si éloignés de parler politique, que plusieurs fois je leur ai reproché de ne pas causer au lieu de jouer au wist. Je n'ai jamais pensé à la libération des paysans; il n'y a pas longtemps que j'ai cherché à acheter un bien. J'avoue que lorsque j'ai appris que Pouchchine avoit été mis à la forteresse, je l'ai beaucoup plaint. J'avoue encore que lorsque nous avons appris la mort de l'Empereur Alexandre, j'ai cru aux bruits publics qui prédisaient une guerre civile.

„Je soutiens décidément que je n'ai jamais appartenu à aucune société et que jamais je ne me suis concerté avec personne pour faire des changements dans le gouvernement. Je demande une confrontation avec celui qui osera dire le contraire. Je pense que lorsque des changements sont nécessaires dans un état, ils doivent être faits par le pouvoir suprême, mais que nul autre que lui n'a le droit de les faire.

„Il est probable qu'aussitôt que j'aurai été reconnu innocent je serai libéré; mais je ne m'en contenterai pas; je prendrai la liberté de supplier Sa Majesté l'Empereur de rendre ma justification publique, afin que je puisse recouvrer l'estime de mes compatriotes, que peut-être j'ai perdu par mon emprisonnement. Je conçois que pour obtenir cette grâce,

je dois montrer mon innocence dans tout son éclat et pour y parvenir je supplie le Comité de me confronter avec Pouchchine au sujet de l'événement du 14 et avec Kolochine au sujet de la société secrète**).

J'envoyai cette réponse au Comité par l'officier. Je me mis à marcher et à penser au plaisir et en même temps à la douleur que j'aurai de revoir Pouchchine. J'étois fermement persuadé

*) Вотъ черновикъ этого показанія по-русски:

„Въ дополненіе къ посланному мною вчерашиаго числа отъѣту, имѣю честь объяснить слѣдующее. Члены тайного общества могли считать на меня потому, что, по приѣздѣ моемъ изъ-за границы, я занимался политикою и восхищался французскими постановленіями и краснорѣчіемъ французскихъ депутатовъ; но повторяю, что со времени моей женитьбы я пересталъ заниматься политикою. Мы всѣ служили подъ начальствомъ Енкня Голицына, занимая всѣ ровныя мѣста, имѣли одну цѣль быть честными и со всевозможной дѣятельностью исполнить нашу должностъ и въ этомъ смыслѣ успѣли. Главными нашими разговорами были наши судебнага дѣла. Столь постоянно по вечерамъ играли въ висть, что я даже, помню, у себя запретилъ игру въ карты, утверждая, что люди образованные могутъ найти другое занятіе. На всѣхъ ссылались въ томъ, что я никогда не желалъ освобожденія крестьянъ: доказательствомъ въ тому можетъ служить то, что я еще недавно искалъ случая купить имѣніе [„и даже торговалъ деревню генерала Чичерина“ — подл. показ., л. 6 об.]. Признаюсь, что я очень жалѣлъ о Пущинѣ, когда узналъ, что онъ посаженъ въ крѣпость. Я вѣрилъ глупымъ слухамъ о могущей произойти междуусобной войнѣ послѣ кончины Императора Александра Павловича. Рѣшительно повторяю, что я никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ не былъ, о существованіи тайного общества никогда извѣстенъ не былъ и никогда ни съ кѣмъ не сговаривался перемѣнить образъ правления въ Россіи. Пускай найдется человѣкъ, который покажетъ противное. Я полагаю, что ежли какія перемѣны могутъ быть полезны въ государствѣ, то ихъ должно ожидать отъ Верховной Власти, но что никто, кроме нея, не въ правѣ ихъ дѣлать.

За моимъ оправданіемъ послѣдуетъ, вѣроятно, мое освобожденіе, но этого для меня не достаточно: я осмѣлюсь всподданѣйше просить Государя Императора о томъ, чтобы сдѣлать мое оправданіе гласнымъ, дабы возвратить мнѣ уваженіе моихъ соотечественниковъ, моимъ заключенiemъ, можетъ быть, потерянное. Я чувствую, что, дабы сдѣлаться достойнымъ такой милости, я долженъ совершенно быть оправденъ, а для сего вижу одно средство—очные ставки, почему осмѣливаюсь настоятельно просить Тайный Комитетъ дать мнѣ очныя ставки съ Пущинымъ и Колошинимъ“.

que personne ne m'avoit dénoncé, car qui de ces messieurs auroit voulu devenir un lâche calomniateur et à quel but? Je commençai à m'ennuyer horriblement; on a bientôt épuisé tous les genres de distractions quand on est en prison, sans livres, sans pipe, enfin sans aucune espèce d'occupation. La lampe répand une odeur détestable; fort heureusement on a une chandelle pour deux jours, ensorte que la lampe ne brûle que la nuit et elle doit être allumée la nuit; si elle s'éteint, la sentinelle doit la rallumer; mais ordinairement la sentinelle s'endort. J'avois partagé la mèche en filets très minces dont un seul étoit allumé, ensorte que je me débarrassai de l'odeur que produisait la grosse mèche. Rien de plus lugubre que le carillon de la grande horloge de l'église; il dure au moins 5 minutes à chaque heure! J'avois pour chauffer ma cazematte un conduit de chaleur en fer qui la traversoit en long et aboutissoit dans la chambre d'entrée à un poële en fer de fonte. Toutes les fois qu'on chauffoit il y avoit de la fumée et la chaleur étoit effroyable. Une heure après il faisoit froid à cause de l'humidité de la voûte. Je ne me déshabillai jamais pour dormir car je n'avois pas de couverture et le drap de lit étoit trop sale *).

Le jour suivant, le 14, je reçus la visite du Major de Place et d'un médecin qui promit de m'envoyer une mixture pour la bile et du salep. La Major de Place me dit en me quittant qu'il espéroit que le soir je serais libéré. Je n'en pouvois plus de joie et cependant cette nouvelle m'a fait un grand mal, car depuis ce moment toutes les fois que quelqu'un entroit dans la grande chambre, ou qu'on ouvroit ma porte,

*) Outre les habits que j'avois sur moi, j'avois la pelisse d'ours de Tcherkasky et mes bottes chaudes. J'étendois la pelisse sur le lit et je dormois dessus, en faisant avec mes bottes chaudes et mon bonnet une espèce de coussin. J'avois deux mouchoirs de poche, qui au bout de 4 jours devinrent si sales que je fus ensuite obligé de me moucher avec les doigts.

je croyois qu'on venoit pour me libérer et toujours j'étois trompé. Je ne puis dire la sensation que j'éprouvois chaque fois. Lorsque les sentinelles se relevaient, la nouvelle venoit toujours examiner l'état dans lequel se trouvoit le cadenas de la porte, et je croyois que la porte alloit s'ouvrir et qu'on me relâcheroit.

Le 15 je fus presqu'au désespoir à cause de l'ennui: je crois que ma maladie entroit pour beaucoup dans ma position morale. J'allai jusqu'à me donner de la tête contre la voûte; heureusement je ne me fis pas de mal. On m'apporta du salep et ma médecine; on m'en donna une cuillerée et le bas officier la remporta en me disant qu'il étoit défendu de laisser chez moi toute la fiole, mais que toutes les 2 heures il viendroit me l'apporter. Je ne l'ai plus revue depuis*). Le médecin m'avoit prescrit un bouillon au lieu du manger ordinaire, mais je ne pus obtenir qu'une soupe au poisson assez bonne, mais qui me fit encore plus de mal à cause de la grande quantité de poivre qu'on y avoit mis.

En regardant par la fenêtre, je reconnus dans la cour le Obergutenservalter Daniloff⁷⁸) avec lequel j'avois fait une enquête en 1823 à Moscou et qui étoit venu diner chez moi. Outre les rayons en fer blanc que je fichois dans le mur, je fis des boulettes de pain noir, avec lesquelles je marquois aussi les journées. J'en mis 30, l'une au dessous de l'autre, en les écrasant contre la cloison. J'étois décidé, si après 30 jours le Comité ne me faisait aucune réponse, à écrire à l'Empereur et à le supplier d'ordonner de hâter mon jugement.

*) Si j'étois tombé malade plus sérieusement, j'aurais été transféré dans un hôpital. J'ai vu Fournier⁷⁷) qui y a été et qui en fait le plus grand éloge. J'ai appris depuis que M. Fon Viesen avoit fait deux maladies au cachot. Cela peut-il être vrai? je le demande.—Le Major de Place, voyant ma prison remplie de fumée ordonna de laisser pendant quelque temps la porte ouverte. C'est une drôle de sensation que celle qu'on éprouve dans une prison dont la porte est ouverte et dont on ne peut cependant pas sortir.

J'aurois consenti alors à être fastigé, à être dégradé, pourvu qu'on me rendit la liberté. Les inventeurs de la potence et de la décapitation sont des bienfaiteurs de l'humanité; celui qui a inventé le secret est un infâme scélérat; ce n'est pas une punition corporelle,— c'est une punition morale. Ceux qui n'ont jamais été mis au secret ne peuvent pas comprendre ce que c'est. Et encore je voyois du monde dans la cour, le soir j'avois de la lumière... Dans cette même forteresse la plupart des fenêtres sont peintes avec de la croie à l'extérieur, excepté les deux carreaux du haut. Il y a encore des sacs (*мешки*); ce sont des trous carrés qui sont si étroits et si peu profonds qu'on ne peut y rester ni debout, ni couché. Ce trou est fermé par une dalle avec un trou pour donner passage à l'air, et on n'y voit goutte. Je priois Dieu souvent et c'est la seule consolation qu'on puisse trouver. Après chaque prière j'étois beaucoup plus tranquille et je puisois un nouveau courage. Je pensois encore qu'on feroit peut-être chercher le Prince Théodore Chakofskoye pour lui demander s'il étoit vrai que je n'aye pas voulu entrer dans sa société; cela m'embarrassoit et je calculois qu'avant quinze jours il ne pourroit pas être arrivé. A minuit le bas-officier de service visitoit les serrures et emportoit les clefs qu'il remettoit au Major de Place. Si le feu avoit pris au bâtiment dans lequel j'étois, j'aurois été grillé avant qu'on ait eu le temps d'apporter les clefs: aussi défendis-je aux soldats de faire du feu pendant le nuit. On rapportoit les clefs à 8 heures de matin. Les soldats qui apportent les repas sont extrêmement silencieux: on ne peut en tirer une parole; une seule fois l'un d'eux m'a dit qu'à côté de la grande chambre à gauche il y avoit un corridor dans lequel il y a plusieurs caze-mattes pleines de monde et que dans l'une il y a 3 frères.

On ne donne ni fourchette, ni couteau, mais une cuillère de bois: la mienne n'étoit qu'une moitié de cuillère fort sale, avec laquelle j'avois toutes les peines du monde à pêcher

le peu de viande qu'il y avoit dans la soupe. Je suis assuré que le gouvernement paye beaucoup pour l'entretien des prisonniers, mais des misérables ne manquent pas de mettre une partie de l'argent dans leurs poches. Quelquefois j'avois si faim, que je prenois un peu de pain sec chez les soldats et je le mangeois avec beaucoup d'appétit. Mon linge étoit d'une saleté affreuse; j'aurois donné mes 100 Roubles pour un peu de tabac et une pipe. Je me décidai à écrire au Général Levacheff. Je le priai d'ordonner de me restituer mon portemanteau afin que je puisse changer de linge,— chose indispensable pour un malade; d'ailleurs, lui écrivois-je, dans ce portemanteau se trouvent des poudres que je prenois encore le jour où j'ai été saisi et qui sont indispensables pour ma maladie. Quelques jours après un aide-de-camp de place me rapporta ma lettre et me montra quelques lignes écrites dessus avec un crayon par le Général: il disoit que Sa Majesté avoit permis de me faire restituer mon portemanteau. Cependant je ne l'ai eu qu'après mon élargissement. Je suis resté au cachot pendant 9 jours avec le même linge; au bout de ce temps je me suis décidé à demander du linge destiné aux prisonniers. On m'apporta une chemise et un caleçon humides que je conserve encore. On avoit oublié de m'enlever l'écritoire et la plume; le soir je m'amusai à barbouiller sur un petit morceau de papier qui étoit resté de la feuille avec laquelle j'avois fait un paquet pour la lettre du Général Levacheff, mais l'officier d'artillerie m'ôta tout et me dit que cela étoit défendu. J'avois réservé deux des rayons en fer blanc pour moucher ma chandelle, mais les ayant aperçu, il les emporta, craignant probablement que je ne m'en servisse pour me couper la gorge. C'étoit aussi un homme très discret; je n'ai pu jamais rien apprendre de lui: il ne vouloit même pas causer, il se contentoit de parler un peu du beau temps et de la pluie. En prenant le thé je mettois de côté chaque fois un petit morceau de sucre pour avoir de

quoi faire passer le goût du dîner et ce sucre avec une tasse d'eau étoit délicieux. Mon lit avoit été premièrement placé contre la voûte, mais comme je craignois l'humidité, je le plaçai contre la cloison. Un invalide qui chauffoit le poële m'apporta une planche de la même épaisseur que l'une de celles sur lesquelles reposoit mon matelas ensorte que je fus un peu mieux couché.

Le 15 au soir le Major de Place vint dans la grande chambre et ordonna de nettoyer la cazematte qui étoit vis-à-vis la mienne, celle où se trouvoit le grand poële, et une autre séparée de la mienne par la cloison, contre laquelle étoit mon lit; je devinai qu'on alloit me donner des compagnons. En effet, une heure après il revint; j'entendis beaucoup de bruit, on entra dans la cazematte vis-à-vis la mienne et bientôt on tira les verroux et le Major de Place s'en alla. J'ai oublié de dire que dans la porte de chaque cachot se trouve un petit trou carré avec une vitre afin que la sentinelle puisse voir ce que fait le prisonnier. Ordinairement il y a un morceau de toile derrière ce verre ensorte que le détenu ne voit rien à travers; il n'y en avoit pas au trou de ma porte. Le prisonnier nouvellement arrivé en passant par la grande chambre avoit probablement vu de la lumière chez moi, car après quelques instants de silence il me dit d'une voix très forte et très dure: „Il faut absolument que nous nous parlions en françois“. Je lui répondis que oui et lui demandai son nom.

„Je suis, me dit-il, Jakoubowitch⁹), capitaine des chasseurs; je suis aux fers (et il secoua terriblement ses chaînes) et bientôt je serai décapité“.

Qu'on se figure ma terreur. Il me demanda qui j'étois. Je lui dis mon nom, il me dit qu'il ne me connoissoit pas (не разсlyхалъ).

— Je consens, lui dis-je, à causer, mais ne parlons pas, chantons!

Et depuis nous nous sommes toujours expliqués ainsi. Comme il est un peu sourd d'oreille, j'étois obligé de crier pour me faire entendre, aussi parlai-je très peu et pour éviter toutes ses questions je lui dis que depuis longtemps avant mon départ j'étois malade et que par conséquent je ne savoys pas tout ce qui s'étoit dit et fait depuis le 14. Il finit par entendre mon nom, se rappeler qu'il avoit passé une soirée avec moi chez Netchaeff³⁰). Il m'engagea à ne rien cacher en disant que le Comité sait tout. Il prétend que c'est pour n'avoir pas tout avoué qu'on l'a mis aux fers, qu' Alexandre Bestougeff³⁰) l'a dénoncé comme ayant eu le projet d'assassiner le défunt Empereur. Avant son arrivée à St.-Pétersbourg il n'a appartenu, dit-il, à aucune société. Là étant allé un jour se promener avec Bestougeff et parlant du gouvernement, celui-ci lui confia qu'ils avoient une société dont le but étoit de changer la forme du gouvernement, et lui proposa d'en être. Il y consentit, et ce fut alors qu'il dit à Bestougeff en l'air à ce qu'il prétend, que depuis longtemps il vouloit assassiner l'Empereur Alexandre. Il me conta que le 13 *) les conspirateurs lui ont dit que plus de 9000 hommes seroient à leurs ordres et que Troubetzkoye³¹) assura que toute la 2-de armée se révolteroit, qu'enfin on le pria de commander deux régiments, mais que le 14 étant venu dans ces régiments et ayant vu que les officiers ne vouloient pas lui obéir et vouloient du sang, il se retira et se rendit auprès de l'Empereur. Tout ce récit est, je crois, faux, au moins cet homme s'est conduit le 14 comme un misérable. Il m'a fait le plus grand éloge du Grand-Duc Michel, disant que c'étoit lui qui d'un mauvais cachot l'avoit fait transférer dans cette cauzematte. Il me dit que dans le Comité derrière un paravant que j'ai en effet remarqué se trouve un sténographe qui écrit ce que vous dites, afin de-

*) т. е. наканунѣ восстания. Б. М.

comparer vos paroles avec la réponse que vous envoyez par écrit.

Ses fers consistent en deux bracelets en fer unis par une barre de fer. Il dit que ces bracelets lui ont rongé la chair; je ne le crois pas, car je suis sûr qu'on les lui auroit ôtés. Un soldat lui a dit que plusieurs personnes avoient des fers aux pieds. Il prétend qu'on l'a beaucoup questionné au sujet d'une soit disante société en Géorgie et m'a juré qu'il n'y en avoit pas. *) Ce qui a pu le faire penser c'est que l'année dernière, pendant qu'il se trouvoit aux eaux du Caucase, le Prince Buchna Volkonsky⁸³⁾ y vint aussi et l'engagea à entrer dans sa société. Ne voulant pas faire partie d'une société où se trouvoit un tel imbécile, il lui dit, pour se débarrasser de lui, qu'ils avoient une société en Géorgie, et il prétend que Buchna a dit cela dans sa déposition⁸⁴⁾.

Je crois qu'il a encore quelqu'espérance de ne pas être mis à mort, car il me dit qu'il craignoit beaucoup qu'on ne l'envoyât aux mines. Il souhaiteroit être fait soldat, afin, dit-il, de trouver la mort dans une bataille. Enfin il désireroit que l'Empereur les envoyât tous avec les soldats qui se sont révoltés au Caucase, pour s'emparer de Chiva. Quelquefois il étoit assez gai; je l'ai entendu se moucher souvent, - probablement il pleuroit. Toutes les fois que ses fers faisoient du bruit, je tressaillois. Il me pria de dire au Sénateur Kouchnikoff⁸⁴⁾ et à Denis Davidoff⁸⁵⁾ qu'il mourroit comme un vrai Russe pour sa patrie et pour sa liberté. Un jour on lui apporta l'Evangile en françois: il avoit demandé un livre à lire. Il me dit qu'il trouvoit là de grandes consolations. Quelque temps avant le 14 il faisoit l'athée ou l'étoit. Il me dit après une lecture que c'étoit l'amour propre et l'ambi-

*) Le compagnon d'infortune qu'on nous donna, comme on le verra, quelques jours après, m'a dit qu'il savoit qu'il existoit une société au Caucase. Voilà comme ces messieurs étoient au point de tout! Impayable!!

tion qui l'avoient perdu, qu'il espéroit le 14 dicter des lois au Sénat avec la pointe de son sabre. Il n'étoit fâché contre le défunt Empereur que parcequ'on l'avoit chassé des gardes.

„Eh bien, dit-il, figurez vous que j'ai appris ici que l'Empereur Alexandre avoit déjà donné l'ordre de me passer de nouveau avec le rang que j'ai aux lanciers de la garde. J'aurois été capitaine aux gardes à 30 ans; mon père⁸⁶) venoit de me donner 400 paysans; aimé, considéré de tout le monde, n'aurois-je pas été heureux et actuellement... je suis obligé de faire ma cour au bas-officier Gorbounoff (c'est celui qui envoie à manger), je suis dans les fers!“

Ces regrets me firent plaindre ce malheureux et en effet, comme il paroît, que c'est l'amour propre qui l'a perdu, si au lieu d'être à l'armée il avoit été aux gardes il n'auroit pas trempé dans la conspiration. Il me dit qu'il avoit eu auprès de lui le fils de sa nourrice, qu'il aimoit beaucoup et qui lui étoit très attaché. Que le 13 au soir revenant de chez Riléeff⁸⁷) où tout avoit été arrangé pour le lendemain, cet enfant se jeta en pleurant à ses pieds, et comme il lui demanda ce qu'il avoit, il lui raconta un songe qu'il venoit d'avoir eu, dans lequel il l'avoit vu tout couvert de sang, ce qui lui avoit causé tant d'effroi, qu'il s'étoit réveillé; c'étoit au moment que lui, Jakoubowitch, rentrait. Il m'a dit qu'en prison il avoit écrit une lettre à l'Empereur Nicolas dans laquelle il lui dépeignoit tous les abus qui se commettent en Russie.

Jakoubowitch m'a dit qu'on l'avoit beaucoup interrogé au sujet de Yermoloff⁸⁸), que ce général lui avoit écrit plusieurs lettres dans lesquelles il se moquoit des allemands, que ces lettres étoient entre les mains des membres du Comité et que c'étoit peut être une des raisons pour lesquelles on avoit tant d'acharnement contre lui. Il m'a assuré qu'on l'avoit torturé deux fois: la première fois on lui donna fort peu à manger pendant deux jours et le soir du second

on lui apporta à manger du jambon et de la viande salée, et toute la journée suivante il n'eut pas une goutte d'eau à boire. Comme c'est un infâme fanfaron, je suis sûr que tout cela sont des mensonges. D'ailleurs le gouvernement est trop humain et trop noble pour recourir à de pareils moyens. C'est pour se rendre intéressant qu'il m'a conté cela^{88).}

Ce n'est pas en un seul jour que Jakoubowitch m'a dit tout cela: c'est pendant tout le temps que j'ai été détenu, car nous ne nous parlions que lorsque la sentinelle étoit seule; dès que quelqu'un entroit, nous nous taisions et il y a des jours où nous ne nous sommes dit que deux ou trois phrases.

Le 17 au soir on amena un autre prisonnier qui fut placé dans la cazematte à côté de la mienne, mais il nous fut impossible de lui arracher une parole; enfin le 18 au soir il me pria en françois de demander je ne sais plus quoi à Jakoubowitch. Je lui demandai d'abord d'où il étoit, il me dit qu'il venoit de Toulchine et qu'il étoit aide-de-camp. Comme j'avois rémarqué qu'il étoit bégue, je devinai de suite que c'étoit le Prince Bariatensky^{89).} Nous fimes les mêmes conventions avec lui que j'avois faites avec Jakoubowitch. Ce dernier perdit beaucoup à cette arrivée, car comme nous pouvions avec Bariatensky nous entendre sans crier trop fort, nous ne parlâmes plus que rarement avec lui. D'ailleurs vers les derniers jours il n'entendoit presque rien: il dit que c'étoit parceque sa blessure le faisoit souffrir.

Bariatensky me dit qu'il étoit l'ami de Pestel⁹⁰⁾, qu'il avoit été dans la société et qu'ils avoient eu un projet en l'air d'enlever le défunt Empereur. Il me dit que le Gouvernement savoit tout. Tant que je me suis trouvé là, on ne l'a pas conduit au Comité. Il s'attend à être puni fortement; il plaint beaucoup son vieux père⁹¹⁾. Il m'a fait souvent rire par ses saillies. Je lui disois, ou plutôt je lui

chantois que cette affaire dureroit encore longtemps et que je ne serois probablement pas élargi avant la fin... „du monde“, me répondit il. Cela me fit beaucoup rire. Je lui dis qu'on nous avoit fait passer par l'alambic avant de nous mettre ici, faisant allusions aux différents endroits où on nous avoit mis avant de nous enfermer dans la forteresse.

„Oui, me dit-il, avec cette différence que l'eau-de-vie quand elle passe par l'alambic devient plus forte et que nous, nous devenons plus faibles de jour en jour“.

Un jour il pria Jakoubowitch de lui raconter les événements du 14. Celui-ci commença à chanter, mais peu-à-peu il finit tout bonnement par parler en criant et il disoit: „Les uns crioient „Ура! Константинъ!“ Je fus obligé de l'interrompre et de le supplier de recommencer à chanter et de ne pas prononcer des mots russes. Il rit beaucoup de ma peur. Pour éviter autant que possible de dire des mots inutiles, nous réglâmes que toutes les fois qu'on n'entendrait pas la personne qui parleroit, pour la faire répéter, on donneroit deux coups avec le doigt. Pour dire *oui*, il falloit éternuer, pour dire *non* — tousser. Comme je me tenois souvent à la fenêtre, je pouvois voir arriver l'officier ou le Major de Place, d'ailleurs j'étois à côté de la porte; ainsi c'étoit moi qui imposois silence, je disois *Silenzio* sur l'air „*Doctor Bartolo*“. A l'instant tout rentroit dans le silence. Pour écarter tout soupçon, nous chantions quelquefois des airs russes *).

*) Je n'ai parlé de ma conversation avec ces messieurs qu'à.... qui a eu l'imprudence de le raconter je ne sais à qui, ensorte que plusieurs personnes l'ont su à Pétersbourg. Heureusement cela ne s'est pas trop répandu et à l'arrivée du corps du défunt Empereur on n'en a plus parlé. On m'a cependant rapporté que quelqu'un avoit dit qu'il n'étoit pas étonnant que j'aie été si tôt libéré, qu'on m'avoit exprès mis à côté de ces messieurs pour leur tirer les vers du nez et que grâce au rôle d'espion que j'avois joué j'avois recouvré ma liberté!!

Lorsqu'on chauffoit ma chambre, je ne voyois rien par la fenêtre, les vitres du dehors étant couvertes d'humidité. Je cassai un petit coin d'un carreau intérieur et à l'aide d'une plume sur laquelle j'entortillois mon mouchoir, je nettoyois la vitre extérieure, ensorte que les derniers jours je pouvois toujours voir ce qui se passoit dans la cour.

Depuis que j'avois deux voisins je m'ennuyois un peu moins: je n'étois plus absolument au secret. Nous nous parlions, il est vrai, rarement, mais au moins je sentois près de moi des êtres comme moi. La cloison qui me séparoit de Bariatensky étoit très épaisse et pas une fente pour se parler à voix basse *).

Ordinairement le matin nous nous souhaitions tous le bonjour et chaque fois qu'il s'agissoit de chauffer, comme c'étoit le même poêle qui chauffoit les trois cazemattes, chacun renvoyoit l'invalidé à ses compagnons pour savoir s'ils désiroient qu'on chauffât. Nous riions beaucoup de ces politesses. Le cachot de Jakoubowitch donnoit sur la Néva, mais comme le grillage est très serré, il voyoit mal. Il avoit un talent particulier pour tirer les vers du nez aux soldats. Il parloit fort souvent avec la sentinelle; mais jamais nous n'avons appris rien d'intéressant. Son manger étoit absolument le même que le nôtre. Il avoit l'habillement de la couronne, consistant en un surtout de drap et des souliers sans bas. Pour le faire aller au Comité, on lui

*) Nous essayâmes pourtant de nous parler en appliquant nos bouches contre la cloison et nous pouvions nous entendre en parlant à voix basse. Cependant comme nous craignions d'être entendus par la sentinelle nous renonçâmes à ce procédé et continuâmes à chanter. A force de regarder nous nous aperçûmes que le mur de pierre n'adhéroit pas parfaitement à la cloison, mais cette fente n'avoit pas plus d'une ligne de large. Bariatensky essaya vainement de me passer par cette fente la lettre de son père et une lettre qu'il venoit d'écrire à Levacheff; comme il avoit plié le papier par la diagonale et que je n'en vis pas le bout quoiqu'il le glissa en entier, nous jugeâmes que la cloison étoit très épaisse.

avoit toujours mis son uniforme. Il s'étoit procuré un petit miroir. Il nous dit qu'il avoit une barbe énorme et que sa figure étoit effrayante.

Un jour je vis le Major de Place s'arrêter devant ma fenêtre, -car la porte d'entrée du bâtiment étoit audessous d'une fenêtre à côté de la mienne. Quelques instants après il mit dans son traîneau un officier voilé. Je crus reconnoître Michel Narichkine⁸) et je restai plus d'une heure pour le voir revenir. Ce personnage fut ramené par un aide-de-camp de place; il ôta son voile et je vis un officier d'armée que je ne connois pas. Souvent en regardant par mon petit trou je voyois les soldats du corps de garde au fond de la place se mettre sous les armes; cela signifioit que le Major de Place passoit, en effet je le vis plusieurs fois avec des détenus voilés dans son traîneau.

Malgré la petite distraction que me causoient mes voisins, je m'ennuyois à mourir. L'attente continue de ma libération me minoit, pour ainsi dire. La saleté de mon linge me causoit une démangeaison qui m'empêchoit de me rendormir, si je m'éveillois pendant la nuit; d'ailleurs les soldats faisoient toujours beaucoup de tapage. Depuis quelques jours je ne voyois plus le Major de Place; je pensai que ce qu'il m'avoit dit au sujet de mon élargissement étoit simplement une phrase de consolation. Je lui écrivis pour le prier d'ordonner de me faire rendre mon linge. Il me promit que bientôt je l'aurois. Après dîner nous marchions ordinairement avec Bariatensky pendant une heure. J'avois fait des boulettes avec du pain et chaque fois que j'arrivois à la fenêtre j'en jetai une dans ma tasse. Notre promenade finie je comptoisis les boulettes et comme nos caze-mattes avoient 6 pas de long, nous savions, combien nous avions marché de verstes. Je m'endormois ordinairement à 8½ heures, tout de suite après le souper. Le temps le plus désagréable étoit le matin depuis le moment du réveil jusqu'au

thé et l'après-dîner jusqu'à ce qu'on donnat de la lumière. Comme je croyois être relâché le soir et que le Comité se rassemble à 7 heures, depuis le thé jusqu'à ce que je fus endormi, chaque bruit me faisoit tressaillir. Je ne puis pas rendre tout le mal que me faisoit cette sensation. Je crois que la faiblesse de mes nerfs m'a fait souffrir plus que d'autres.

Le dimanche on ajoute un plat au dîner: ce sont de petits morceaux de boeuf grillé.

Le 20 un barbier vint me raser. Je crus d'abord que c'étoit un bon signe, mais il me dit que depuis 5 heures du matin il faisoit la barbe aux détenus. Bariatensky fut rasé aussi. Je ne savois pas si on avoit rasé Jakoubowitch; j'eus l'imprudence de le lui demander.

„Non, me répondit-il, on ne rase pas ceux qu'on a condamné à mort!“

Je vois que ma question lui avoit fait beaucoup de peine. J'aurois donné bien cher pour savoir ce qui se passoit avec Danzass¹¹); je n'étois pas sûr qu'il fût à la forteresse, je le pensois cependant, car je n'étois pas plus coupable que lui. Si j'avois su dans quelle position il se trouvoit, je me serois toujours attendu à la même chose, soit que cette position fut meilleure ou plus mauvaise que la mienne. Un jour je me hazardai de parler de lui à l'officier d'artillerie, mais il me dit qu'il étoit étonné de ma question, qu'ayant servi moi-même je devois connoître le service et que son devoir étoit non seulement de ne me donner aucunes nouvelles de qui que ce soit, mais même d'ignorer mon nom. Je ne savois trop à qui je ferois mieux d'écrire — à l'Empereur, au Grand-Duc ou au Comité pour hâter mon jugement, dans tous les cas j'étois décidé à le faire, si un mois se passoit sans qu'on m'ait déclaré si j'étois reconnu coupable ou innocent*).

*) Le cinquième jour de ma détention je suppliai un invalide qui chauffoit notre poêle et qui venoit le matin balayer ma cazematte de me procurer

Le 22 je résolus d'écrire à Moscou; je demandai du papier et j'écrivis deux lettres— à ma mère et à ma femme. Je voulus les envoyer le lendemain. J'écrivois lentement, pour que cette occupation durât plus longtemps. Depuis 3 jours j'avois très bon appétit et j'avois fini par trouver bon jusqu'au gruyau avec le beurre rance. Comme j'avois été trompé bien des fois par l'espoir d'être libéré, les entrées dans la grande chambre et l'ouverture de la mienne ne me causoient plus le même sentiment pénible d'attente qu'autrefois.

Le 22 au soir après mon souper j'ôtai mes bottes et mon pantalon pour la nuit. Je faisois cela depuis quelques jours. Comme il m'est fort souvent arrivé le contraire de ce que je pensois, j'avoue que quelquefois, quand j'ai envie d'une chose, quand j'espère quelque chose, je me dis à moi-même le contraire en espérant qu'elle arrivera. Par exemple, quand je pensois rester 30 jours au moins à la forteresse, je me le disois à moi-même, mais j'espérois que le contraire arriveroit. C'est fort plaisant de chercher à se tromper ainsi soi-même. Ainsi quand je me déshabillois en me couchant, c'est comme si je me disois: „il est sûr qu'aujourd'hui le Major de Place ne viendra plus me libérer, car il est 8 heures et la fois qu'il m'a conduit au Comité il est venu me prendre à 7 heures; ainsi je puis me déshabiller“, et, en même temps, j'espérois que ce seroit peut-être précisément ce jour-là que je serais libéré. Le 22 je ne sais comment, je m'endormis à 10 heures et j'étois fermement persuadé que le Major de Place ne viendroit plus. A 11 heures je fus réveillé par le tapage des soldats et comme je leurs dis qu'ils me fissent le plaisir de parler un peu plus bas, ils me parlèrent très grossièrement et firent plus de bruit que jamais. Une demi-heure après je les entendis se lever avec

un peu de savon. Je lui promis de le récompenser, quand je serois libéré; il m'apporta un petit morceau de savon et j'eus le plaisir de me décrasser. Je n'ai plus revu ce brave homme.

précipitation et j'entendis la voix du Major de Place. Il ouvrit mon cachot et me pria de le suivre.

„Oui, lui dis-je, dans quelque cachot plus mauvais que celui-là, — et pourquoi, s'il vous plaît?

— Non, me répondit-il, Vous êtes libre, venez entendre cela dans le Comité.

Vite je m'habillai et sans pouvoir dire adieu à mes compagnons, qui dormoient, je le suivis, déjà sans voile. En entrant dans la grande salle de la maison du commandant deux aides-de-camp — celui du ministre de la guerre M-r Sabouroff³³), et celui du Grand Duc-M-r Ouchakoff³⁴) — me félicitèrent avec ma liberté. Le premier s'étoit beaucoup intéressé à mon sort. Un moment après je vis sortir du Comité, l'un après l'autre, voilés, Alexandre Bestougeff, très bien mis en uniforme, mais sans épaulettes, Pouchchine le Pionnier³⁵) et le colonel des ponts et chaussées Batenkoff³⁶), en épaulettes tous les deux. Le commandant³⁷) me félicita aussi; il a l'air d'un bien digne homme; il me dit que je n'aurois pas ce soir mon attestat et qu'ainsi je devrois encore coucher à la forteresse; il m'offrit une chambre chez lui et me demanda si je voulois souper. Je lui répondis que ne m'attendant pas à être libéré j'avois eu la sottise de souper dans ma cazematte. Quelques moments après le Général Potapoff³⁸) vint me demander des nouvelles de ma soeur³⁹). Enfin un aide-de-camp de l'Empereur me pria d'entrer dans le Comité. Là je trouvois le Grand Duc⁴⁰) debout avec les autres membres derrière lui. Son Altesse Impériale me dit que le Comité ayant reconnu que non seulement je n'avois jamais appartenu à aucune société secrète, mais que même je n'avois eu connaissance d'aucune société pareille, en avoit fait son rapport à l'Empereur, qui avoit ordonné de m'élargir. Il m'engagea à vouer ma vie au service de Sa Majesté. Je lui répondis que c'étoit mon intention. Il me dit que comme on devoit apposer à mon attestat de cachet de l'Empereur, je ne pour-

rois pas l'obtenir ce soir, mais que je l'aurois le lendemain matin,— et il ordonna de me le faire voir. Je lui fis un grand salut et m'en allois dans la chambre que le commandant m'avoit fait donner *). Là on avoit mis un drap de lit et des coussins sur un excellent divan. Enfin on eut pour moi toutes les attentions possibles. J'eus de la peine à m'endormir, tant j'étois bouleversé; je ne dormis cette nuit que deux heures. Le lendemain matin — politesse sur politesse: thé, café, déjeuner et la visite d'un aide-de-camp de place pour savoir, comment je me portois et si j'étois bien servi. J'avoue que dans ma cazematte j'étois tellement habitué à regarder tout le monde au-dessus de moi et à n'entendre que des bruits de soldats, que j'étois confus des politesses du domestique qui me servoit.

Enfin à 11 heures j'allai dans la grande salle. Là je trouvois un Comte Boulgari¹⁰¹⁾ saisi à Karkoff. Il avoit la permission de sortir le jour, mais devoit coucher à l'hôpital où on l'avoit fait transférer de sa cazematte comme malade. Il m'a paru avoir tout l'air d'un mouchard. On m'assura que probablement je n'aurais mon attestat que le soir. Je suppliai le chef de la chancellerie Borovkoff¹⁰²⁾ d'ordonner de me rendre mes effets, car je pouvois sortir de la forteresse et je brûlois d'envie de me laver et de m'habiller proprement. On me donna un employeur du Commissariat, avec lequel nous allâmes au Commissariat. Là il me rendit tous mes effets et mon argent sous quittance. J'y ai vu une caisse pleine de bijoux et 70000 ass. appartenant aux détenus. Il me dit qu'il y avoit plus que cela d'argent, mais qu'on l'avoit mis au

*) Voilà exactement tout ce qui s'est passé entre nous deux. Eh bien Monseigneur a dit au Prince Dmitri¹⁰⁰⁾ qu'il avoit été fort mécontent de moi, que j'avois reçu mon attestat avec un air impertinent et que j'avois parlé avec ironie et que j'avois paru plaisanter là-dessus! Cela a été dit 8 mois après. Je suis bien malheureux d'avoir eu des ennemis qui m'ont ainsi calomnié auprès de Monseigneur. Je jure que je ne pensois en ce moment comme actuellement qu'à continuer à servir Sa Majesté.

lombard, afin qu'on ne perdit pas les intérêts. Pendant qu'il déballoit mes effets, je fumais une pipe de son tabac. Il me parut délicieux.

De là je vins prendre une chambre chez Andrieux. Pétersbourg me paroissoit magnifique. En effet j'étois là comme transporté par une magie: j'étois entré de nuit et pendant 13 jours je n'avois vu que des prisons.

Je ne parlerai pas du plaisir que j'eus à revoir toutes mes anciennes connaissances et je fus bien sensible à l'intérêt que tous mes amis m'avoient témoigné pendant mon emprisonnement.

Samedi soir j'allois à la forteresse, où on me donna mon attestat*). Je me reposai le dimanche et je trouvai une occasion pour Moscou: un M-r Jakovleff partoit le surlendemain et consentoit à me prendre.

Dimanche soir j'allai chez M-me Apraxin¹⁰³) où je passai la soirée avec ma belle soeur Sophie¹⁰⁴) et mon excellent beau frère¹⁰⁵) qui m'a bien prouvé, combien il m'aime. Il me dit que le Prince Tcherkasky¹⁰⁶) étoit amené; je l'avois entendu dire à dîner par Tutcheff¹⁰⁷). Je me souvins de la mystification que nous lui avions faite à Moscou au sujet d'une soit disante conspiration parmi laquelle nous placâmes Ermoloff¹⁰⁸), Alexis Orloff¹⁰⁸), le Prince Menchikoff¹⁰⁹) et le Général Saratchinsky¹¹⁰); je me souvins aussi de sa poltronerie et en général de son moral. Je me montai la tête et

*). Къ дневнику Зубковъ приложилъ переводъ этого документа:

„Attestat. Par ordre de Sa Majesté l'Empereur le Comité chargé de découvrir la Société malintentionnée certifie que le Conseiller de la Chambre civile de Moscou Conseiller Honoraire Zoubkoff ainsi qu'il a été constaté par l'enquête non seulement n'a pas été membre de cette société, mais n'en a pas même eu connaissance. St. Pétersbourg 22 Janvier 1826. № 174. „Далъе-подпись военного министра Татищева, генералъ-фельдцейхмейстера Михаила, визая Александра Голицына, генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова, Бенкendorфа, Левашева и Потапова и начальника Канцелярии Боровкова.

revenu à la maison je m'endormis avec la certitude presque d'être de nouveau arrêté.

Le lendemain matin je me lavois la figure quand un maître de police entra chez moi pour me prier de passer chez le Général-Gouverneur. Je ne doutais plus que ce ne fut pour m'arrêter encore. Je m'habillai à la hâte et nous allâmes chez le Général Koutousoff¹¹¹). Il me reçut tout de suite et me prit mon attestat, en me disant qu'on avoit omis quelque chose et que dès qu'on l'auroit corrigé on me le rendroit. Il me demanda quand et comment je comptois partir. Je lui répondis que je voulois partir le lendemain par une occasion.

„Je pense, me dit-il, que vous ne voudrez pas partir sans votre attestat, ainsi attendez encore quelques jours“.

Je m'en retournai chez moi fort peu content. Un moment après arriva mon frère¹⁰⁵) qui savoit qu'on m'avoit fait chercher, car le maître de Police étoit venu la nuit chez lui, croyant que nous logions ensemble. J'étois fermement persuadé que c'étoit la sottise et la crédulité du nouvel arrivé qui me procuroient ce nouveau désagrement. Je résolus sans attendre qu'on me mit à la forteresse d'aller dire tout au Général Levacheff¹⁰⁹). Je pris le traîneau de mon frère et j'arrivai chez le Général. Je me fis annoncer. Je ne puis exprimer dans quelle inquiétude je me trouvois. Enfin au bout d'une heure le Général sortit et s'approcha de moi. Je le priai de m'accorder un moment d'audience particulière. Il me fit de suite entrer dans sa bibliothèque; là je lui dis que j'avois une déposition à faire; alors il me conduisit dans son cabinet, s'assit et me fit asseoir à vis-à-vis de lui. Je lui dis comment on m'avoit repris mon attestat et j'ajoutai qu'ayant appris l'arrivée du Prince Tcherkasky¹⁰⁶), c'étoit à sa déposition que j'attribuois le désagrément qui m'arrivoit. Je lui dis que Tcherkasky avoit été toujours le plastron de notre société et que je lui avois persuadé un jour pour me

moquer ensuite de lui qu'il y avoit une conspiration; je me suis même permis de nommer parmi les conspirateurs des personnes dont le dévouement à l'Empereur est connu. Je voulais continuer quand le Général qui pendant tout ce temps paroisoit, pour ainsi dire, ne pas vouloir m'écouter, me dit enfin:

„Mon cher Monsieur, je veux bien croire à tout ce que vous me dites, mais le Prince Tcherkasky n'a pas parlé de cela et ce n'est pas à cause de lui qu'on vous a repris votre attestat. C'est le Prince Obolensky¹¹²), qui vient de faire une déposition supplémentaire dans laquelle il dit que la société se partageoit en plusieurs classes, que vous avez appartenu à l'une de ces classes, celle dont faisoient partie beaucoup de gens mariés, dont le but étoit de travailler à propager les lumières. Quoique cette classe ne soit pas aussi blamâble que les autres, mais y étant vous avez dû avoir connoissance des autres et par conséquent de toute la société“.

Je lui demandai si on me mettroit encore à la forteresse; il me répondit qu'il ne le savoit pas et m'engagea à ne pas parler de cette nouvelle aventure.

J'allai de suite chez M-me Apraxine¹¹³), occupé de la sottise que je venois d'avoir eue de parler de Tcherkasky. Je ne doutais plus qu'outre l'accusation d'Obolensky j'aurois encore à me laver de celle de Tcherkasky qui probablement alloit être questionné sur ce que j'avois dit au Général. Heureusement M-me Apraxine m'apprit qu'on venoit de recevoir de Iermoloff le rapport qui constatait que lui et son corps avoient prêtés serment à l'Empereur. Je pensai qu'il me seroit bien facile de faire comprendre que ce que j'avois dit à Tcherkasky étoit une mystification.

Je revins dîner à la maison. Là nous restâmes avec mon beau-frère, les coudes appuyés sur une table depuis 3 heures jusqu'à 1 heure du matin, moi—me retournant toutes les fois qu'on ouvroit ma porte ou courant à la fenêtre dès

qu'un traîneau s'arrêtait à la porte, car je m'attendais continuellement à voir entrer un feldjäger qui me conduiroit à la forteresse. J'étois si persuadé que j'y serais mis que je fis avec mon beau-frère mes arrangements pour avoir à la forteresse quelques livres, une pipe et du tabac. Je dormis la nuit assez mal. Enfin je fus dans cette inquiétude mortelle pendant trois jours. Au bout de ce temps un officier de Police vint me prier de me rendre de suite chez le Général-Gouverneur. Je ne savois trop à quoi m'attendre. Je fus reçu de suite. Le Général Koutousoff me rendit mon attestat en disant qu'on avoit changé d'idée et qu'on ne vouloit plus rien y ajouter; il me permit de partir.

Depuis j'ai apris qu'Obolensky n'ayant pas prouvé son accusation, on n'avoit pas voulu m'arrêter plus longtemps.

Quoique je suis enfin tout-à-fait libre, je ne suis pas sans inquiétude, car qui me répond qu'une dénonciation aussi fausse que celle d'Obolensky ne soit la cause d'une troisième arrestation. Chat échaudé craint eau froide.

Il faut s'être trouvé dans la même position que moi pour concevoir ce que c'est que 12 jours de cachot; à toute autre personne mes doléances paraîtroient ridicules. J'ai envie de faire la relation de tout ce qui s'est passé depuis la mort de l'Empereur jusqu'à la fin du procès; j'attendrai pour cela cette fin.

C'est pour vous, mes chers enfants, que j'ai fait ce récit. Votre bonne mère et bonne grand-maman¹¹⁸⁾ l'on lu. Lisez le, plaignez les malheureux dont les idées fausses et exaltées ont causé la perte. Votre père a été entièrement innocent, quoi qu'on en dise dans le monde. Il a souffert uniquement à cause de ses liaisons avec quelquesunes des personnes compromises.

Примѣчанія.

1) Графъ Евграфъ Федотовичъ Комаровскій, генераль-адъютантъ (р. 1769, ум. 1843), сенаторъ, авторъ „Записокъ”; онъ пріѣхалъ въ Москву 17-го декабря вечеромъ, съ порученіемъ привести Москву къ присягѣ в. к. Николаю Павловичу (См. Записки И. Д. Якушкина, М. 1905, стр. 74 — 75).

2) Михаилъ Федоровичъ Орловъ (р. 25-го марта 1788, ум. 19-го марта 1842 г.), генераль-маJORъ, женатый на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской (р. 1797, ум. 1885 г.), воспѣтой ПушкинныМъ. По словамъ И. Д. Якушкина, Орловъ былъ первый изъ арестованныхъ въ Москвѣ по дѣлу 14-го декабря (онъ былъ увезенъ въ Петербургъ 21-го декабря и заключенъ въ крѣпость 28-го числа); по окончаніи суда онъ былъ приговоренъ къ аресту на одинъ мѣсяцъ, къ отставкѣ отъ службы безъ права вступленія въ нее и съ приказаніемъ жить въ деревнѣ.

3) Никита Михайловичъ Муравьевъ (р. 1795, ум. 1843 г.), капитанъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба, отнесенъ былъ къ первому разряду государственныхъ преступниковъ, въ 1836 г. былъ освобожденъ отъ каторжныхъ работъ и поселенъ въ сел. Урикѣ, Иркутской губерніи, где и скончался.

4) Пётръ Павловичъ Свињинъ (р. 14-го февраля 1801, ум. въ Москвѣ 16-го апреля 1882 г.) въ 1825 году былъ поручикомъ Кавалергардскаго полка; въ „Алфавитѣ“ декабристовъ о немъ записано: „Приять въ Сѣверное Общество въ 1825 году. Зналъ только то, что цѣль онаго было введеніе конституції. Въ члены никого не принялъ; на совѣщаніяхъ общества не былъ; въ проиcшествія 14-го декабря участія никакого не бралъ и въ сіе время находился въ Петербурга. Сознался, что вступилъ въ Общество по безразсудности. Содержался въ крѣпости съ 26 декабря 1825 г. По докладу Комиссіи, 13-го іюня Высоч. повелѣно выпустить и перевезти тѣмъ же чиномъ въ полки 2-й арміи и ежемѣсячно доносить о поведеніи. По Высоч. приказу 7-го іюля переведенъ въ Харьковскій драгунскій полкъ“ (стр. 651).

5) Александръ Лукічъ Кологривовъ, въ 1825 г. полковникъ Кавалергардскаго полка. Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ о немъ сказано то-же, что о Свињинѣ; 18-го іюня его приказано было продержать въ крѣпости

еще 6 мѣсяцевъ, но 7-го іюля онъ былъ переведенъ въ Финляндскій драгунскій полкъ (стр. 302 — 303).

6) Павелъ Ивановичъ Колошинъ (р. 1799, ум. 22-го января 1854 г. въ Москвѣ), равно какъ и братъ его Петръ Ивановичъ (р. 11-го октября 1794, ум. 16-го декабря 1849 г. въ Петербургѣ), оба были членами Тайного Общества еще въ 1817 году, но затѣмъ изъ него вышли, почему Комитетомъ и были оправданы. Петръ Ивановичъ, съ 1817 по 1823 г. бывшій преподавателемъ въ Муравьевскомъ Училищѣ для колонновожатыхъ (гдѣ, какъ мы видѣли, учился В. П. Зубковъ) и числившійся по Гвардейскому Генеральному Штабу, въ 1825 — 1829 г. служилъ въ Департаментѣ Внѣшней торговли, затѣмъ былъ членомъ въ Департаментѣ Уѣзловъ (1830 — 1832), вице-директоромъ Комиссаріатскаго Департамента (1832 — 1841) и, наконецъ, Членомъ Совѣта Министра Государственныхъ Имуществъ¹⁾. Привлекался къ отвѣту, но освобожденъ послѣ предварительного допроса. Павелъ Ивановичъ, о которомъ уже въ 1818 г. Бенкендорфъ доносилъ, какъ обѣ одномъ изъ ревностѣйшихъ членовъ тайного общества, въ 1821 г., по порученію Н. И. Тургенева, пріѣзжалъ въ Москву къ И. Д. Якушкину по дѣламъ общества (И. Д. Якушкинъ, Записки, стр. 64); онъ служилъ сперва въ военной службѣ, а въ 1823 г. былъ совѣтникомъ во 2-мъ Департаментѣ Московской Палаты Гражданскаго Суда; здѣсь (6-го августа 1824 г.) его замѣстилъ В. П. Зубковъ, Колошинъ-же вышелъ въ отставку, женившись, въ апрѣлѣ 1824 года, (Д. Благово, Разсказы Бабушки, С.-Пб. 1885, стр. 358 — 359 и 44 — 45) на графинѣ Александрѣ Григорьевнѣ Салтыковой (ум. въ Москвѣ 16-го іюня 1871 г., на 66 г.), отъ брака съ которой имѣль, между прочимъ, сына Сергѣя Павловича (род. въ Москвѣ 10-го января 1825 г., ум. во Флоренціи 27-го ноября 1868 г.), довольно извѣстнаго впослѣдствіи литератора; у него и хранилось нѣсколько автографовъ Пушкина, которые онъ, какъ было сказано выше, въ 1866 г. передалъ въ Чертковскую Библіотеку („Русск. Арх.“ 1867, стр. 817). Послѣ возвращенія въ Москву изъ крѣпости, Колошинъ поселился въ своемъ имѣніи, с. Смольномъ, гдѣ и прожилъ безвыѣздно болѣе 10 лѣтъ (Разсказы Бабушки, стр. 289). О немъ въ „Алфавитѣ“ декабристовъ значится слѣдующее: „Вступилъ въ Союзъ Благоденствія въ 1817 году. Былъ въ совѣтцахъ Коренной Думы въ 1820 году, гдѣ разсуждали нащѣть образа правленія, а равно и въ другихъ собраніяхъ, но при немъ ни вопроса, ни предложения обѣ Августѣйшихъ особахъ не было. О намѣреніи Якушкина покуситься на жизнь

1) О немъ см.: Н. Шильдеръ, Имп. Александръ I, т. IV; Записки кн. С. Г. Волконского; Донесеніе Слѣдственной Комиссіи; Н. В. Путяти, Біографія Н. Н. Муравьева, С.-Пб. 1852, стр. 14, 15, 34, 36; В. Семенскій, В. Бочугарскій и П. Щеголевъ, Обществ. движенія въ Россіи, т. I, стр. 14, 22, 26 и 30; Д. Кропотовъ, Біографія гр. М. Н. Муравьева, стр. 96, 97, 211, 212, 213, 214, 215, 216; Записки кн. С. П. Трубецкого; Записки И. Д. Якушкина; Д. Благово, Разсказы Бабушки, С.-Пб. 1885; „Русск. Стар.“, т. VII, стр. 660, т. 118, стр. 26, 27, 242; Г. Геннади, Словарь, т. II, стр. 152; Н. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. I, стр. 212; „Старина и Новизна“, кн. VII; онъ былъ сотрудникомъ „Журнала древней и новой словесности“ 1818 г., „Сына Отечества“ 1818 г., ч. 48 и 50 и „Соревнователя“ 1824 г.

покойного Государя услышалъ уже въ Генварѣ 1818 г. По разрушениіи Союза Благоденствія, въ 1821 году, онъ считалъ себя свободнымъ. Хотя зналъ о продолженіи Общества, но никакого участія въ ономъ не бралъ и съ членами его не сближался. Въ 1824 году Пущинъ показывалъ ему проектъ Общества Соединенныхъ; прочитавъ его, онъ отвѣчалъ, что ему до этого дѣла нѣтъ. — Противу показанія Кашкина, что онъ видѣлъ его въ Москвѣ на совѣщаніи, бывшемъ въ 1825 году у Оболенскаго, гдѣ положено было въ выборѣ членовъ сохранять болѣе осторожности, Колошинъ отвѣчалъ, что совѣщанія сего не помнить, но впрочемъ не смытъ отъ сего отрицаться и что если быть на ономъ, но какъ знакомый только, оставаясь впрочемъ безгласнымъ. Содержался въ крѣпости съ 2-го генваря. По докладу о семъ Комиссіи, Высоч. повелѣно 18-го іюня: продержавъ еще мѣсяцъ въ крѣпости, выпустить, запретивъ вѣзданье въ столицу, не опредѣлять въ службу и доносить о поведеніи его" (стр. 805—807).

7) Степанъ Михайловичъ Семеновъ (р. 27-го декабря 1789 г.), съ некоторымъ Зубковъ, по его показанію, познакомился лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста (т. е. когда Семеновъ былъ назначенъ въ Москву экспедиторомъ въ Канцелярію князя Д. В. Голицына), одинъ изъ даровитѣйшихъ декабристовъ, воспитывался въ Орловской Духовной Семинаріи, откуда поступилъ въ Московскій Университетъ, въ 1814 г. окончивъ курсъ кандидатомъ, а въ 1817 году получилъ степень магистра этико-политическихъ наукъ. Оставленный при Университетѣ, онъ одно время читалъ лекціи студентамъ, а въ 1819 г. перешелъ въ Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ Министерства Просвѣщенія и занималъ здѣсь мѣсто столовачальника. 1822—1824 гг. онъ провелъ въ секретной командировкѣ по дѣлу обѣ убийствъ въ Курской губерніи, вернувшись изъ которой, былъ, въ августѣ 1825 г., назначенъ экспедиторомъ въ Гражданскую Канцелярію Московскаго Генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына. Хорошо знакомый съ Семеновымъ въ Университетѣ и затѣмъ въ Петербургѣ Д. Н. Свербеевъ въ Запискахъ своихъ пишетъ про него слѣдующее: "Онъ замѣчательенъ былъ, кроме познаній, строгою діалектикою и неумолимымъ анализомъ всѣхъ, по его мнѣнію, предразсудковъ, обладаю классической латынью и не чуждъ былъ древней философіи. Онъ всюю душою преданъ былъ енциклопедистамъ XVIII вѣка; Спиноза и Гоббесъ были любимыми его писателями. Шесть семь-восемь послѣ этого Семеновъ сдѣлался душою тайного политического общества, подготовившаго мятежъ декабристовъ. Онъ содержался въ крѣпости и былъ подъ слѣдствіемъ, какъ секретарь общества, но отвѣты его передъ слѣдователями были до того преисполнены осторожной, хитрой и при всемъ томъ строгого честной и юридической мудрости, что, какъ ни хотѣли предать его суду, выѣхѣть съ прочими, исполнить этого не могли, и онъ безъ суда, выѣхѣстъ всѣхъ другихъ наказаній, подвергся отправленію на службу въ Томскую, а потомъ въ Тобольскую губернію, гдѣ и кончилъ жизнь" (Записки Д. Н. Свербеева, т. I, М. 1899, стр. 105—106). Далѣе Свербеевъ пишетъ про Семенова: "На основаніи почерпнутыхъ имъ изъ книгъ свѣдѣній о политическихъ утопіяхъ, увлекаемый всѣми наглядными обобщеніями представительныхъ правлений, такъ еще недавно введенныхъ во Франціи и вводимыхъ, не безъ крови, въ Испаніи, Германіи и

Италии, онъ стремился къ одной задушевной мысли — учредить какимъ бы то ни было путемъ, мирнымъ или кровавымъ, представительное правление и у насъ въ Россіи; сошелся со всѣми тогдашними заговорщиками противъ самодержавія и старался болѣе многихъ изъ нихъ пріобрѣтать новыхъ членовъ тайному обществу... Въ 1818 году Семеновъ жилъ въ домѣ.... графа Серг. Павл. Потемкина, женатаго на.... Елиз. Петр. Подчасовой. Онъ былъ наставникомъ меньшаго ея брата, князя Никиты, коротко познакомился съ старшимъ ея братомъ, княземъ Сергеемъ Петровичемъ [декабристомъ] и, вѣроятно, черезъ него — со всѣми находившимися тогда въ Петербургѣ членами тайного ихъ общества... Семеновъ въ это время служилъ въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ, коего директоромъ былъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, и былъ очень коротко знакомъ съ братомъ его Николаемъ" (тамъ-же, стр. 275 — 276). Въ 1819 г. Семеновъ вступилъ въ члены Союза Благоденствія и вскорѣ Коренною Думою былъ избранъ въ секретари, а въ 1825 г. принятъ въ члены Общества, основаннаго Пущинымъ (Алфавитъ декабристовъ).—По окончаніи суда надъ декабристами Семеновъ былъ prodержанъ 4 мѣсяца въ крѣпости, а затѣмъ сосланъ, безъ лишенія чиновъ и званія, въ Сибирь, "для употребленія на службу". Прибылъ въ Омскъ 30-го ноября 1826 г., онъ былъ назначенъ въ канцелярію Омскаго областнаго управлениія, въ февралѣ 1827 г. определенъ Усть-Каменогорскимъ окружнымъ судью, а черезъ годъ — столонаачальникомъ мѣстнаго окружнаго управлениія. Въ 1829 году Семеновъ сопровождалъ по Омской области А. Гумбольдта. Лестный отзывъ о Семеновѣ, данный Николаю Ганаменитымъ путешественникомъ, имѣлъ результатомъ высочайшее повелѣніе: „употребить Семенова... на службу въ отдаленномъ мѣстѣ безъ права выѣзда"... Волѣдствіе этого, Семеновъ попадъ (1830) канцелярскимъ служителемъ въ Туинскій окружной судъ и только въ октябрѣ 1838 г. былъ переведенъ столонаачальникомъ въ Канцелярію Главнаго управлениія Западной Сибири. Назначенный затѣмъ, въ іюнѣ 1841 г., совѣтникомъ въ Пограничное управлениѣ Сибирскихъ киргизовъ, онъ въ 1848 г. былъ определенъ, совѣтникомъ-же, въ Тобольское Губернское правленіе. Прослуживъ здѣсь 10 лѣтъ, онъ умеръ 10-го іюня 1852 г. и оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія, какъ человѣкъ большихъ дарованій и познаній, стойкихъ, независимыхъ и честныхъ убѣжденій, которыми онъ никогда и ни передъ тѣмъ не поступался (А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. Декабристы въ Западной Сибири, изд. 2, С.-Іб. 1905). Любопытныя подробности о Семеновѣ см. въ „Воспоминаніяхъ" М. И. Муравьевъ-Апостола („Русск. Стар." 1886 г., т. II, стр. 545—548), въ „Запискахъ" Н. И. Лорера („Русск. Архивъ" 1874 г., кн. I, стр. 364 — 366), въ „Запискахъ" кн. С. П. Трубецкого („Записки Декабристовъ", Лонд. 1863, вып. II — III, стр. 80 — 31) и др.

8) Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ (род. 4-го февраля 1795 г.), полковникъ квартировавшаго въ Москвѣ Тарутинскаго полка, съ 1818 г. членъ Союза Благоденствія. Верховнымъ уголовнымъ судомъ былъ причисленъ къ четвертому разряду государственныхъ преступниковъ и сосланъ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ, но въ 1832 г. былъ „обращенъ на поселеніе" въ Сибирь и жилъ въ Курганѣ, а въ 1837 г. переведенъ ри-

довымъ на Кавказъ. Онъ дожилъ до общей амнистіи декабристовъ, проживалъ одно время въ Москвѣ и здѣсь умеръ 2-го января 1863 г. Въ скитаніяхъ Нарышкина по Сибири и на Кавказѣ ему сопутствовала жена его, Елизавета Петровна, рожд. графиня Коновніцкая, скончавшаяся въ 1867 г. О Нарышкинѣ см. Записки бар. А. Е. Розена, Лейпциг. 1870, стр. 297, Записки И. Д. Якушкина, М. 1905; книгу А. И. Дмитріева-Мамонова „Декабристы въ Западной Сибири“, изд. 2-ое, С.-Пб. 1905 и Записки А. И. Кошелева (Берлинъ. 1884, стр. 13, 14 и 16); по словамъ послѣднаго, въ началѣ 1825 г. у Нарышкина собирались кн. Оболенскій, Рыльевъ, Пущинъ и др. У Нарышкина-же собирались декабристы въ періодъ послѣ 14-го декабря и до арестовъ, такъ какъ у него „сосредоточивались всѣ доходившіе до Москвы слухи и извѣстія изъ Петербурга“.

9) Баронъ Владими́р Ива́нович Штейнгель (род. 1783, ум. въ Петербургѣ 20-го сентября 1862 г.), отставной полковникъ, декабристъ 3-го разряда; арестованый 3-го января 1826 года въ Москвѣ, онъ былъ сосланъ въ каторжныя работы, затѣмъ жилъ на поселеніи въ Ишимѣ, Тобольскѣ, Тарѣ и снова въ Тобольскѣ, откуда и возвратился въ Россію въ 1856 году. До выхода въ отставку Штейнгель былъ адъютантомъ главно-командующаго въ Москвѣ гр. Тормасова. Человѣкъ большого ума и съ недюжинными способностями, онъ издалъ нѣсколько книгъ по исторіи и оставилъ послѣ себя весьма любопытныя и цѣнныя „Записки“, которые изданы вполнѣ въ книгѣ: „Общественные движения въ Россіи въ первую половину XIX вѣка“, т. I, С.-Пб. 1905 (здѣсь-же и біографія Штейнгеля и его портретъ).

10) Не генераль Н. Н. Раевскій, а его два сына — Александръ и Николай Николаевичи были арестованы по этому дѣлу, но оба вскорѣ-же были освобождены.

11) Борисъ Карловичъ Данзасъ (род. 9-го октября 1799, ум. 18-го октября 1868 г.), близкій пріятель В. П. Зубкова и родной братъ товарища и секунданта Пушкина, воспитывался въ Лицѣ, откуда выпущенъ былъ съ серебряною медалью въ 1820 году; причислившись (7-го июля 1820 г.) къ Комиссіи погашенія долговъ, Данзасъ 26-го апреля 1821 г. перешелъ чиновницомъ особыхъ порученій къ Московскому военному генеральному губернатору князю В. В. Голицыну, 27-го ноября 1822 г. определенъ бывшъ совѣтникомъ въ Московское Губернское Правленіе. Въ это время онъ, вмѣстѣ съ Зубковымъ, былъ арестованъ и привезенъ въ Петербургъ. Данзасъ пользовался большимъ расположениемъ князя Голицына; сообщая брату объ его арестѣ, А. Я. Булгаковъ писалъ 11-го января 1826 г.: „Изъ служащихъ при князѣ Дмитрии Владимировичѣ взяты еще Кашкинъ молодой, Зубковъ и Данзасъ; этотъ послѣдній былъ при князѣ, какъ родной сынъ“ („Русск. Арх.“ 1901 г., ии. II, стр. 343). Заключенный, какъ и Зубковъ, въ Петропавловскую крѣпость, Данзасъ былъ оправданъ Комитетомъ, но, по повелѣнію Николая I отъ 23-го января, продержанъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ („Алфавитъ“ декабристовъ, стр. 215). Уволившись отъ службы 26-го апреля 1828 г., Данзасъ 24-го октября слѣдующаго года снова поступилъ къ князю Голицыну „для особыхъ порученій“, принимавшіе участіе въ борьбѣ съ чолерою въ Москвѣ, а 11-го мая 1835 г. определенъ за оберъ-прокурорской столь въ 1-е отдѣленіе б-го Департамента

Сената, въ 1838 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ 2-го Департамента, въ 1839 году директоромъ Департамента Министерства Юстиціи (при графѣ В. Н. Панинѣ), куда вице-директоромъ вскорѣ былъ опредѣленъ его товарищъ В. П. Пальчиковъ. Назначенный въ 1848 г. оберъ-прокуроромъ 1-го Департамента Сената, Данзасъ въ 1851 пожалованъ былъ въ званіе сенатора; скончался въ званіи первоприсутствующаго въ Уголовномъ Кассационномъ Департаментѣ Сената и въ чинѣ д. тайи. совѣтника. Портретъ его находится въ „Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Имп. Академіи Наукъ“ (С.-Пб. 1899).

12) Одинъ изъ ближайшихъ друзей Зубкова, больше его пострадавшій за прикосновенность къ дѣлу декабристовъ, Сергѣй Николаевичъ Кашкинъ былъ сыномъ Московскаго сенатора т. сов. Николая Евгеньевича Кашкина и жены его Анны Гавріловны, рожд. Бахметевой (съ любовью и уваженіемъ упоминаемой въ письмахъ Карамзина), родился 17-го апрѣля 1799 г. въ Москвѣ, въ домѣ отца, въ приходѣ Покрова въ Кудринѣ, и воспитывался дома; зачисленный въ Углицкій полкъ подпрапорщикомъ 20-го мая 1817 г., онъ 1-го октября произведенъ былъ въ портупей-прапорщики, черезъ мѣсяцъ переведенъ въ 88-й егерскій полкъ, но вскорѣ (21-го февраля 1818 г.), съ производствомъ въ прапорщики, вернулся въ Углицкій полкъ и въ маѣ 1819 г. получилъ чинъ подпоручика, съ которымъ 20-го сентября 1820 г. переведенъ былъ въ п.-гв. Павловскій полкъ; здесь онъ служилъ и жилъ вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ по отцу — княземъ Евгеніемъ Петровичемъ Оболенскимъ, впослѣдствіи декабристомъ 1-го разряда (см. ниже, прим. 112). Выйдя въ отставку, въ чинѣ поручика, 24-го сентября 1820 года, Кашкинъ 3-го ноября 1824 года опредѣлился засѣдателемъ въ 1-й департаментъ Московскаго Надворнаго суда, гдѣ явился сослуживцемъ И. И. Пущина, бывшаго въ томъ-же Департаментѣ судью. Съ Зубковымъ онъ познакомился въ 1820 году, когда переселился въ Москву и, живя въ отставкѣ, „занимался французской политикою“ (см. выше, стр. 188). Привлеченный къ слѣдствію по дѣлу о декабристахъ, Кашкинъ былъ вызванъ въ Петербургъ и 11-го января 1826 г. заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ протоколѣ засѣданія Комиссіи Верховнаго Уголовнаго Суда 11-го іюня 1826 г. рукою А. И. Чернышева противъ его имени отмѣчено: „Продержать шесть мѣсяцевъ въ крѣпости и запретить потомъ вѣзѣздъ въ столицу“, но въ спискѣ декабристовъ, принадлежавшемъ императору Николаю I, читается объ немъ (стр. 289), между прочимъ: „Высочайше повелѣно 15-го іюля: продержавъ еще 4 мѣсяца въ крѣпости, отправить на службу въ Архангельскъ и ежемѣсячно доносить о поведенії“. — Поступивъ въ канцелярію генералъ-губернатора Архангельскаго, Олонецкаго и Вологодскаго (7-го февраля 1827 г.), Кашкинъ 20-го іюля того же года былъ прощенъ и, за кончиною отца (18-го мая 1827 г.), получилъ разрѣшеніе жить, „для устройства дѣль по имѣніямъ“, въ Калужской и Тульской губерніяхъ, безъ права вѣзѣза въ столицу.

Поселившись въ приданомъ имѣніи матери (умершей еще 30-го января 1825 г.), селѣ Нижнихъ Прислахъ, Козельскаго уѣзда Калужской губерніи, онъ въ имѣніи Охотниковыхъ селѣ Татаринцахъ, того же уѣзда, познакомился съ дочерью выходца изъ Саксоніи колл. асс. Ивана Федо-

ровича Миллера и жены его Гуліанії Григорьевны, рожд. фонъ-Гагенъ, Екатерину Ивановну (род. 1-го мая 1806 г.), съ которой и обвѣнчался въ Прысковской церкви 30-го апреля 1828 г. (она умерла въ Калугѣ 18-го октября 1879 года; погребена въ Прыскахъ; братъ ея Николай Ивановичъ Миллеръ былъ директоромъ Имп. Александровского Лицея, по томъ почетнымъ опекуномъ, генераломъ-отъ-инфантеріи и ум. въ Петербургѣ 30-го декабря 1899 года).

Всю послѣдующую жизнь С. Н. Кашкинъ занимался исключительно, ревностно и успешно сельскимъ хозяйствомъ. Для воспитанія дѣтей онъ исхлопоталъ право вѣзда въ Москву (около 1835 г.) и Петербургъ (около 1842 г.) и большинство зимъ сталъ проводить въ этихъ городахъ. Имѣніе его раздѣлилось между его 4 сыновьями (изъ которыхъ одинъ, Николай Сергеевичъ, пострадалъ по дѣлу Петрашевскаго) и дочерью. С. Н. Кашкинъ умеръ 7-го ноября 1868 г. въ с. Н. Прыскахъ, гдѣ и погребенъ. (Сообщ. Н. Н. Кашкинъ).

13) Анна Федоровна, рожд. Пушкиной (род. 25-го июля 1803, ум. 15-го марта 1889 г.).

14) Княгиня Татьяна Васильевна Голицына, рожд. Васильчикова (р. 1781, ум. 1841 г.), жена Московскаго генералъ-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына.

15) т. е. Б. К. Данзаса (см. выше, примѣч. 11-е).

16) Князь Черкасскій, Петръ Дмитріевичъ (род. 22-го февраля 1799 г.), въ 1825 г. служилъ при князѣ Д. В. Голицынѣ, а въ 1827 — 1834 г. былъ совѣтникомъ въ 1-мъ Департаментѣ Московской Гражданской Палаты (поомъ Зубкова); затѣмъ былъ Симбирскимъ гражданскимъ губернаторомъ и умеръ въ чинѣ д. с. совѣтника 3-го декабря 1852 г.

17) Петръ Александровичъ Мухановъ (род. въ 1798 г.), „одинъ изъ благороднѣйшихъ и образованныхъ людей того времени“ („Русск. Стар.“, т. III, стр. 521), воспитанникъ Муравьевскаго училища для колонновожатыхъ (вып. 1816 г.), въ 1819—1823 г. офицеръ л.-гв. Сапернаго батальона и адъютантъ П. В. Голенищева-Кутузова, а затѣмъ — штабсъ-капитанъ л.-гв. Измайлловскаго полка, куда былъ переведенъ 9-го марта 1821, въ 1826 году былъ адъютантомъ при генералѣ Н. Н. Раевскомъ (съ 15-го апреля 1828 г.). Свяжанный узами дружбы съ Рыльевымъ („Русск. Стар.“ 1871 г., т. III, стр. 521; Сочиненія и переписка К. О. Рыльева, изд. 1874 г., стр. 305 — 307 и „Русск. Стар.“ 1888, т. LX, стр. 825 — 827, 589 — 584, 586, 589 — 592; гдѣ приведены письма Муханова 1824 — 1825 г. къ Рыльеву, А. О. Корлонивичу и О. В. Булгарину), Мухановъ былъ знакомъ на югѣ съ М. Ф. Орловымъ, съ Пушкинымъ (въ Одессѣ), А. Бестужевымъ и другими писателями и самъ былъ не чуждъ литературы: такъ, онъ въ 1822 г. написалъ, съ П. Н. Араповымъ, либретто къ оперѣ „Лунная ночь, или домовые“, съ музыкой А. А. Алябьева, своего пріятеля (П. Араповъ, Штотпсъ Русскаго театра, С.-Пб. 1866, стр. 320), въ 1825 г. напечаталъ двѣ статьи о Грузіи въ „Моск. Телеграфѣ“ (ч. XIX и XXI), а въ „Ураніи“ Погодина помѣстилъ одинъ изъ ряда очерковъ Московской жизни: „Свѣтлый недѣлья въ Москве“ („Русск. Стар.“ 1872 г., т. V, стр. 385 — 396). Близкаго участія въ тайномъ обществѣ онъ не принялъ, хотя въ 1818 г. и былъ принятъ въ Союзъ Благоденствія; онъ

хорошо зналъ многихъ его членовъ и послѣ 14-го декабря выражалъ горячее участіе къ ихъ судьбѣ (Записки И. Д. Якушкина, М. 1905, стр. 75—77). Правлеченный къ слѣдствію, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что „принесли дерастныя слова въ частномъ разговорѣ, означающія мгновенный порывъ на цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли относительно бунта“, былъ за это выдержанъ въ Выборгской крѣпости, а затѣмъ сосланъ въ каторжную работу, въ Читу (гдѣ, между прочимъ, на товарищескихъ лекціяхъ, читалъ курсъ русской исторіи), а въ 1885 году поселенъ въ Усть-Кудѣ; здѣсь у него бралъ уроки ариѳметики Н. А. Бѣлоголовый, по словамъ котораго Мухановъ „былъ человѣкъ могучаго сложенія, широкоплечій и тучный, съ большими рыжими усами и иѣсколько суровый въ обращеніи“ (Воспоминанія Н. А. Бѣлоголоваго, изд. 3-е, М. 1898, стр. 47). Поселившись затѣмъ въ Иркутскѣ, онъ собирался вступить въ бракъ съ начальницей Иркутскаго Института М. А. Дороковой (тамъ-же), но внезапно умеръ — 12-го февраля 1864 г. (Записки бар. А. Е. Розена, Лейпциг. 1870).

18) Дмитрій Ивановичъ Шульгинъ 2-й, замѣнившій въ іюлѣ 1825 г. Александра Сергеевича Шульгина 1-го (переведеннаго въ Петербургъ на ту же должность)—Московскій оберъ-полицеймейстеръ, генералъ-майоръ, впослѣдствіи С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, членъ Государственнаго Совета (ум. 20-го декабря 1854 г.).

19) Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ (см. выше, примѣч. 19-е).

20) См. выше, примѣч. 7-е.

21) Василій Александровичъ Обреѣсовъ (ум. 18-го іюня 1834 г., на 49 г.), Московскій полицеймейстеръ, полковникъ (до 1827), впослѣдствіи камергеръ, ст. сов.

22) Александръ Павловичъ Ровинскій (род. 7-го февраля 1778, ум. 23-го ноября 1888 г.), отецъ известнаго иконографа Д. А. Ровинскаго бытъ Московскимъ полицеймейстеромъ до 1-го мая 1830 г., когда былъ произведенъ въ д. с. советники и причисленъ къ Герольдіи (о немъ см. „Русск. Обозр.“ 1895 г., № 10, стр. 808).

23) Вѣроятно, Алексѣй Михайловичъ Зиловъ (род. 21-го августа 1798, ум. въ Москвѣ 8-го іюля 1865 г.), въ 1817—1823 гг. офицеръ л.-гв. Преображенскаго полка, вышедшій въ отставку гв. штабсъ-капитаномъ и жившій въ Москвѣ, гдѣ былъ членомъ Общества Сельскаго хозяйства. Въ 1831—1838 г. онъ издалъ въ Москвѣ, въ 5 частяхъ „Басни А. Зилова“, въ 1836 г. — „Стихотворенія“ (М., 2 тетради) и въ 1843 г. — „Дневникъ Русскаго путешественника по Европѣ“ (М., 2 части). Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ онъ, однако, не значится.

24) Князь Валентинъ Михайловичъ Шаховской, товарищъ Зубкова по выпуску изъ Училища для колонновожатыхъ, служилъ въ это время въ л.-гв. Конно-егерьскомъ полку и былъ адъютантомъ при гр. М. С. Воронцовѣ, потомъ въ гражданской службѣ (директоромъ Коммерческаго Банка) и умеръ въ 1851 году въ чинѣ д. с. советника; онъ былъ женатъ въ 1-мъ бракѣ на сестрѣ вышеупомянутаго декабриста П. А. Муханова — Елизаветѣ Александровнѣ.

25) Сакундъ-маіоръ Петръ Абрамовичъ Зубковъ (род. 14-іюня 1762, ум. 4-го января 1804 г.).

26) Абрамъ Петровичъ Зубковъ (род. въ Москвѣ 4-го ноября 1791, ум. тамъ-же 8-го апрѣля 1856 г.), въ молодости служилъ въ Борисоглѣбскомъ драгунскомъ (1807 — 1812), Московскому и Иркутскому гусарскимъ (1812) полкахъ, въ 1816 г. вышелъ въ отставку поручикомъ и въ 1830-хъ гг. служилъ по выборамъ дворянства Дмитровскаго уѣзда, гдѣ у него было имѣніе — с. Полышино (всего въ Ярославской, Тверской и Московской губ. было у него свыше 1000 душъ). Онъ былъ женатъ, съ 6-го февраля 1821 г., на Надеждѣ Петровнѣ Демидовой.

27) Графъ Егоръ Петровичъ Толстой (род. 1802, ум. 3-го апрѣля 1874 г.), пріятель братьевъ Мухановыхъ, съ которыми былъ хорошо знакомъ Пушкинъ въ Москвѣ въ 1826 — 1827 гг., поручикъ л.-гв. Егерского полка, адъютантъ при ген.-маиорѣ Нейдгардѣ 2-мъ, при коемъ адъютантомъ-же былъ въ это время Иванъ Федоровичъ Пушкинъ, братъ жены В. П. Зубкова; впослѣдствіи, съ 1862 г., — сенаторъ.

28) Графъ Иванъ Петровичъ Толстой (род. 30-го октября 1810, ум. 18-го мая 1873 г. въ Москвѣ), впослѣдствіи тайный совѣтникъ.

29) Михаилъ Александровичъ Фонвизинъ (род. 20-го августа 1788, ум. 30-го апрѣля 1864 г.), отставной генералъ-маиоръ, декабристъ четвертаго разряда, былъ арестованъ въ своеимъ имѣніемъ Крюковъ подъ Москвой; сосланный въ каторжныя работы, онъ жилъ затѣмъ въ Енисейскѣ, Красноярскѣ и Тобольскѣ (1838 г.), гдѣ занимался писаниемъ своихъ воспоминаній и записокъ по общественнымъ и инымъ вопросамъ. Въ 1858 году Фонвизину съ женой разрѣшено было, по ходатайству его брата Ивана, вернуться въ Россію, — и онъ поселился въ имѣніи послѣдняго, с. Марьинѣ, Бронницкаго уѣзда Московской губерніи, гдѣ и умеръ; погребенъ онъ въ г. Бронницахъ, у собора, рядомъ съ И. И. Пущинымъ, при чёмъ на памятнике надъ его могилой (видѣніемъ мною въ 1900 году) написано: „бышій генералъ-маиоръ М. А. Фонъ-Визинъ“. Онъ былъ женатъ на Натальѣ Дмитріевнѣ, рожд. Апухтиной, которая раздѣляла съ нимъ всѣ тягости ссылки и, одновѣрь, вышла за Ивана Ивановича Пущина, когда онъ вернулся изъ Сибири. О Фонвизинѣ см. у А. И. Дмитріева-Мamonova: „Декабристы въ Западной Сибири“, изд. 2-е, С.-Пб. 1905 и въ книгѣ: „Общественные движения въ Россіи въ первую половину XIX вѣка“, т. I, С.-Пб. 1905, гдѣ напечатаны и всѣ Записки его.

30) Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій), извѣстный писатель, сосланный на Кавказъ и убитый горцами 7-го июня 1897 г.

31) Павелъ Христофоровичъ Граббе, полковникъ Сѣверскаго конно-егерьскаго полка, впослѣдствіи графъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи и наказной атаманъ войска Донскаго (род. 1789, ум. 15-го июля 1875 г.); онъ былъ принятъ въ члены тайного общества Фонвизинскимъ въ 1818 году. „Граббе не былъ судимъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ, но за сѣмьные отвѣты въ Комитетъ послѣ нашего приговора, по волѣ высочайшей власти, онъ содержался въ какое-то время подъ арестомъ въ Динабургѣ и потомъ отправленъ въ свой полкъ“ (И. Д. Якушинъ, Записки, М. 1905, стр. 145); въ „Алфавитѣ“ декабристовъ (стр. 201) сказано, что Граббе до 19-го июня содержался въ Динаминской крѣпости.

32) Иванъ Дмитріевичъ Якушинъ (род. въ 1798, ум. 11-го августа 1867 г. въ Москвѣ), декабристъ первого разряда, приговоренный къ смерт-

ной казни, которая заменена ему была въчною каторжною работою, былъ арестованъ вечеромъ 10-го января 1826 г., следовательно, днемъ позже Зубкова. И. Д. Якушкинъ оставилъ „Записки“, занимающія, по своему содержанію, первое мѣсто въ ряду мемуаровъ декабристовъ.

38) Упомянутая выше Наталья Дмитріевна Фонвизина, рожд. Апухтина; она осталась въ Москвѣ съ двумя дѣтьми-младенцами: Дмитріемъ (род. 26-го августа 1824) и Михаиломъ (род. 4-го февраля 1825 г.). О Н. Д. Фонвизиной см. статью В. И. Шеврока: „Одна изъ женъ декабристовъ“ — въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1894 г., № 11 и 12.

34) Извѣстная въ то время Петербургская гостинница и ресторанъ.

35) Алексѣй Николаевичъ Потаповъ (р. 1772, ум. 1847 членомъ Государственнаго Совѣта), 14-го декабря 1825 г. пожалованный званіемъ генераль-адъютанта, былъ дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба и состоялъ членомъ Верховнаго уголовнаго суда надъ декабристами.

36) Князь Михаилъ Александровичъ Урусовъ, поручикъ л.-гв. Конно-егерскаго полка, адъютантъ начальника штаба 2-й арміи генераль-адъютанта Павла Дмитріевича Киселева, съ 18-го января 1826 г. служилъ въ л.-гв. Уланскомъ полку — до октября 1843 г., когда произведенъ въ генераль-маиоры Свиты Его Величества; впослѣдствіи генераль-отъ-кавалеріи, сенаторъ; род. въ Москвѣ 1-го октября 1802, ум. тамъ-же 16-го декабря 1888 г.

37) Можетъ быть, Семенъ Ардалионовичъ Шашковъ (р. 1807 г.), племянникъ ministra А. С. Шашкова, въ это время корнетъ Сибирскаго уланскаго полка.

38) Александръ Викторовичъ Поджіо (р. 1797, ум. въ с. Воронкахъ, Черниговской губ., имѣніи своего друга, декабриста кн. С. Г. Волконскаго, 6-го июня 1877 г.), отставной подполковникъ, декабристъ первого разряда, сосланъ въ Читу, въ каторжныя работы, затѣмъ былъ въ Усть-Кудѣ и Иркутскѣ, въ 1856 г. вернулся въ Россію, а потомъ уѣхалъ за-границу, гдѣ провелъ около 10 лѣтъ. Учившійся у него въ 1840-хъ гг. Н. А. Бѣлоголовый такъ описываетъ наружность Поджіо, въ молодости отличавшагося рѣдкой красотой лица: „Длинные черные волосы, падавшіе густыми прядами на плечи, красивый лобъ, черные выразительные глаза, орлиный носъ, при среднемъ ростѣ и изящной пропорціональности членовъ“, давали Поджіо „привлекательную внешность и, вмѣстѣ съ врожденною подвижностью въ движенияхъ и съ живостью характера, ясно указывали на его южное происхожденіе“. Въ тѣхъ же „Воспоминаніяхъ“ Бѣлоголовый оставилъ цѣнную характеристику этого „идеального альтруиста“, какъ онъ его называетъ. Старшій братъ А. В. Поджіо, Іосифъ Викторовичъ, отставной шт.-капит., извѣстный не столько дѣятельностью въ тайномъ обществѣ (онъ попалъ въ 4-й разрядъ осужденныхъ), сколько своею несчастною судьбою (по проискамъ тестя своего Бороздина онъ 8 лѣтъ провелъ въ крѣпости), скончался въ Иркутскѣ 8-го июня 1848 г.

39) Василій Васильевичъ Левашевъ (ум. въ 1848 г.), генераль-адъютантъ (съ 1817 г.), впослѣдствіи графъ (1833), предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Онъ снималъ первый допросъ со всѣхъ привлеченныхъ къ слѣдствію и былъ членомъ Комиссіи.

40) Иванъ Ивановичъ Пущинъ (р. 4-го мая 1798, ум. 3-го апрѣля 1859 г.,

погребенъ въ г. Бронницахъ, Московской губерніи, у городского собора, рядомъ съ М. А. Фонвизинымъ), декабристъ первого разряда, другъ Пушкина, оставившій о немъ цѣннѣйшія воспоминанія, и одинъ изъ ближайшихъ пріятелей Зубкова (см. выше, стр. 94-96). По словамъ М. А. Корфа, Пущинъ въ Лицѣй былъ „одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе любимы были товарищами, съ свѣтлымъ умомъ, съ чистою душой... Сперва онъ служилъ въ гвардейской конной артиллеріи, но для пылкой души его, требовавшей беспрестанной пищи, военная служба въ мирное время казалась слишкомъ мертвою и, бросивъ ее, кажется, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ пошелъ служить въ губернскія мѣста, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, именно, чтобы облагородить и возвысить этотъ родъ службы, гдѣ съ благими намѣреніями можно добывать столько частнаго и общественнаго добра... Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ заговора, всыпнувшаго 14-го декабря 1825 года, и съ этимъ погибла вся его будущность“ („Русск. Стар.“ 1904 г., т. CXVIII, стр. 553). По свидѣтельству князя Е. П. Оболенскаго, Пущинъ „промѣнялъ мундиръ конно-гвардейской артиллеріи на скромную службу, надѣясь на этомъ поприщѣ оказать существенную пользу и своимъ примѣромъ побудить и другихъ принять на себя обязанности, отъ которыхъ дворянство устраивалось, предпочитая блестящіе эполеты той полты, которую оно могло бы принести, внося въ низшія судебныя инстанціи тотъ благородный образъ мыслей, тѣ чистыя побужденія, которыя украшаютъ человѣка и въ частной жизни, и на общественномъ поприщѣ“ („Русскій за-граниченный сборникъ“, ч. IV, тетр. V, Воспоминанія кн. Е. П. Оболенскаго, Лейпциг. 1861, стр. 5). Поступокъ Пущина былъ настолько необычайнъ, что, по его собственному показанію, князь Н. Б. Юсуповъ, „видя на батѣ Московскаго военнаго генераль-губернатора князя Голицына неизвѣстное ему лицо, танцующее съ его дочерью“, и узнавъ отъ находившагося тутъ же В. П. Зубкова, что это Пущинъ, надворный судья, сказалъ: „Какъ! надворный судья танцуя съ дочерью генераль-губернатора? Это вѣщь не-бывалая, тутъ проется что-нибудь необыкновенное“ (Л. Н. Майковъ, „Пущинъ“, С.-Пб. 1899, стр. 76). По словамъ его лицейскаго товарища, свѣты. кнз. А. М. Горчакова, кн. Голицынъ былъ очень доволенъ службою Пущина, который въ это время въ Москвѣ „воевалъ противъ взя-токъ“ („Русск. Стар.“ 1888 г., т. 40, стр. 164).

41) Князь Федоръ Петровичъ Шаховской, отставной маіоръ, сперва офицеръ л.-гв. Семеновскаго, а затѣмъ (1817 г.) — 38-го егерскаго полковъ, отнесенный судомъ къ восьмому разряду преступниковъ, такъ какъ отсталъ отъ общества и жилъ въ „отдаленной деревнѣ“; сосланный, послѣ приговора, на поселеніе въ Енисейскъ, онъ сошелъ съ ума и умеръ въ 1834 году. О немъ см. въ книгѣ А. А. Титова: „Одинъ изъ заключенныхъ въ Сузdalской крѣпости“, М. 1904.

42) Иванъ Федоровичъ Паскевичъ, генералъ-адъютантъ, впослѣд-ствіи князь и фельдмаршалъ (р. 1782, ум. 1857 г.).

43) Николай Ивановичъ Депрерадовичъ, генералъ-адъютантъ, ко-マンдиръ 1-го кавалерійскаго корпуса (р. 23-го октября 1767, ум. 16-го де-кабря 1848 г.), затѣмъ — генералъ-отъ-кавалеріи.

44) Вѣроатно, Дмитрий Михайловичъ Соболевский, живописецъ, учив-

шійся въ Дрезденѣ, въ 1825 году состоявшій учителемъ рисованія въ Московской губернскій гимназіи (Мѣсяцесловъ на 1825 г., ч. I, стр. 483).

45) Иванъ Ивановичъ Пущинъ, служившій въ это время въ Москвѣ судьей Надворнаго Суда, пріѣхалъ въ Петербургъ съ княземъ А. И. Одоевскимъ (декабристомъ—поэтомъ) 8-го декабря 1825 г.; онъ уѣхалъ изъ Москвы „несмотря на все нежеланіе князя Д. В. Голицына дать ему отпускъ“ („Четырнадцатое декабря“, статья Пущина въ сборникѣ: „Тайное общество и 14 Декабря 1825 г. въ Россіи“, Лейпцигъ, стр. 12), какъ бы для свиданія съ больнымъ отцомъ.

46) Александръ Павловичъ Бакунинъ (род. 1-го августа 1797 г.) воспитывался въ Царскосельскомъ Лицѣ одновременно съ Пушкинымъ, И. И. Пущинымъ и Б. К. Данзасомъ и въ 1817 году былъ оттуда выпущенъ, какъ и Пущинъ, въ военную службу; поступивъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, онъ состоялъ адъютантомъ генерала Н. Н. Раевскаго; когда же Семеновскій полкъ былъ раскассированъ (1820 г.), онъ перешелъ въ гражданскую службу и въ 1824—1828 гг., въ званіи камерь-юнкера, состоялъ при Московскому военному генераль-губернатору кн. Д. В. Голицынѣ, съ которымъ около этого времени породнился, женившись, 28-го июля 1824 г. (Щукинскій Сборникъ, т. I, М. 1902, стр. 887), на его племянницѣ Аннѣ Борисовнѣ Зеленской¹⁾), „воспитанницѣ“ его холостого брата князя Бориса Владимировича Голицына, 21-го октября 1835 г., когда В. П. Зубковъ былъ переведенъ совѣтникомъ изъ 2-го въ 1-й Департаментъ Московской Уголовной Палаты, на его мѣсто опредѣлился Бакунинъ, до того бывшій совѣтникомъ въ Московскому Губернскому Правленіи (съ этого мѣста въ 1828 г. ушелъ Б. К. Данзасъ). Выйдя затѣмъ въ отставку, Бакунинъ съ апрѣля 1838 по октябрь 1839 г. былъ Новгородскимъ вице-губернаторомъ, затѣмъ — вице-директоромъ 1-го Департамента Министерства Государственныхъ имуществъ, а съ декабря 1842 по октябрь 1857 г. занималъ постъ Тверского гражданскаго губернатора и дослужился до чина тайного совѣтника. Онъ умеръ въ Ниццѣ 25-го августа 1862 г.

Имя Бакунина связано съ именемъ Пушкина еще тѣмъ, что поэти-лицеистъ былъ влюблѣнъ въ его сестру, фрейлину Екатерину Павловну (ум. 7-го декабря 1869 г.), въ 1834 г. вышедшую за Александра Александровича Полторацкаго (род. 7-го июля 1792, ум. 13-го марта 1855 г.), брата того Михаила Александровича Полторацкаго (также, какъ и Зубковъ, воспитанника Муравьевскаго училища для колонновожатыхъ, выпуска 1821 г.), съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ Пущинъ еще въ Кашиневѣ („Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1126). Въ своихъ стихотвореніяхъ 1816—1817 г. поэтъ не разъ обращался къ Е. П. Бакуниной, которая возбудила въ немъ, по словамъ С. Д. Комовскаго, „первую платоническую, истинно-поэтическую любовь“, и въ которую одновременно былъ влюбленъ и юноша-Пущинъ (Сочиненія Пушкина, подъ ред. Л. Н. Майкова, т. I). Портретъ Е. П. Бакуниной (1832 г.), равно какъ и ея брата Александра Павловича, еще въ Лицейской формѣ (1813 г.) воспроизведенъ

1) Ея сестра была за профессоромъ Степ. Петр. Шевыревымъ (Д. Елагово, Рассказы Бабушки“, С.-Пб. 1885, стр. 289).

въ „Альбомѣ Пушкинской выставки“ въ Москвѣ (М. 1899, л. 73). Овдовѣвъ послѣ первой жены, А. П. Бакунинъ въ 1838 г. женился на Маріи Александровнѣ Щукиной. М. А. Корфъ въ дневникѣ своемъ за 1839 г. выразилъ про своего однокурсника Бакунина, что онъ „человѣкъ съ порядочными формами, съ благороднымъ честолюбиемъ и съ охотою къ дѣлу“ („Русск. Стар.“ 1904 г., т. CXVIII, стр. 551). Къ слѣдствію о декабристахъ Бакунинъ, кажется, привлеченъ не былъ.

47) Владіміръ Петровичъ Пальчиковъ (род. 25-го апрѣля 1804, ум. 27-го апрѣля 1842 г., въ Псковской губерніи), товарищъ по выпускѣ изъ Лицей Б. К. Данзаса (1820 г.), заставшій тамъ еще Пушкина (послѣдній, въ поясненіе къ именамъ сосѣдей Онѣгина—Дурины и Мизинчикова—отмѣтилъ въ рукописи: „Дирина“ и „Пальчиковъ“ (Соч. изд. Морозова, т. IV, 1904, стр. 27), разумѣя надъ послѣднимъ, быть можетъ, Владіміра Петровича или кого-нибудь изъ его родныхъ — помѣщиковъ Псковской губерніи). По окончаніи курса въ Лицѣ, Пальчиковъ 9-го іюня 1820 г. поступилъ въ Департаментъ государственного хозяйства и публичныхъ зданій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, где 13-го марта 1822 г. назначенъ былъ помощникомъ секретаря при директорѣ, но уже 5-го декабря того-же года перешелъ въ число чиновниковъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына (при которомъ, съ марта 1823 г., служилъ и В. П. Зубковъ), а съ 7-го января по 19-е октября 1825 г. былъ засѣдателемъ во 2-мъ Департаментѣ Московскаго Надворнаго Суда (здесь, въ 1-мъ Департаментѣ, судью было въ это время Пущинъ, а засѣдателемъ — С. Н. Башкинъ), послѣ чего опять состоялъ при князѣ Д. В. Голицынѣ. Въ концѣ 1834 или началѣ 1835 г. Пальчиковъ женился на Софѣ Алекѣевнѣ Пещуровой, дочери Алексея Никитича Пещурова (род. 29-го апрѣля 1779, ум. 2-го сентября 1849 г.), подъ син-ходительнымъ надзоромъ котораго, какъ Псковскаго губернскаго предводителя дворянства, находился въкоторое время (въ 1824 — 1826 гг.) сосланный въ Михайловское Пущинъ, и которому впослѣдствіи, уже въ качествѣ Псковскаго губернатора (1829 — 1839), пришлось распоряжаться погребеніемъ поэта. Въ 1840 г. Пальчиковъ, въ чинѣ статскаго советника, былъ уже вице-директоромъ Департамента Министерства Юстиціи, где директоромъ былъ его товарищъ Б. К. Данзасъ. Въ этой должности Пальчиковъ и скончался. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1842 г. (№ 97) былъ напечатанъ краткій некрологъ его, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Лѣта цвѣтущія, благородство чувствъ, умъ возвѣшенный и полезная дѣятельность изъ поприщъ службы заставляли еще многаго ожидать отъ него для отечества, для семейства, для друзей. Преждевременная его кончина пресѣла сіи надежды, но память о немъ остается живою для всѣхъ тѣхъ, которые умѣли цѣнить его прекрасныя качества и рѣдкія дарованія“.

17-го іюня 1842 г. Б. К. Данзасъ писалъ А. Н. Пещурову изъ Петербурга: „Окончивъ официальную часть письма (предложение Пещурову взять на себя сенаторскую ревизію Оренбургской губерніи), я прибавлю нѣсколько словъ, чтобы выразить живое участіе, которое я принялъ въ неѣ; постыгнемъ семейство Ваше; впрочемъ, кончина беззѣниаго Владіміра Петровича, перевила меня самого до глубины сердца; по сіе

время, какъ въ первую минуту, не могу привыкнуть къ ужасной мысли, что мы его навсегда лишились. Нѣть обстоятельства въ службѣ и вообще по всемъ прочимъ свѣтскимъ и семейнымъ отношеніемъ, которое, напоминая о немъ, не возобновляло бы во всей силѣ сердечную грусть. Я въ немъ лишился лучшаго друга и считаю себя съ того времени какъ будто-бы осиротѣвшимъ. Лишившись его, я утѣшаю себя, однако же, мыслью, что Вы сохраните ко мнѣ то же доброе расположеніе, которое внушалъ Вамъ Владимира Петровичъ по добротѣ и дружбѣ ко мнѣ...." На сестрѣ Пальчикова былъ женатъ 1-мъ бракомъ Мих. Ив. Пущинъ, братъ друга Пушкина (К. Я. Гrotъ, "Ист. Вѣст." 1905, № 8, стр. 425).

48) Иванъ Николаевичъ Горсткинъ уже въ 1818 г. былъ, по словамъ доноса Бенкендорфа, однимъ изъ ревностѣйшихъ членовъ тайного Общества (Шильдеръ, Ипп. Александръ I, т. IV, стр. 210); онъ былъ принятъ въ Союзъ Благоденствія Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ ("Русск. Стар." 1904, т. CXVIII, стр. 523); въ это время онъ служилъ въ л.-гв. Егерскомъ полку, гдѣ въ 1820 году былъ подпоручикомъ; затѣмъ онъ жилъ въ Москвѣ, продолжая состоять членомъ тайного общества ("Общественные движения въ Россіи въ первую половину XIX в.", т. I, С.-Пб. 1905, стр. 294), въ которое былъ принятъ кн. Е. П. Оболенскимъ, и былъ, въ чанѣ титулярнаго советника, советникомъ Московскаго Губернскаго Правленія. Арестованый послѣ 14-го декабря, онъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости и, по окончаніи суда, былъ отправленъ оттуда 12-го июля 1826 г. въ Бятку, вмѣстѣ съ С. М. Семеновымъ, бывшимъ въ Тобольскѣ (Записки Д. Н. Свербеева, т. II, М. 1899, стр. 361 и "Алфавитъ" декабристовъ, стр. 198). Въ 1850-хъ годахъ онъ жилъ въ Москвѣ. По словамъ Н. С. Кашкина (сына декабриста), Горсткинъ былъ человѣкъ умный, но черствый, и товарищи относились къ нему холодно. Отрывки изъ его показаній приведены въ статьѣ Н. Ф. Дубровина: "Послѣ Отечественной войны" въ "Русск. Стар." 1904 г., т. CXVIII, стр. 253 — 254. Въ "Алфавитѣ" декабристовъ о немъ значится слѣдующее: "Въ 1818 г. былъ принятъ въ члены Союза Благоденствія, но въ 1820 году отсталъ отъ онаго. Наконецъ въ 1825 г. поступилъ въ члены Управы, изъ старыхъ членовъ составленной въ Москвѣ Пущинымъ и Оболенскимъ, а потомъ въ Союзъ, подъ названіемъ практическаго, который учредилъ Пущинъ, замѣчая недѣятельность членовъ, въ котораго цѣль состояла въ освобожденіи отъ подданства дворовыхъ людей, въ теченіе шести лѣтъ, и въ поощреніи знако-мыхъ своихъ послѣдовать сему примѣру, но дѣйствій его въ томъ никакихъ не было. Содержался въ крѣпости съ 24-го Генваря. По докладу Комисіи 15-го июня Высочайше повѣлено: продержавъ еще 4 мѣсяца въ крѣпости, отправить на службу въ Бятку, гдѣ и состоять ему подъ бдительнымъ тайнымъ надзоромъ мѣстнаго начальства, и ежемѣсячно доносить о поведеніи. О исполненіи сего писано Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ" (стр. 197 — 198).

49) Князь Петръ Дмитріевичъ Черкасскій (см. выше, примѣч. 16-е).

50) Князю Д. В. Голицыну.

51) См. выше, предисловіе, стр. 95-96.

52) Бориса Карловича Данзаса (см. выше, примѣч. 11-е).

53) Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ (род. 26-го декабря 1800, ум. около

1879 г.), племянник героя Отечественной войны, воспитывался въ Муравьевскомъ Училищѣ для колонновожатыхъ, а затѣмъ въ Московскомъ Университетѣ („Воспоминанія“ его дочери Н. А. Огаревой-Тучковой, М. 1908, стр. 6). Выйдя въ Генеральный Штабъ, Тучковъ облизился съ И. И. Пущинымъ, А. А. Бестужевымъ, кн. Е. П. Оболенскимъ, Муравьевыми-Аpostолами, М. М. Нарышкинымъ и другими и въ 1818 г. примкнулъ къ Сѣверному Обществу; во время восстания 14-го декабря находился въ Москвѣ, по службѣ, былъ арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ. „Послѣ допроса“, разсказываетъ Н. А. Тучкова-Огарева („Воспоминанія“, стр. 10), „отецъ громко сказалъ: Si vous voulez me tenir à la forteresse, vous devrez m'y traîner de force, car je ne marcherai jamais de bon gré. Государь спросилъ, что это за шумъ; узнавъ, въ чёмъ дѣло, онъ приказалъ содержать отца въ Генеральномъ Штабѣ, где онъ просидѣлъ три или четыре мѣсяца“, послѣ чего вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ почти безвыездно жилъ въ своемъ имѣніи Яхонтовѣ, Пензенской губерніи, въ 1830-хъ — 1840-хъ гг. состоя Инсарскимъ предводителемъ дворянства. Его дневникъ за время командировкѣ въ Тульскую губернію, для топографического и статистического описанія Одоевскаго и Бѣлевскаго уѣздовъ, напечатанъ въ „Вѣстнике Европы“ 1900 г., № 8.

54) Федоръ Григорьевичъ Кальмъ, полковникъ (съ 28-го января 1816 г.), въ 1821 году былъ командиромъ 28-го Егерского полка, стоявшаго въ Кашиневѣ и входившаго въ составъ 2-й арміи; затѣмъ онъ командовалъ Одесскимъ полкомъ („Сб. Ист. Общ.“, т. 78), незадолго передъ тѣмъ вступивъ членомъ въ Союзъ благоденствія („Русск. Арх.“ 1866, ст. 1486); активнаго участія въ немъ Кальмъ, повидимому, не принималъ. Присвоенный въ генераль-маиоры 80-го августа 1824 г., онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, но въ декабрѣ 1825 г. былъ арестованъ и привезенъ въ Петербургъ; по словамъ Д. И. Завалишина („Записки декабриста“, т. II, Мюнхенъ. 1904, стр. 35), послѣ ареста сидѣвшаго въ Зданіи Главнаго Штаба, въ комнатахъ квартиры Ф. К. Толя, тамъ, кроме него, собралось нѣсколько арестованныхъ: „полковой командиръ Кончаковъ, Грибоѣдовъ, бригадный генералъ Кальмъ, два брата Раевскіе, Сенявинъ, сынъ адмирала, Малинскій — Подольскій предводитель дворянства — и князь Шаховской. Если бы каждый не былъ занятъ серьеznыми мыслями, то можно даже бы сказать, что намъ было весело. Офицеръ, бывшій при нась... сказалъ намъ: „Господа, дайте мнѣ только слово, что вы не уйдете, а то дѣлайте, что хотите“. Онъ самъ водилъ нась чрезъ ходъ со двора въ кондитерскую Лореда, бывшую рядомъ съ домомъ Главнаго Штаба. Особенно часто водилъ меня.... и Грибоѣдова, игру котораго на фортепіано любилъ слушать. Мы помѣщались всегда, разумѣется, въ отдельной комнатѣ; офицеръ былъ близкій знакомый въ кондитерской, и намъ все подавали изъ внутреннихъ комнатъ хозяинъ“ (см. также брошюру П. Е. Щеголева; „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы“, С. Пб. 1904, стр. 23 — 24).

Какъ видно изъ письма П. Д. Киселева къ К. Я. Булгакову отъ 28-го апреля 1826 г., Кальмъ въ это время былъ уже освобожденъ (А. П. Заблоцкій-Десатовскій, „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“, т. IV, С.-Пб. 1882, стр. 45), и, и уволенъ отъ службы. Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ о

немъ записано слѣдующее: „Принадлежалъ къ Союзу Благоденствія, но вскорѣ отсталъ и не участвовалъ въ Тайныхъ Обществахъ, возникшихъ съ 1821 года. Онъ подозрѣвался въ знаніи о существованіи Южнаго Общества по тому случаю, что подполк. Хотинцовъ оказалъ, будто бы Кальмъ, въ 1823 году, соѣтывалъ ему уклониться отъ Общества, но Кальмъ отвергъ сіе показаніе, и всѣ главные члены удостовѣрили, что со времени уничтоженія Союза Благоденствія Кальмъ не имѣлъ съ ними по Обществу никакого сношенія. Съ 14-го Генваря содержался подъ надзоромъ Дежурнаго Генерала. Высоч. приказомъ 18-го апрѣля 1826 г., по прошенію его, прежде 1-го Генваря поданному, уволенъ отъ службы за ранами, съ мундиромъ и пенсиономъ полнаго жалованія“ (стр. 276 — 277).

55) Николай Павловичъ Воейковъ, штабсъ-капитанъ л.-гв. Московскаго полка, адъютантъ А. П. Ермолова, въ іюль 1825 г. бывшій въ Петербургѣ („Русск. Стар.“ 1872 г., т. VI, стр. 521), по отзыву Ермолова — членъ „благородѣйшихъ свойствъ“ (тамъ-же). На Кавказѣ онъ былъ со-служивцемъ декабриста А. И. Якубовича; нѣсколько писемъ его (1822—1828 г.) съ Кавказа къ А. А. Мухамову напечатаны въ „Сборникѣ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музѣи П. И. Шукина“ (ч. X, М. 1902, стр. 807 — 913). Воейковъ умеръ, будучи Медынскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ декабрѣ 1871 г. и оставилъ записки о своей службѣ на Кавказѣ, гдѣ онъ былъ съ 1816 г., и объ Ермоловѣ („Русск. Арх.“ 1873 г., ч. II, ст. 1484). Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ о немъ отмѣчено слѣдующее: „Былъ взятъ по подозрѣнію о участіи въ мятежѣ 14 декабря и о принадлежности къ Кавказскому Тайному Обществу, о существованіи коего было сдѣлано показаніе княземъ Волконскимъ, со словъ Якубовича, съ которымъ онъ видѣлся на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. По изслѣдованію оказалось, что въ Кавказскомъ корпусѣ тайного общества не существовало, и самъ Якубовичъ впослѣдствіи объяснилъ, что онъ Волконскому говорилъ объ ономъ ложно, и спрошеннные о Воейковѣ главные члены Сѣвернаго и Южнаго Обществъ отозвались, что онъ ни въ первому, ни въ послѣднему, а равно ни въ Союзу Благоденствія не принадлежалъ и въ мятежѣ не только не принималъ участія, но и не зналъ о предположеніи онаго. Содержался въ Главномъ Штабѣ. По Докладу комиссіи, по Высоч. повелѣнію освобожденъ 20 Февраля съ аттестатомъ“ (стр. 181—182).

56) Иванъ Петровичъ Липранди (род. 17-го іюля 1790, ум. въ Петербургѣ 9-го мая 1880 г., погребенъ на Волковомъ кладбищѣ), авторъ пѣн-ныхъ воспоминаній о Пушкинѣ и сочиненій по военной исторіи, участникъ войнъ 1806 — 1807 г. со шведами, 1812 и 1815 г. съ французами и 1828 — 1829 гг. съ турками; началъ службу въ 1807 г. колонновожатымъ, въ свитѣ Е. В. по квартирмейстерской части, съ 1820 г., уже въ чинѣ пол-полковника, служилъ въ Камчатскомъ, съ 1821 — въ Якутскомъ и съ апрѣля по ноябрь 1822 — въ 88-мъ егерскомъ полкахъ, послѣ чего вышелъ въ отставку полковникомъ и состоялъ при гр. М. С. Воронцовѣ, а въ октябрь 1825 г. снова поступилъ въ квартирмейстерскую часть под-полковникомъ (формуляръ). Въ 1820 — 1828 г. Липранди встрѣчался съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ, гдѣ затѣмъ, несмотря на то, что состоялъ пра-вительственнымъ тайнымъ агентомъ, былъ арестованъ — 11-го января 1826 г. (Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. VII, М. 1893, стр. 82), однако Комитетомъ

быть не только оправданъ, но 11-го мая 1826 г. получить Всемилостивѣйшее пожалованіе въ 2000 р. (формуляръ) и въ декабрѣ за отличіе произведенъ въ полковники. Прослуживъ до 1832 г., онъ былъ уволенъ генераль-маюромъ, въ 1840 г. причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1848 г. пожалованъ въ д. с. совѣтники, а съ 1856 г. по 1861 г. былъ причисленъ къ Департаменту удѣловъ, послѣ чего вышелъ въ отставку и въ 1864 г. переименованъ снова въ генераль-маюра.

57) Александръ Павловичъ Воейковъ, до 1825 года служившій, какъ и его младшій братъ Николай (см. выше), въ л.-гв. Московскомъ, а затѣмъ — въ Измайловскомъ полку. Онъ подозрѣвался въ участіи въ заговорѣ, но, послѣ предварительного допроса, Николаемъ I былъ освобожденъ („Алфавитъ“ декабристовъ, стр. 180 — 181). У Зубкова былъ товарищъ по Училищу колонновожатыхъ Воейковъ, но который изъ братьевъ, неизвѣстно.

58) Комендантомъ Петропавловской крѣпости былъ въ это время Александръ Яковлевичъ Сукинъ (р. 1765, ум. 1887). Отзывы декабристовъ не въ пользу коменданта.

59) Зубковъ былъ помѣщенъ въ крѣпость по приказанію императора Николая, сдѣланному въ запискѣ къ Сукину отъ 21-го января: „Присылаемыхъ к. Шишкова, и г. Данзаса и Зубкова содержать подъ арестомъ такъ, какъ содержится Орловъ, но чтобы отнюдь они другъ друга не видѣли“ (ж. „Былое“ 1906 г., № 5, май, стр. 204).

60) Е. М. Подушкинъ (род. въ 1774) былъ крѣпостнымъ плацъ-маюромъ уже въ 1818 г., въ чинѣ маюра, а въ 1825 г. былъ полковникомъ. По словамъ одного изъ декабристовъ, „вся наружность его чрезвычайно какъ походила на того палача, разъ мною видѣнаго рано утромъ, когда я стоялъ въ караулѣ на Сбивной площади, проѣхавшаго мимо на распускахъ на конную площадь съ своею жертвою и съ однимъ будочникомъ. Подушкинъ, всегда поддержаный порядочною дозою водки, имѣть всегда красное лицо, всегда звѣриное. Онъ всегда готовъ быть воспользоваться чужою собственностью, считая арестантовъ, какъ отпѣтыхъ, и злоупотребленіемъ его не было конца, чему могъ свидѣтельствовать столь нашъ, кронверкѣйшій, какой только могъ быть“. Черезъ нѣсколько лѣтъ Подушкинъ, за крупную взятку съ одного заключеннаго, былъ удаленъ со службы въ крѣпости („Воспоминанія о Кронверкской куртизѣ. Изъ записокъ декабриста“ въ книгѣ: „Тайное общество и 14 Декабря 1825 г. въ Россіи“, изд. 2-е, Лейпцигъ, стр. 289 — 290).

61) Ольга Васильевна Зубкова, родившаяся 25-го марта 1825 года; впослѣдствіи была за Вячеславомъ Дмитріевичемъ Евреиновымъ.

62) Для „увѣщаній“ декабристовъ Комитетъ пользовался услугами двухъ священниковъ: протоіерея Петропавловскаго крѣпостного собора о. Стахія и священника Казанскаго собора Петра Николаевича Мысловскаго. Къ Зубкову приходилъ, конечно, не Мыловскій, которому въ это время было 47 лѣтъ, а о. Стахій, по словамъ И. Д. Якушкина, человѣкъ „старый и болѣлъ, какъ луна“. Бесѣда его съ Якушкинымъ была также, какъ и съ Зубковымъ, безреaultатна и ни той, ни другой стороны не доставила удовлетворенія („Записки И. Д. Якушкина“, М. 1905, стр. 87 — 88).

63) О томъ-же свидѣтельствуетъ и Н. В. Басаргинъ въ своихъ „Запискахъ“ („Девятнадцатый Вѣкъ“, кн. II).

64) Александръ Ивановичъ Татищевъ (род. 8-го августа 1763, ум. 17-го июня 1833 г.), военный министръ съ 12-го декабря 1824 по 27-е августа 1827 г., предсѣдатель Слѣдственной комиссіи, за участіе въ ней возведенный, въ день коронаціи Николая I, въ графское достоинство.

65) Александръ Ивановичъ Чернышевъ (род. 1786, ум. 1857), членъ Слѣдственной Комиссіи, за труды въ ней возведенный, въ день коронаціи Николая I, въ графское достоинство, затѣмъ — князь (1841), свѣтлѣйший князь (1849), военный министръ, предсѣдатель Государственного Совѣта.

66) Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ (р. 1783, ум. 1844), генералъ-адютантъ, съ юля 1826 г. шефъ жандармовъ, съ 1832 г. — графъ, достаточно извѣстный своими отношеніями къ Пушкину. Онъ отличился во время подавленія восстанія 14-го декабря и получилъ рядъ наградъ: орденъ Александра Невскаго (25-го декабря 1825 г.), табакерку съ портретомъ Николая I и званіе сенатора (1826).

67) В. К. Михаилъ Павловичъ, членъ Комиссіи.

68) По словамъ Д. И. Завалишича („Записки“, Мюнхенъ. 1904, т. I, стр. 363), Бенкендорфъ и Чернышевъ были „главными дѣйствовавшими лицами въ Комитетѣ“ и, проявляя особенную ревность и усердіе въ допросахъ, „дѣйствовали совершенно недобросовѣстно и обращались вообще грубо“. Другой декабристъ, баронъ В. И. Штейнгель, по поводу процедуры суда и всей его обстановки, писалъ въ своихъ Запискахъ: „Слуги новаго властителя всегда бываютъ чрезмѣрно усердны въ угодливость порывамъ гнѣва его: и рвать готовы. Въ XIX вѣкѣ Комитетъ генералъ-адютантовъ, вмѣщавшій царскаго брата, принялъ обряды инквизиціи! Присутствіе въ домѣ коменданта открывалось ночью. Къ допросамъ водили подъ покрываломъ, накидывая на лицо платокъ. По приводѣ въ передній залъ сажали за ширмы, поставленные въ двухъ углахъ, со словами: „можете теперь открыться“. Въ этомъ ожиданіи за ширмами было слышно, какъ расхаживали по залу плацъ-адютанты, жандармы, аудиторы, вообще — вся военная субальтерія; стучали шпорами, рассказывали анекдоты дня, театральная замѣчанія и хохотами, показывая полное безучастіе къ страдальцамъ. Можетъ быть, такъ было и приказано; а никакой приказъ подобными людьми такъ хорошо не исполняется. — Пишущій это черезъ 27 лѣтъ съ трепетнымъ сердцемъ вспоминаетъ, какъ въ одинъ изъ такихъ сеансовъ могъ видѣть чрезъ замѣченную въ ширмахъ дырочку, что изъ-за другихъ ширмъ вывели за руку товарища страданія, съ завязанными назадъ руками и съ наножнымъ желѣзнымъ прутомъ, такъ что онъ могъ едва двигаться. Едва-ли то былъ не Рыльевъ. — Когда надобно было весть въ присутствіе, плацъ-маіоръ опять накидывалъ платокъ на голову и вводилъ за руку, какъ слѣпого! При этомъ царствовала глубокая тишина. Когда введенного останавливали, раздавался басъ: „откройтесь“, — и приведенный видѣлъ себя предъ самымъ столомъ этого ареопага. — Думали поражать важностью засѣдающаго сената и производили впечатлѣніе, совсѣмъ тому противное“ („Обществ. движенія въ Россіи въ первую половину XIX в.“, стр. 450). Та-же система

запугиванія, издѣвательства и вообще недобросовѣтности, которую примѣнилъ Бенкендорфъ, напр., къ кн. С. П. Трубецкому („Записки декабристовъ“, в. II и III, Лонд. 1863, стр. 29), видна и въ допросѣ В. П. Зубкова, переданномъ имъ со стenографической точностью.

69) Пав. Ив. Колошинъ, какъ сказано было выше (примѣч. 6-е), женился въ апрѣль 1824 г. на графинѣ Александрѣ Григорьевнѣ Салтыковой.

70) Намъ ничего не извѣстно объ этой Справочной конторѣ.

71) Т. е. Надворнаго Суда.

72) Родители И. И. Пущина были: Иванъ Петровичъ (ум. 7-го октября 1842 г., на 88 году, въ чинѣ генераль-лейтенанта и званіи сенатора) и Александра Михайловна, рожд. Рабинина (ум. въ 1841 г.; К. Я. Гротъ, „Ист. Вѣст.“ 1905, № 8, стр. 425), у которыхъ было еще три сына и шесть дочерей.

73). Жанъ-Луи Делольмъ (р. 1740, ум. 1806 г.), швейцарскій публицистъ, долго проживавшій въ Англіи, авторъ многихъ работъ по вопросамъ государственного права, среди которыхъ главное мѣсто занимаетъ его сочиненіе „Constitution de l'Angleterre“, много разъ переиздававшееся и переведенное на англійскій и французскій языки.

74) Жанъ-Батистъ Сай (р. 1767, ум. 1832), французскій экономистъ, послѣдователь идей А. Смита, оставилъ много сочиненій по политической экономіи.

75) Сиомонди (р. 1773, ум. 1842), историкъ и исследователь соціальныхъ и политико-экономическихъ вопросовъ, авторъ сочиненія „Nouveaux principes de l'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la population“.

76) Экспедитора Гражданской канцелярии Московскаго Генераль-губернатора.

77) Лицо, намъ неизвѣстное.

78) Вѣроятно, Василій Ивановичъ Даниловъ, служившій въ это время на С.-Петербургскомъ Монетномъ Дворѣ смотрителемъ по плавкѣ мѣди и лаборантомъ въ лабораторіи раздѣленія золота отъ серебра; но онъ въ 1824 — 1827 гг. былъ уже оберъ-бергмейстеромъ 7-го класса, а не оберъ-гиттенфервалтеромъ (Мѣсацесловъ). Онъ умеръ 23-го іюня 1848 г., на 68 г., въ чинѣ генераль-маіора Корпуса Горныхъ инженеровъ.

79) Александръ Ивановичъ Якубовичъ, декабристъ первого разряда. Началъ службу въ л.-гв. Уланскомъ полку юнкеромъ и 20-го декабря 1816 г. произведенъ въ корнеты, но въ 1818 г., 20-го января, „зе неприличный поступокъ“ (какъ значится въ приказѣ) переведенъ былъ прaporщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ (П. О. Бобровскій, Исторія Л. гв. Уланского полка, прил. ко 2-му тому, С.-Пб. 1903, стр. 306). Неприличный поступокъ Якубовича состоялъ въ участіи его въ дуэли гр. А. П. Завадовскаго съ В. А. Шереметевымъ (1817 г.), на которой послѣдній былъ убитъ; замѣшанный въ это дѣло Грибоѣдовъ вызывалъ Якубовича, и дуэль ихъ состоялась позже, въ Тифлисѣ, въ октябрѣ 1818 г., при чёмъ Грибоѣдовъ былъ раненъ въ лѣвую ладонь. „На Кавказѣ, говоритъ И. И. Пущинъ, онъ служилъ отлично; Ермоловъ не разъ давалъ ему очень важныя и весьма опасныя порученія. Онъ тамъ прославился смѣлыми своими набѣгами на горцевъ. Спустя 12 лѣтъ Розенъ, одинъ

изъ нашихъ (Андрей Евгеньевичъ)... переведенный... на Кавказъ, писалъ оттуда, что многіе линейные казаки еще помнятъ Якубовича и рассказываютъ про его удалые подвиги" (И. И. Пущинъ, "Четыриадцатое декабря" въ книжѣ: „Тайное общество и 14 декабря 1825 г.“, изд. 2-е, Лейпцигъ, стр. 16). Во время одного изъ такихъ набѣговъ, въ августѣ 1823 г., Якубовичъ былъ раненъ въ голову („Сборн. Старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музѣй П. И. Щукина“, ч. X, М. 1902 г. стр. 11 и 12), почему съ тѣхъ поръ всегда носилъ повязку. Пріѣхавъ лѣтомъ 1825 г. въ Петербургъ, онъ, не вступая, собственно, въ общество, предложилъ членамъ его свои услуги, такъ какъ питалъ личную ненависть и неудовольствіе къ Александру I (за переводъ изъ гвардіи) „и въ 17-ти дневный періодъ (междуцарствія) члены тайного общества убѣждены были, что при возможности онъ себя покажетъ“ („Записки барона В. И. Штейнгеля“, стр. 443). Но, какъ дѣятель, Якубовичъ не внушилъ довѣрія: по словамъ Пущина, онъ „быть великий хвастунъ и при всякомъ случаѣ отпускалъ самые отчаянныя фразы, не имѣя при томъ никакого политического убѣжденія“ („Тайное общество и 14 декабря 1825 г.“, стр. 16). Во время восстанія 14-го декабря онъ вель себя весьма странно: приведя на Сенатскую площадь Московскій полкъ, Якубовичъ сказалъ А. А. Бестужеву, что „чувствуетъ сильную головную боль и исchezъ съ площади... Потомъ онъ стоялъ въ толпѣ около императора, съ какою цѣлью — никому не известно“ (тамъ же, стр. 17). По приговору Суда онъ былъ обвиненъ въ томъ, что „умышлялъ на цареубійство съ вызовомъ на лишеніе жизни покойнаго государя и сверхъ того предложилъ бросить жребій на убиеніе нынѣ царствующаго императора; былъ на совѣщаніяхъ общества и зналъ его тайны относительно бунта, хотя и не былъ привлѣтъ въ оное, лично действовалъ въ мятежѣ“ и т. д. Приговоренный къ смертной казни, онъ былъ сосланъ въ Нерчинскіе рудники, а затѣмъ жилъ около Иркутска; въ 1842 г. его видѣлъ Н. А. Бѣлоголовый, по словамъ котораго Якубовичъ „быть высокий, худощавый и очень смуглый человѣкъ, съ живыми черными глазами и большими усами; всѣ движения его были полны живости и энергіи“ („Воспоминанія“, изд. 8-е, М. 1898, стр. 4-5). Онъ умеръ въ Енисейскѣ 10-го сентября 1845 г. („Записки А. Е. Розена“, Лейпцигъ. 1870). Якубовичъ оставилъ записки, но онѣ до сихъ поръ не изданы и не известно, где находятся (газета „Россія“ 1901 г., № 870).

80) Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ (род. 18-іюля 1792, ум. 5-го сентября 1860), въ 1824 г. (9-го января) изъ директоровъ училищъ Тульской губерніи былъ переведенъ въ Канцелярію Московскаго Военнаго генераль-губернатора „для особыхъ порученій“, гдѣ въ это время въ томъ-же званіи былъ и Зубковъ. Нечаевъ былъ женатъ на Софѣ Сергеевнѣ Мальцовой; въ молодости, въ 1820-хъ гг., онъ сотрудничалъ въ различныхъ журналахъ и альманахахъ и былъ членомъ Общества любителей Россійской словесности; впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Синода, сенаторъ и д. тайн.совѣтникъ.

81) Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой (ум. въ Москвѣ 22-го ноября 1860 г.), полковникъ л-га. Преображенскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса, декабристъ первого разряда; управлялъ дѣлами Сѣвернаго Общества (вмѣстѣ съ Никитою Муравьевымъ и кн.

Е. П. Оболенскимъ). На собраніи декабристовъ у Рыльева 12-го декабря было рѣшено на время восстанія „ввѣрить начальство надъ войскомъ князю Трубецкому, если къ тому времени не прибудетъ изъ Москвы М. Ф. Орловъ“ (Записки бар. А. Е. Розена, стр. 86). Однако, Трубецкой не рѣшился взять на себя командование въ критический моментъ: „узнавши, что Московскій полкъ пришелъ на сборное мѣсто, диктаторъ совершилъ потерянія и, присягнувши въ штабѣ Николаю Павловичу, онъ потомъ стоялъ съ его свитой“ (И. И. Шущинъ, Четыриадцатое декабря, стр. 28—29). Отнесенный къ первому разряду декабристовъ, онъ былъ сосланъ въ каторжныя работы въ Нерчинскіе рудники; за нимъ, первая изъ жень декабристовъ, послѣдовала его жена, Наталья Ивановна, рожд. гр. Лаваль. Кн. С. П. Трубецкой оставилъ записки, вошедшия въ серію „Записокъ декабристовъ“ (вып. II — III, Лондонъ. 1863).

82) Князь Сергій Григорьевичъ Волконскій (род. 1788, ум. 28-го ноября 1868 г.), декабристъ первого разряда, авторъ извѣстныхъ „Записокъ“.

83) Слѣдственная Комиссія съ особою тщательностью разслѣдовала этотъ вопросъ, надѣясь найти поводъ къ сверженію нелюбимаго Николаемъ I Алексѣя Петровича Ермолова, главнокомандующаго въ Грузіи. См. выше, стр. 177, въ примѣч. 55-мъ.

84) Сергій Сергеевичъ Кушниковъ (р. 1765, ум. 1839 г.), родной, по матери, племянникъ исторіографа Карамзина, съ 1807 г. сенаторъ, съ 1-го июня 1826 г. — членъ Верховнаго уголовнаго суда надъ декабристами. По словамъ Карамзина, „Россія можетъ гордиться такимъ сенаторомъ, а человѣчество — такимъ человѣкомъ“. Кушниковъ умеръ въ званіи предсѣдателя одного изъ департаментовъ Государственнаго Совѣта; о немъ см. „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ“, т. II.

85) Денисъ Васильевичъ Давыдовъ (р. 1784, ум. 1889), извѣстный партизанъ, поэтъ и военный писатель; въ „Сочиненіяхъ Д. В. Давыдова“, изд. 1893 г., т. III, стр. 156 — 160, напечатано четыре письма Давыдова къ Якубовичу (1824 — 1825 гг.).

86) О родителяхъ Якубовича мы не могли отыскать никакихъ указаний.

87) Собраніе декабристовъ проходило у Рыльева и Оболенского 12-го декабря, утромъ и вечеромъ, и 13-го декабря вечеромъ, снова у Рыльева, въ домѣ Россійско-Американской Компаниіи.

88) Есть, однако, противоположное указаніе одного изъ декабристовъ („Воспоминанія о Кронверкской куртизѣ“ въ книгѣ „Тайное общество и 14 декабря 1825 г. въ Россіи“, изд. 2-е, Лейпцигъ, стр. 293); по его словамъ, Пестель передъ казнью „говорилъ очень тихо: онъ былъ послѣ болѣзни, испытавши всѣ возможныя истязанія и пытки временъ первого христіанства. Два кровавые рубца на головѣ были свидѣтелями этихъ пытокъ. Полагать должно, что желѣзный обручъ, крѣпко свинченный на головѣ, съ двумя вдавленными глубокими жолобами, оставилъ на головѣ его свои глубокіе два кровавые рубца“. Другой декабристъ, баронъ В. И. Штейнгель, говоря, въ своихъ „Запискахъ“, что пытки при допросахъ не употребляли, пишетъ, что слѣдователи „дозволяли себѣ для вынужденія сознанія налагать желѣза на руки и на ноги и опредѣлять въ дѣту хлѣбъ

и воду; какъ будто это не то же. Прибавьте къ этому содержаніе въ сирадныхъ, нечистыхъ „номерахъ“, наполненныхъ всякаго рода насѣко-мыми. Въ нихъ страдальца отдаляла одна брусная, со сквозными пазами, перегородка, отъ инвалидовъ, на ночь тоже запираемыхъ.... и скажите, что это—не пытка“ (Записки Бар. В. И. Штейнгеля въ изд. „Общество. движенія“ и т. д., т. I, стр. 450 — 451).

89) Князь Александръ Петровичъ Барятинскій (р. 1798 г.), штабс-ротмистръ л.-гв. Гусарскаго полка, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміей гр. Витгенштейна, былъ членомъ Южнаго общества и, отнесенныи къ 1-му разряду декабристовъ, былъ заключенъ въ Кексгольмскую крѣпость, потомъ сосланъ въ каторжныя работы, а затѣмъ поселенъ (1840 г.) въ Тобольскѣ, гдѣ и умеръ 19-го августа 1844 года (см. А. И. Дмитревъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири“, изд. 2-е, С.-Пб. 1905).

90) Павелъ Ивановичъ Честель, глава заговора декабристовъ, казнен-ный 13-го іюля 1826 г.

91) Князь Петръ Николаевичъ Барятинскій, титуллярный совѣтникъ, умеръ въ концѣ 1827 или въ началѣ 1828 г., оставилъ дочерей: Варвару, дѣвицу, и Екатерину, бывшую въ замужествѣ за подпоручикомъ Мануко-вымъ („Моск. Вѣд.“ 1828 г., № 16, стр. 695).

93) Андрей Ивановичъ Сабуровъ (род. 30-го іюля 1797, ум. 13-го фе-враля 1866 г.), впослѣдствіи директоръ театровъ, оберъ-гофмаршалъ; адъю-тантъ военнаго министра А. И. Татищева (съ 11-го декабря 1823 до 8-го ноября 1827 г., когда былъ переведенъ полковникомъ въ Елизаветград-скій гусарскій полкъ), штабс-ротмистръ л.-гв. Гусарскаго полка.

94) Алексѣй Павловичъ Ушаковъ (р. 1795, ум. въ іюлѣ 1882 г.), капитанъ л.-гв. Егерскаго полка, адъютантъ В. Е. Михаила Павловича (1819 — 1827), съ 1828 г. въ д. шталмейстера двора Великаго Князя, впо-слѣдствіи тайн. сов., шталмейстеръ Высочайшаго Двора.

96) Михаиль Ивановичъ Пущинъ (р. 1800, ум. 25-го мая 1869 г.), родной братъ И. И. Пущина, началъ службу въ 1-мъ саперномъ баталь-онѣ, изъ котораго былъ переведенъ (1818) въ л.-гв. саперный батальонъ, а затѣмъ (11-го февраля 1819 г.) — въ л.-гв. конно-штурмовой эскадронъ („Исторія л.-гв. Саперного батальона“, С.-Пб. 1897) и въ 1824 г. былъ уже капитаномъ. По приговору Верховнаго уголовнаго суда, былъ отнесенъ къ десятому разряду и за то, что „зналъ о приготовленіи къ матежу, но не донесъ“, былъ лишенъ чиновъ и дворянства и написанъ въ солдаты до выслуги. Сосланный въ Сибирь, онъ былъ потомъ переведенъ на Кав-казъ, гдѣ отличался своими выдающимися способностями, знаніями и храбростью во время войны въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 гг. Здѣсь, въ лагерѣ Паскевича, Пущинъ встрѣтился у Е. Н. Раевскаго только-что пріѣхавшаго Пушкина, о свиданіи и жизни котораго онъ оставилъ любо-вытную и цѣнную записку, напечатанную Л. Н. Майковымъ (см. его книгу „Пушкинъ“, С.-Пб. 1899, стр. 385 — 396). Объ этомъ же свиданіи находимъ указаніе въ письмѣ М. И. Пущина къ брату Ивану Ивановичу изъ Кисловодска отъ 26-го августа 1829 г.: „Время здѣсь провожу до-вольно пріятно“, писалъ онъ. „Лицейской твой товарищъ Пушкинъ, который съ никою въ рукахъ слѣдилъ Турокъ передъ Азруломъ, по-взятіи онаго возвратился отъ туда и пріѣхалъ ко мнѣ на воды — мы

вийствъ пьемъ по нѣсколько стакановъ кислой воды и по даѣ ванны при-
нимаемъ въ день — разумѣется часто о тебѣ вспоминаемъ — онъ любить
тебя постарому и надѣется, что и ты сохранишь къ нему то-же чувство”
(„Шукинскій Сборникъ”, вып. III, М. 1904, стр. 324). Впослѣдствіи Пу-
щина былъ д. с. совѣтникомъ, а затѣмъ генералъ-майоромъ и комендан-
томъ Бобруйской крѣпости. Съ 1831—1884 г. Пущинъ былъ женатъ (1-мъ
бракомъ) на С. П. Пальчиковой, сестрѣ друга Зубкова, В. П. Пальчикова
(см. выше, стр. 175) (К. Я. Гrottъ, „Ист. Вѣстн.“ 1905, № 8, стр. 425 и сл., гдѣ
приведены выдержки изъ Записокъ М. И. Пущина).

97) Гавриилъ Степановичъ Батенковъ (р. въ Томскѣ 25-го марта 1793,
ум. 29-го октября 1863 г. въ Калугѣ и погребенъ въ имѣніи помѣщицы
Елагиной), одинъ изъ даровитѣйшихъ людей своего времени, сотрудникъ
Сперанскаго по его дѣятельности въ Сибири, гдѣ онъ управлялъ
Хокругомъ путей сообщенія; подполковникъ корпуса инженеровъ путей
сообщенія, членъ Сѣвернаго общества, декабристъ третьаго разряда,
былъ приговоренъ къ каторжной работѣ на 20 лѣтъ, но вмѣсто этого, по
особому повелѣнію Николая I, былъ продержанъ эти 20 лѣтъ въ одиноч-
номъ заключеніи въ фортѣ Свартгольмѣ, на Аландскихъ островахъ, а за-
тѣмъ — въ Алексѣевскомъ равелинѣ, послѣ чего, уже въ 1846 г. сосланъ
въ Томскъ на поселеніе. „Одиночество сильно на него подействовало, но
здоровье выдержало это тяжелое испытаніе, — онъ и мыслию теперь начи-
наетъ освѣжаться”, писалъ И. И. Пущинъ Д. И. Завалишину 24-го апрѣля
1848 г. („Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музѣй П. И.
Шукіна, ч. X, М. 1902, стр. 291). Въ Томскѣ Батенковъ прожилъ до ам-
нистіи декабристовъ въ 1856 году, а затѣмъ выѣхалъ въ Россію. О Батен-
ковѣ см. „Русскій Архивъ“ 1881 г., кн. 2, „Русск. Стар.“ 1889 г., т. LXIII
и книгу А. И. Дмитріева-Мамонова: „Декабристы въ Западной Сибири“,
изд. 2-е, С.-Пб. 1905.

98) Евдокія Петровна Алмазова, жена Николая Петровича (р. 1783,
ум. 1864 г.), мать поэта-юмориста Бориса Николаевича Алмазова (р. 1827,
ум. 1876 г.); о ней въкоторыя свѣдѣнія находятся въ біографіи ея сына
(см. Сочиненія Б. Н. Алмазова, т. I, М. 1892).

99) В. К. Михаилъ Павловичъ.

100) Князю Д. В. Голицыну, Московскому Военному генералъ-губер-
натору.

101) Въ Харьковѣ, по доносу Шервуда, были арестованы два члена
тайного общества: графъ Яковъ и племянникъ его графъ Андрей Бул-
гари, а также графъ Николай Булгари, поручикъ лейбъ-кирасирскаго
полка („Русск. Стар.“ 1897 г., т. LXXXIX, стр. 208—211); послѣдній былъ,
дѣйствительно, членомъ Южнаго общества, отнесенъ былъ къ седьмому
разряду преступниковъ и, по молодости его лѣтъ, приговоренъ къ крѣ-
постной работѣ на два года; а затѣмъ переведенъ на Кавказъ. Однаго
изъ первыхъ, вѣроятно и видѣлъ В. П. Зубковъ.

102) Александръ Дмитріевичъ Боровковъ (род. 10-го іюня 1788, ум.
21-го ноября 1856 г.), писатель, одинъ изъ основателей Общества люби-
телей россійской словесности (1817 г.), составитель проекта образованія
Слѣдственной Комміssіи для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ
и правитель ея дѣль. Его біографія, а также весьма цѣнная Записки, въ

которыхъ много говорится и о декабристахъ, напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1898 г., № 9 — 12.

103) Екатерина Владимировна Апраксина, рожд. кн. Голицына, воспитательница свояченицы В. П. Зубкова, С. Ф. Пушкиной, впослѣдствіи Паниной; о ней см. въ предисловіи.

104) Софья Федоровна Пушкина, воспитанница Е. В. Апраксиной, въ 1827 г. вышедшая за-мужъ за Валеріана Александровича Панина; см. выше, стр. 104 — 107.

105) Иванъ Федоровичъ Пушкинъ (род. въ 1799, ум. 8-го июня 1834 г.), шуринъ В. П. Зубкова; воспитывался съ 1812 г. въ Цажескомъ корпусѣ, откуда выпущенъ былъ въ 1818 г. прапорщикомъ въ Бородинскій пѣхотный полкъ, а въ 1821 году переведенъ былъ въ л.-гв. Павловскій полкъ съ назначениемъ адъютантомъ къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанту Нейдгардту; въ 1826 г. Иванъ Федоровичъ былъ переведенъ въ Семеновскій полкъ и, оставаясь при Нейдгардѣ, въ 1828—1829 г. былъ въ Турецкой кампаніи и находился при осадѣ и взятіи Варны. 14-го декабря 1825 г. Пушкинъ былъ, въ рядахъ Павловскаго полка, на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ и 15-го декабря, въ числѣ прочихъ, получилъ Высочайшую признательность „за привѣрный порядокъ, усердіе и точность въ исполненіи Высочайшихъ повелѣній“. Приведенный въ 1831 г. въ штабсъ-капитаны, онъ въ 1832 г. назначенъ состоять по арміи, затѣмъ находился въ Комиссариатскомъ штатѣ и умеръ въ чинѣ маюра въ Москвѣ, гдѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, недалеко отъ могиль С. Ф. и В. А. Паниныхъ. По словамъ А. Я. Булгакова, П. былъ женатъ на Боборыкиной („Русск. Арх.“ 1906, № 7, стр. 420).

106) Вероятно, князь Александръ Борисовичъ Черкасскій (ум. 8-го июля 1890), въ 1823 — 1829 гг. служившій, въ званіи камеръ-юнкера, при Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; двоюродный братъ князя П. Д. Черкасскаго (см. примѣч. 16-е). Въ „Алфавитѣ“ декабристовъ его неѣть.

107) Здѣсь разумѣется, вероятно, Иванъ Николаевичъ Тютчевъ (ум. 1846 г.), отецъ поэта Ф. И. Тютчева и Николая Ивановича Тютчева (род. 9-го июня 1801, ум. 8-го декабря 1870), товарища В. П. Зубкова по выпуску изъ училища колонновожатыхъ, гдѣ одновременно съ ними окончилъ курсъ и родной племянникъ Ивана Николаевича — Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ (р. 1800, ум. 1857), на сестрѣ котораго, Анастасіи Васильевнѣ (р. 1806, ум. 1846), былъ женатъ Иванъ Дмитріевичъ Якушинъ.

108) Графъ (съ 1825 г.) Алексѣй Федоровичъ Орловъ (р. 1787, ум. 1862), впослѣдствіи князь, братъ Михаила Федоровича Орлова (см. примѣч. 2-е), съ 1820 г. — генералъ-адъютантъ, съ 1835 г. — членъ и съ 1856 г. предсѣдатель Государственного Совѣта; въ 1844 г. послѣ смерти Бенкendorфа, назначенъ начальникомъ III отдѣленія и шефомъ жандармовъ.

109) Князь Александръ Сергеевичъ Меншиковъ (р. 1787, ум. 1869), въ это время генералъ-маиръ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, впослѣдствіи (съ 1828) морской министръ, начальникъ Главнаго Морскаго штаба, главнокомандующій въ Крыму (1858 — 1855), членъ Государственнаго Совѣта.

110) Илья Степанович Сарачинский (р. 1786, ум. 1845 г.)—въ это время уже отставной генералъ-маоръ; жившій въ Москвѣ; онъ былъ женатъ на дочери фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского—Екатеринѣ Михайловнѣ (р. 1787, ум. 31-го декабря 1826 г.), бывшей въ 1-мъ бракѣ за княземъ Николаемъ Даниловичемъ Кудашевымъ (ум. 1818).

111) Графъ (съ 1832 г.) Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ (р. 1772, ум. 1848) былъ назначенъ С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ послѣ того, какъ гр. М. А. Милорадовичъ былъ убитъ Каховскимъ во время восстания 14-го декабря.

112) Князь Евгений Петровичъ Оболенский (ум. въ Калугѣ 26-го февраля 1865 г.), поручикъ л.-гв. Финляндскаго полка, декабристъ первого разряда; былъ въ каторжныхъ работахъ, затѣмъ — на поселеніи въ Иркутскѣ, Турийскѣ и Ялуторовскѣ, откуда въ 1856 г. вернулся въ Россію. Его „Воспоминанія“ напечатаны въ „Русскомъ заграничномъ сборникѣ“ (ч. IV, тетр. V, Лейпцигъ, 1861). Князь Е. П. Оболенский былъ двоюроднымъ братомъ пріятеля В. П. Зубкова—С. Н. Кашкина (см. выше, примѣч. 12-е). Его показаніе на Зубкова см. выше, стр. 97.

113) Мать В. П. Зубкова — Наталья Петровна, рожд. Евреинова (р. 16-го апрѣля 1775, ум. 5-го июня 1845 г.).

Къ стр. 95. На группѣ пріятелей И. Н. Горсткинъ узналъ С. А. Панчулидзеъвымъ.

Григорій Александровичъ Пушкинъ.

Род. 14-го мая 1835 † 5-го августа 1905.

(Личныя воспоминанія).

Г. А. Пушкинъ, младшій сынъ поэта, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, откуда вышелъ корнетомъ въ л.-гв. Конный полкъ въ 1853 г. Прослуживъ въ полку до 1860 г., онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ коман-диру отдѣльного Гвардейскаго корпуса, затѣмъ въ 1862 г. переведенъ въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи подпол-ковникомъ, въ 1866 г. переименованъ въ надворные, а въ 1867 г. произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Въ де-кабрѣ 1875 г. Г. А. былъ утвержденъ почетнымъ миро-вымъ судьею по Опочецкому уѣзду Псковской губ., а въ 1895 г. уволенъ отъ службы по Министерству Внутрен-нихъ Дѣлъ съ производствомъ, въ февралѣ 1896 г., въ статскіе совѣтники.

Вотъ оффіциальное прохожденіе службы Григорія Александровича.

Лично мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ въ 1869 году. Проведя все дѣтство и значительную часть юности въ Тригорскомъ, среди свѣтлыхъ воспоминаній, тогда еще столь живыхъ, о поэѣ; постоянно слушая

рассказы о немъ моихъ родственницъ по матери — Марії Ивановны Осиповой и Екатерины Ивановны Фокъ, приходящихся мнѣ бабушками, я не могъ не интересоваться Григориемъ Александровичемъ, который сперва бывалъ въ Михайловскомъ наездомъ, на лѣто, а съ 1866 г. прѣхалъ на постоянное жительство въ Михайловское, которое хотя и принадлежало роду Пушкиныхъ давно, но досталось ему не по наслѣдству, а было имъ пріобрѣтено при раздѣлѣ.

13-ти лѣтъ, въ 1869 году, я впервые попалъ въ Михайловское и съ тѣхъ поръ каждое лѣто почти что жилъ тамъ, бывая или почти ежедневно, или проводя тамъ по вѣсколько дней подрядъ (расстояніе между Тригорскимъ и Михайловскимъ около $2\frac{1}{2}$ верстъ).

Домъ, село и вообще все хозяйство имѣнія были приведены въ порядокъ самимъ Григориемъ Александровичемъ, занимавшимся этимъ дѣломъ съ любовью. На моей памяти: собственно и выросло все село, и обстроилось, заведены были хорошия службы, насаженъ небольшой фруктовый садъ и заведена небольшая оранжерея. Изъ построекъ, уцѣлѣвшихъ отъ временъ дѣда и отца Григорія Александровича, къ нему перешелъ только небольшой флигелекъ, стоящій на углу квадратнаго двора, занятаго посерединѣ круглымъ садикомъ, тоже разведеннымъ имъ самимъ. Все это было выстроено постепенно втечениѣ болѣе 20 лѣтъ времени. Великолѣпный видъ съ балкона на ближнее Петровское озеро и протекающую черезъ него р. Сороть, съ заливными лугами и холмами вдали, ограничивающими рѣчную долину, дополняется съ другой стороны села видомъ на большой, многолѣтній сосновый боръ, подошедший почти что къ самой оградѣ села. Этотъ лѣсъ былъ предметомъ особенной заботливости Григорія Александровича, очень бережливо и внимательно къ нему относившагося.

Среди хозяйственныхъ заботъ любимымъ развлечениемъ Григорія Александровича была охота: лѣтомъ съ лягавою, осенью съ гончими, а зимою — обкладываніе звѣря и облава на него. Мое первое знакомство съ Григоріемъ Александровичемъ было на охотѣ; лѣтомъ, въ іюль, мы всеѣ Тригорскіе жители: М. И. Осипова, К. И. Фокъ, мать моя и я проѣзжали на долгушкѣ дорогою къ перевозу черезъ р. Сороть. Путь шелъ низкимъ лугомъ, частью заросшимъ низкимъ кустарникомъ; среди него мелькали двѣ фигуры въ бѣломъ и изрѣдка раздавались выстрѣлы: это Григорій Александровичъ охотился на сѣрыхъ куропатокъ; его фигура въ бѣломъ, съ большою черною бородою, произвела на меня сильное впечатлѣніе и мнѣ, какъ отдаленная звѣзда, блеснула мечта когда-нибудь, въ будущемъ, тоже походить съ нимъ рядомъ.

Прошло еще два года, втеченіе которыхъ я видалъ Григорія Александровича раза два-три въ Тригорскомъ, прїѣзжавшаго туда на короткое время съ визитомъ къ соѣдямъ. Постоянныя разсказы и воспоминанія о его отцѣ, о быломъ времени и попутно о немъ самомъ М. И. Осиповой, которая всегда относилась къ Григорію Александровичу особенно тепло, поддерживали во мнѣ какое то чувство боязливаго желанія тоже войти въ кругъ лицъ, бывавшихъ въ Михайловскомъ. Наконецъ это и случилось лѣтомъ 1869 г. Охота только что официаль но открылась, былъ конецъ іюня, появились первые выводки утятъ,— и вотъ управлявшій тогда въ Тригорскомъ П. Н. Бекманъ, тоже большой охотникъ, предварительно переговоривши съ Г. А. Пушкинымъ и съ разрѣшеніемъ моей матери, повезъ меня утромъ въ Михайловское, откуда мы должны были щѣхать за утками на заросшее озеро, по краямъ котораго былъ зыбунъ, и гдѣ всегда бывало много утокъ. Озеро принадлежало къ имѣнію Петров ское, лежащему въ 4 верстахъ отъ Михайловскаго, на

берегу большого озера того же имени, куда оно и имѣло истокъ.

Григорій Александровичъ заботливо снабдилъ меня охотничьей обувью (такъ называемыми поршнями) и, выбравъ изъ своей коллекціи нетяжелое и удобное ружье, обстоятельно объяснилъ все и серезно, нѣсколько разъ повторялъ, чтобы я никогда не опирался на него, не клалъ бы рукъ на дуло и вообще все время помнилъ, что у меня въ рукахъ ружье, а не палка.

Два егеря отправились отъ запруды на нижнемъ концѣ заросшаго озера на членѣ по остававшейся еще свободной полоскѣ воды посрединѣ, а мы разошлись по разнымъ точкамъ берега и оттуда, по зыбкому ковру сплевшихся корней болотныхъ растеній, стали пробираться къ окраинѣ воды. Не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ выстрѣловъ, какъ меня стали звать къ берегу. Оказалось, что хозяинъ озера почему то пожелалъ запретить охоту на немъ, до тѣхъ поръ безпрепятственно производившуюся ежегодно. Выйдя на берегъ, я засталъ Григорія Александровича, очень спокойно выслушавшаго передачу запрещенія охотиться. Усѣлись мы въ экипажъ и поѣхали домой; спутники мои выражали свое неудовольствіе довольно громко, Григорій Александровичъ же не проронилъ ни одного слова по поводу случившагося и затѣмъ никогда обѣ этомъ не вспоминалъ и не говорилъ, когда бы ни случилось говорить о его сосѣдѣ или по его поводу. Такое корректное отношеніе тогда же поразило меня, и хотя я не могъ его обсудить и взвѣсить, но педагогическое вліяніе на меня оно имѣло большое: люди воспитываются не словами и наставленіями, а примѣрами.

За время, что я видалъ и зналъ Григорія Александровича, помню только одинъ случай, когда онъ вышелъ изъ себя и потерялъ самообладаніе: когда разъ, случайно, онъ поймалъ кучера въ кражѣ овса изъ яслей лошадей, кото-

рыхъ у него было не много, но вся хорошія, кровныя,— свой маленький рысистый заводъ.

Къ своему любимому развлеченню — охотѣ — онъ относился, какъ и ко всему, — серьезно. Онъ не любилъ охотиться между прочимъ, а ужъ если посвящалъ день охотѣ, такъ еще съ вечера дѣлалъ вся распоряженія, и утромъ рано, еще по холодку, отправлялись мы съ нимъ вдвоемъ, иногда втроемъ — съ егеремъ Никифоромъ, тоже страстнымъ охотникомъ, чувствовавшимъ вся лучшія стороны этого занятія, при чёмъ добыча — было дѣло второстепенное. На охоту уходилъ весь день до заката, съ небольшимъ отдыхомъ по серединѣ, при чёмъ за день дѣлали верстъ 20 — 25 по болотамъ или лѣсамъ и опушкамъ, смотря по характеру охоты. Случалось, что къ мѣсту охоты приходилосьѣхать довольно далеко; благодаря этому Григорій Александровичъ зналъ отлично огромное пространство окружающей мѣстности Опочецкаго, Островскаго и Новоржевскаго уѣздовъ. Приходилосьѣзжать и на нѣсколько дней, жить на гумнахъ, въ деревняхъ; конечно, при этомъ неизбѣжно приходилось имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ крестьянъ разнаго рода и склада, и я не знаю ни одного случая, когда бы изъ-за охоты или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ вышло бы у Григорія Александровича какое-либо недоразуміе.

Помню такой случай. Дѣло было осенью, въ сентябрѣ; около одной деревни, кажется Рѣдкино, верстахъ въ 25 отъ Михайловскаго, въ большомъ болотѣ былъ найденъ выводокъ волковъ. Наканунѣ вечеромъ мы вдвоемъ съѣздили поднять окончательно волковъ, которые совершенно ясно обозначили свое мѣсто. На утро была назначена облава, въ деревнѣ наняты загонщики, а участники охоты были уведомлены о томъ. Къ 8 ч. утра вся были на мѣстахъ, и Григорій Александровичъ завелъ линію загонщиковъ, но волковъ въ загонѣ не оказалось. Не

трудно было догадаться, что ихъ нарочно спугнули подъ утро, при чмъ не было сомнѣнія, что все это было дѣломъ одного изъ крестьянъ той же деревни. Нѣкоторые изъ участниковъ облавы, взвинченные происшествіемъ, были непрочь наговорить и надѣлать непріятностей наруши-телю всего предпріятія; однако, Григорій Александровичъ, которому, какъ устроителю, было всего болѣе до-садно и непріятно, такъ умѣло и тактично распоряжался, пользуясь своимъ авторитетомъ у всѣхъ участниковъ охоты изъ среды окружающихъ погонщиковъ, что всѣ успокоились и разъѣхались по домамъ. Не знаю случая, когда бы спорили противъ его признанного авторитета въ какихъ-либо щекотливыхъ обстоятельствахъ и дѣлахъ.

Охоту онъ любилъ и зналъ въ совершенствѣ, при чмъ онъ отъ начала дѣлалъ все самъ: на облавахъ онъ самъ обходилъ и объѣзжалъ на саняхъ звѣря, самъ заводилъ облаву; съ гончими онъ самъ распоряжался ходомъ охоты; въ лѣсу и на болотѣ онъ зналъ всѣ обычай и нравы тѣхъ птицъ и звѣрей, на которыхъ шла охота. Имѣлъ въ своей библіотекѣ разныя сочиненія по зоологии и, между прочимъ, тогда столь знаменитаго Брема; онъ чрезвычайно много дополнилъ свои знанія большою наблюдательностью надъ жизнью и обычаями звѣрей. Онъ искренно любилъ природу и всегда любовался ею; какъ настоящій художникъ въ душѣ — онъ умѣль находить красоту во всѣхъ проявленіяхъ ея, чувствовать и оцѣнивать ее. Постоянная жизнь въ деревнѣ, при рѣдкихъ выѣздахъ въ городъ, а въ послѣдніе годы почти базы выездная, конечно способствовала развитію подобныхъ сторонъ характера Григорія Александровича, полученныхъ имъ не-сомнѣнно въ наслѣдство.

Его разсказы изъ охотничьей жизни всегда были отмѣчены цѣлымъ рядомъ замѣчаній, показывавшихъ тонкую наблюдательность и умѣніе обратить вниманіе именно

на сущность даннаго вопроса или явленія природы или случая изъ жизни животныхъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ видно было, что это разсказываетъ — художникъ въ душѣ. Необыкновенная правдивость всегда была отличительной чертою всѣхъ его рассказовъ; эта постоянная черта, ярко проходившая сквозь все, что онъ дѣлалъ, не могла не имѣть громаднаго вліянія на близкихъ ему лицъ. Вліяніе это сказывалось даже въ мелочахъ: достаточно ему было разъ сказать мнѣ на привалѣ „никогда не пейте водки“, чтобы я отказался отъ нея и — уже навсегда... Его примѣра было достаточно для поддержанія всего только разъ сказанныхъ словъ. Такъ же бывало и въ случаяхъ болѣе серьезныхъ въ нравственномъ отношеніи.

Деревенская жизнь, невольная необходимость становиться съ людьми въ болѣе близкія отношенія, — все это, конечно, способствуетъ развитію гостепріимства; однако, трудно было бы найти хозяина, обладающаго этимъ качествомъ въ большой степени, нежели Григорій Александровичъ. Необыкновенно ровный и милый со всѣми, изъ коихъ многіе были гораздо ниже его по образованію и воспитанію, онъ умѣлъ всѣхъ такъ поставить, что никто въ Михайловскомъ не ощущалъ ни малѣйшаго стѣсненія; тѣмъ не менѣе, многіе тамъ бывавшіе невольно подтягивались въ его обществѣ.

При всемъ томъ, въ основѣ его характера была пріимѣшана большая доля застѣнчивости, особенно ясно выступавшая въ многочисленномъ и незнакомомъ обществѣ: онъ уходилъ въ себя, становился молчаливымъ и спѣшилъ уйти вовсе. Чтобы подмѣтить эту черту его характера, надо было близко его знать и часто наблюдать; та же причина заставляла его избѣгать по возможности всякихъ публичныхъ собраній, торжествъ и т. п.

Въ типинѣ своего деревенскаго уединенія онъ интересовался многимъ и, между прочимъ, постоянно слѣдилъ

за всѣмъ, что появлялось въ литературѣ обѣ его отцѣ. У него имѣлась полная коллекція разныхъ изданій сочиненій А. С. Пушкина, а въ послѣдніе годы жизни онъ нѣсколько разъ высказывалъ мнѣ свое удовольствіе по поводу появленія хорошихъ новыхъ изданій трудовъ его отца. Видно было, что онъ съ ними знакомъ обстоятельно.

Михайловское онъ глубоко любилъ; весною 1899 года случилось мнѣ быть въ деревнѣ и заѣхать къ Григорію Александровичу. Весна была не особенно ранняя, на поляхъ вездѣ еще лежалъ снѣгъ и по утреннему морозу гладкая дорога вилась среди знакомыхъ холмовъ и перелѣсковъ. Передъ Михайловскимъ дорога взбирается на небольшую возвышенность, гдѣ еще не такъ давно стояли „три сосны“; изъ нихъ послѣднюю я особенно хорошо помню: толстая, слегка наклоненная, со сломанною верхушкою, она долго жила въ такомъ видѣ, пока въ юль 1895 г. ее не сломало окончательно бурею. Грустно было подъѣхать къ селу черезъ многолѣтній боръ, зная, что это въ послѣдній разъ. Не успѣлъ я прїѣхать, какъ вслѣдъ за мной подъѣхалъ одинъ изъ сосѣдей, Л. Л. Львовъ, постоянный спутникъ Григорія Александровича по охотѣ. Весь этотъ день какая-то невольная грусть царила среди настѣ; нерѣдко наступало невольное молчаніе, чувствовалось, что думы каждого шли въ унисонъ, — и воспоминанія былого давили настѣ. Прогулка вокругъ села со знакомыми, милыми видами настѣ не развлекла, а напротивъ навѣяла грустныя мысли, сквозившіе въ нашемъ постороннемъ разговорѣ. Невольно приходили на умъ стихи поэта, въ которыхъ онъ, выражая желаніе лечь „ближе къ милюму предѣлу“, говорить о томъ, какъ

. у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Послѣдніе годы Григорій Александровичъ провелъ въ Маркутьѣ, имѣніи своей супруги В. А. Пушкиной, подъ Вильною. И здѣсь ихъ домъ продолжалъ быть тѣмъ же гостепріимнымъ уголкомъ для старыхъ друзей и знакомыхъ, какъ и прежде. Здѣсь Григорій Александровичъ велъ довольно уединенную жизнь въ своей семье, продолжая интересоваться всѣмъ, что относилось къ трудамъ его отца. Здѣсь его и застала смерть послѣ кратковременной болѣзни, тутъ онъ и погребенъ¹⁾.

Ю. Шокальскій.

1906 г.
Голубово.

1) Замѣтки по поводу смерти Г. А. Пушкина см.: „Виленск. Вѣсти.“ 1905 г., № 686, 687, 688, 693; „Русь“ 1905, № 195; „Разсвѣтъ“, авг. 1905; „Нов. Вр.“ 1905, № 10688 и 10685 (портретъ); „St. Petersburg. Zeitung“ 1905, № 236 и др. газеты.

Замѣчанія и поправки.

Къ вып. II, стр. 22 — 24.

Алексѣй Александровичъ (а не Алексѣевичъ) Вельминонъ скончался въ г. Ставрополѣ 27 марта 1838 г. и погребенъ въ родовомъ своемъ имѣніи „Медвѣдѣ“, Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи.

Дороховъ, о которомъ ходатайствовалъ Жуковскій, есть тотъ Руфинъ Ивановичъ Дороховъ, который за свои буйные поступки былъ нѣсколько разъ разжалованъ въ солдаты. Послѣ участія въ Персидской и Турецкой кампаніяхъ 1827 — 1829 гг. онъ вышелъ, за раною, въ отставку и поселился въ Москвѣ. Здѣсь нанесъ онъ нѣсколько книжальнихъ ранъ отставному ротмистру Сверчкову и за это, по высоч. конфірмаціи 1 марта 1838 г., вновь разжалованъ въ солдаты съ опредѣленіемъ на Кавказъ, въ Навагинскій пѣхотный полкъ. Отправляясь по назначенію, онъ и заручился письмомъ Жуковскаго къ Н. Н. Раевскому, въ отрядѣ которого находился Навачинскій полкъ. — Жуковскій пишетъ Раевскому, что съ Дороховымъ мало знакомъ, но коротко знаетъ милую, добрую жену его. Она была дочерью камергера А. А. Плещеева, состоявшаго одно время чтецомъ при вдовствующей импер. Маріи Феодоровнѣ. Отсюда, вѣроятно, и короткое знакомство Жуковскаго съ этимъ семействомъ.

Пушкинъ близко зналъ Дорохова. Онъ упоминаетъ о немъ подъ инициаломъ Д. въ своемъ „Путешествіи въ Арзрумъ“ въ 1829 году. Они встрѣтились во Владикавказѣ и вмѣстѣ отправились въ Кисловодскъ.

18 января 1852 г. Дороховъ былъ убитъ въ Чеченской экспедиціи.

Е. Г. Вейденбаумъ.

Къ вып. III, стр. 104 — 105.

О Реми Жилле упоминается въ „Русскомъ Архивѣ“ 1897 г., № 2, 3, 5, 7 и 12 и 1901 г., № 8 и 11 и въ „Историческомъ очеркѣ Импер. Александровскаго Лицея“ И. Селезнева; кроме того, была статья А. И. Маркевича „Реми Жилле“ въ № 3903 „Одесскихъ Новостей“ 1 марта 1897. Въ Римско-Католической церкви св. Екатерины (на Невскомъ проспектѣ) сохранилась запись о томъ, что Реми Жилле (Gillet) умеръ въ С.-Петербурбургѣ 11 января 1849 г. и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Вдова его Вѣра Андреевна въ январѣ 1864 г. жила въ с. Скрыпицынѣ, Владимирской губерніи, откуда писалъ А. Г. Тройницкому.

Въ замѣткѣ о встрѣчѣ Семенова съ Шушкінымъ очевидная ошибка: членъ Госуд. Совѣта Петръ Петровичъ Семеновъ здравствуетъ понынѣ, а братъ его Николай Петровичъ Семеновъ умеръ въ 1905 г. въ званіи сенатора. Не вѣрины или инициалы Семенова, или званіе его, что можно исправить объясненіемъ съ П. П. Семеновымъ.

Членъ Пушкинского Лицейского Общества Г. А. Тройницкий.

Къ вып. IV, стр. 17.

№ 69, стр. 3 снизу, вместо: „Порѣдѣла, побѣлѣла“ — слѣдуетъ: „По-
рѣдѣли, побѣлѣли“

УКАЗАТЕЛЬ.

- „Аквилонъ“, стих. Пушкина 12.
Акинеова, 114.
Александръ, I, 126, 133, 140, 141, 147,
149, 151, 164, 181.
Алекоевъ, Н. С. 38.
Алмазова, Авдотья Петр., рожд. Зубко-
ва, 99, 156, 184.
Алмазовы, дѣвицы 99.
. Алмазовъ, Борисъ Никол. 99, 184.
Алмазовъ, Николай Петр. 99, 184.
Алябьевъ, Екат. Ал-др., рожд. Рим-
ская-Корсакова, 107.
Алябьевъ, А. А. 168.
Алябьевъ, Александръ Александро-
вичъ 107.
Andrieux (гостинница) 122, 158.
Анненковъ, П. В. — 2, 4, 8, 9, 20, 22,
26, 27, 29, 30, 36, 37, 38, 39, 40, 41,
42, 43, 44, 105.
„Антеонъ“, поэма (?) Пушкина 22.
Апраксина, Екатерина Владимі-
ровна, рожд. кн. Голицына, 102,
103, 104, 106, 158, 160, 185.
Апраксина, Наталья Степ. (по мужу
княгиня Голицына) 102.
Апраксинъ, Степанъ Степановичъ
102.
Араповъ, П. Н. 168.
Арзрумъ, 188.
„Аріонъ“, стих. Пушкина 38.
Ариость, 68.

Баболово, — 25.
Бабушкина, Авдотья Андреевна, см.
Зубкова.
- Байронъ, 26, 40.
Бакунина, Анна Борисовна, рожд.
Зеленская — 173.
Бахунина, Екатерина Павловна 173.
Бакунина, Марья Александр., рожд.
Щулепникова, 174.
Бакунинъ, Александръ Павловичъ—
94, 95, 111, 126, 173, 174.
Барантъ, бар., 49.
Барковъ, Л. Н. 98.
Бартеневъ, П. И. 104, 112.
Баратинская, кн. Варв. Петр. 183.
Баратинская, княжна Екатерина
Петровна — см. **Манукова**.
Баратинскій, кн. Александръ Пет-
ровичъ — 150, 152, 153, 154, 183.
Баратинскій, кн. Петръ Никола-
вичъ 150, 183.
Басаргинъ, Н. В. 179.
Батенковъ, Гавріїлъ Степановичъ
156, 184.
„Бахаріана“, Хераскова 61, 88.
Бахметева, Анна Гавр. — см. **Каш-
кина**.
„Бахчисарайскій фонтанъ“, 4, 5,
7, 37.
Баардъ, 63.
„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“,
стих. Пушкина 12.
Бекманъ, П. Н. 189.
Бенкендорфъ, гр. А. Х. 16, 26, 28,
29, 31, 34, 46, 133, 175, 179, 180, 185.
Бестужевъ, Александръ Алексан-
довичъ (Марлинскій) — 41, 42, 45,
120, 147, 156, 168, 170, 176, 181.

- Благово, Д. 102, 163, 173.
„Благословенъ твой новый путь“, стрывокъ стих. Пушкина, 11.
„Влеогти луна, недвижно море спить“, стих. Пушкина 7.
Боборыкина — см. Пушкина.
Бобровскій, П. О. 180.
Бова, 22, 79, 80, 82.
„Бова“, сказка А. Н. Радищева 83.
„Бова“, стих. Пушкина 3.
„Богатырскія повѣсти въ стихахъ“, Н. А. Радищева 83.
Богучарскій, В. 168.
„Богъ веселый винограда“, стих. Пушкина 18.
Болдино, село 11, 12, 18, 14, 17, 51.
Боратынскій, Е. А. 44.
„Борисъ Годуновъ“, 28, 83, 59.
Боровковъ, Александръ Дмитріевичъ 157, 184.
„Бородинская годовщина“, стих. Пушкина 28.
Бороздинъ, 171.
Брозинъ, сенаторъ 109.
Брюсовъ, В. Я. 87, 108.
„Будрышъ (изъ Мицкевича)“ стих. Пушкина 17.
„Будъ подобенъ полной чашѣ“, стих. Пушкина 20.
Булгакова, Анна Абр., рожд. Зубкова 91.
Булгаковъ, А. Я. — 95, 102, 166, 185.
Булгаковъ, Иванъ Алексѣевичъ 91.
Булгаковъ, К. Я. 95, 176.
Булгари, графъ 157.
Булгари, гр. Андрей 184.
Булгари, гр. Николай 184.
Булгари, гр. Яковъ 184.
Булгаринъ, Ф. В. 41, 168.
Булгаринъ, Ф. В.; эпиграмма на него, нач. „Не то бѣда, Фаддей Булгаринъ“ 13.
Бурцовъ, И. Г. 98.
Буслаевъ, Ф. И. 59.
Бушарди, физіонатрасъ 116.
Бѣгичева, А. 114.
Вѣлологоловый, Н. А. 169, 171, 181.
„Вѣсы“, стих. Пушкина 12.
- „Выть въ сраженьи похвально“, стих. Пушкина 5.
- Василій Буслаевичъ, 63.
Вейденбаумъ, Евг. Густ. — 196.
Вельтманъ, А. О. 92.
Вельяминовъ, Алексѣй Ал-др. 196.
Веневитиновы, 103.
Веневитиновъ, А. В. 109.
Веселовскій, А. Н. 83.
„Вигелю“, стих. Пушкина 37.
Вигель, Ф. Ф. 177.
Виландъ, 61, 63.
„Вино (Гонъ Хіоскій)“, стих. Пушкина 16.
Владиміровъ, П. В. 60, 61, 62.
„Во городѣ было во Астрахани“, пѣсня 37.
Воейковъ, Александръ Павловичъ 127, 178.
Воейковъ, Николай Павловичъ — 127, 177, 178.
„Война“, отр. стих. Пушкина 4.
„Войнаровскій“, дума Рыльева 45.
Волкова, Марія Аполлоновна 99.
Волконская, княз. З. А. 109.
Волконскій, кн. Серг. Григ. 148, 163, 171, 177, 182.
Вольтеръ, 29, 60.
Воронцовъ, М. С. — 44, 169, 177.
„Во славномъ городѣ во Кіевѣ“, пѣсня 37.
„Во снѣ я вами ощастливленъ“, стих. Пушкина 20.
„Вотъ Коцить, вотъ Ахеронъ“, стих. Пушкина 6.
Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ 98.
Ветрѣча съ Кюхельбекеромъ, замѣтка Пушкина 26.
Вульфъ, Анна Ивановна 37.
Вульфъ, Анна Николаевна 37.
„Въ Еврѣйской жизни лампада“, стих. Пушкина 8.
„Въ надеждѣ славы и добра“ (Станцы), Пушкина, 8, 104.
„Въ началѣ жизни школу помню я“, стих. Пушкина 14.

- „Въ послѣдній разъ твой образъ милый“, стих. Пушкина 13.
- Вяземскій, кн. П. А. 5, 85, 86, 100, 101, 108, 104, 108, 109, 111, 113.
- Вяземскій, кн. П. П. (стихи ему Пушкина) 109.
- Гагарина, княгиня 100.
- Гамильтонъ, 62.
- Ганнибалъ, Петръ Абрамовичъ 25.
- Гейтманъ, граверъ 87.
- Геккеренъ, баронъ 35.
- Георгъ Ольденбургскій, принцъ 89.
- Гнѣдичъ, Н. И. 38.
- Гоббесъ, 164.
- Голенищева-Кутузова, Екат. Михаил. — см. княгиня Кудашева и Саракинская.
- Голенищевъ - Кутузовъ - Смоленскій, М. И. 186.
- Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Пав. Вас. 159, 161, 168, 186.
- Голицына, княжна Марья Дмитр. (по мужу княгиня Ухтомская) 103.
- Голицына, княг. Нат. Петр. 106.
- Голицына, княг. Нат. Степ., рожд. Апраксина 102.
- Голицына, княг. Тат. Вас., рожд. Васильчикова, 118, 168.
- Голицынъ, кн. Бор. Влад. 173.
- Голицынъ, кн. Д. В. 94, 96, 102, 108, 119, 122, 126, 141, 157, 164, 166, 168, 169, 172, 173, 174, 175, 184.
- Голицынъ, кн. С. С. 102.
- Голицынъ, князь Федоръ 100.
- „Гонимый рока самовластвемъ“, стих. Пушкина 38.
- Горадій, 45.
- Горбуновъ, унтеръ-офицеръ 149.
- „Горе отъ ума“, 23.
- „Горишь ли ты, лампада наша?“, (Я. Н. Толстому), стих. Пушкина 36.
- Городня, село 106.
- Горсткинъ, Иванъ Николаевичъ, 94, 95, 97, 98, 126, 175, 186.
- Горчаковъ, кн. А. М. 172.
- „Гости сѣзжались на дачу...“, набросокъ повѣсти, Пушкина 23.
- Граббе, Павелъ Христоф. 121, 170.
- „Графъ Нулинъ“, пов. Бѣлкина 24.
- „Гречанкѣ“, нач. „Ты рождена во- силаменять“, стих. Пушкина 40.
- Грибоѣдовъ, А. С. 23, 176, 180.
- Гrimmъ бр. 81.
- Гротъ, Конст. Яковл. — 175, 180, 184.
- „Грустенъ и веселъ вхому“ (Художнику), стих. Пушкина 19.
- Гумбольдтъ, А. 165.
- „Гляуръ“, поэма Вайронъ. 40.
- Давыдова, Юлія 114.
- Давыдовъ, Ден. Вас. 148, 182.
- Даль, В. И. 83.
- Даль, Георгъ 112.
- Данзасъ, Борисъ Карловичъ — 94, 95, 96, 99, 104, 111, 114, 115, 117, 118, 120, 122, 126, 127, 132, 137, 139, 154, 166, 167, 168, 173, 174, 175, 178.
- Данзасъ, Конст. Карл. 166.
- Данзасъ, Татьяна Борис. — см. Сѣмечкина.
- Даниловъ, Василій Ив. 143, 180.
- „Даръ напрасный, даръ случай- ный“, стих. Пушкина 9.
- Дашковъ, П. Я. 38.
- „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, Жуковскаго 61.
- Декартъ, 29.
- „Делибашъ“, стих. Пушкина 11.
- Делольмъ, Жанъ-Луи 93, 137, 180.
- Дельвигъ, баронъ А. А. 25, 31, 38, 88, 98, 107.
- Демидова, Надежда Петровна — см. Зубкова.
- Депрерадовичъ, Н. И. 125, 137, 172.
- Державинъ, Г. Р. 45, 78, 88.
- „Диризъ“ (у Пушкина — Дуризъ) 174.
- Дмитріевъ, И. И. 83.
- Дмитріевъ, Мих. Ал-др. 111, 112.
- Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И. 165, 166, 170, 188, 184.
- Дмитрій Самозванецъ, 23.
- „Добрый совѣтъ“, стих. Пушкина 3.
- „Долго-ль мнѣ гулять на свѣтѣ“, стих. Пушкина 11.

- „Дорожные жалобы“, стих. Пушкина 11.
Дорохова, М. А. 169.
Дорохова, Н. А., рожд. Плещеева 196.
Дороховъ, Руфинъ Ивановичъ 196.
Драматический этюдъ Пушкина 22.
„Другъ сердечный (?) мнѣ намѣни говорилъ“, запись (?) Пушкина 21.
„Друзьямъ“, стих. Пушкина 9, 89.
Дубровинъ, Н. Ф. 175.
„Дубровскій“, пов. Бѣлкина 16, 24.
Душетъ, станція 11.
„Дѣтскія сказки“, Пушкина 49.
„Евгений Онѣгинъ“, 10, 11, 25, 26, 28, 76.
Евреинова, Екатерина Федоровна, рожд. Пушкина 99, 100, 101, 102.
Евреинова, Нат. Петр. (по мужу Зубкова) 91, 161, 186.
Евреинова, Ольга Вас., рожд. Зубкова 91, 115, 178.
Евреинова, Софья Петр. 101.
Евреиновъ, В. В. камергеръ 91.
Евреиновъ, Вячеславъ Дмитріевичъ 115, 178.
Евреиновъ, Дмитрій Петровичъ 91.
Евреиновъ, М. М. 91.
Евреиновъ, Петръ Дмитріевичъ 99, 100, 101, 102.
Евреиновъ, Яковъ Матвеевичъ 91.
„Египетскія ночи“, Пушкина 7.
Екатерина II, 85, 87.
Екатерина Павловна, вел. кн. 89.
Елагина, помѣщ. 184.
Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ 149, 158, 177, 182.
Ерусланъ Лазаревичъ, 61, 82.
Ефремовъ, П. А. 2, 7, 85, 104.
„Желаніе“, стих. Пушкина 4.
„Женихъ“, отрывокъ Пушкина 7.
Жирарденъ, Э. 114.
Жуковскій, В. А. 61, 83, 85 — 89 (письма къ С. С. Уварову), 196.
Заблоцкій-Десятовскій, А. П. 176.
Завадовскій, 23.
Завадовскій, графъ А. П. 180.
Завалишинъ, Д. И. 176, 179, 184.
Заварзаевъ, фельдъегерь 120.
Загоскинъ, М. Н. 31, 32.
„Заклинаніе“, нач.: „О если правда, что въ ночи“, стих. Пушкина 13.
Замотинъ, И. И. 83.
Замѣтка объ аббатѣ Шаппѣ и его описаніи путешествія въ Сибирь, Пушкина 30.
Замѣтка объ изученіи русской словесности, Пушкина 27.
Замѣтка о драматическихъ произведеніяхъ, Пушкина 25.
Замѣтка о новой комедіи Загоскина „Недовольные“, Пушкина 31.
Замѣтка о русской журналистицѣ въ сравненіи съ иностранной, Пушкина 29.
Замѣтка о современныхъ французскихъ писателяхъ, Пушкина 30.
Замѣтка отрагедіи Ромео и Юльета Шекспира, Пушкина 26.
Замѣтки и выписки о государственномъ строѣ, Пушкина 27.
Замѣтки о Байронѣ по поводу Корсара, Пушкина 26.
Замѣтки о русскихъ пословицахъ, Пушкина 27.
„За Netty сердцемъ я летаю“, стих. Пушкина 37.
„Зачѣмъ безвременную скучу“, стих. Пушкина 105, 109.
„Зачѣмъ ты, грозный Авалонъ“, стих. Пушкина 11.
„Зеленая Лампа“, общество 98.
Зеленская, Анна Борисовна — см. Бакунина.
Зиловъ, Алексѣй Мих. 119, 169.
„Зимняя дорога“ стих. Пушкина 8, 105 — 106.
Зубкова, дочь В. П. 129.
Зубкова, Авд. Andr., рожд. Бабушкина 91.

- Зубкова, Авдотья Петровна (по мужу Алмазова) — 99, 156, 184.
Зубкова, Анна Абрамовна (по мужу Булгакова) 91.
Зубкова, Анна Федоровна, рожд. Пушкина, 99, 102, 103, 106, 115, 121, 168.
Зубкова, Мария Мих., рожд. Шапошникова 91.
Зубкова, Над. Петр., рожд. Демидова, 91, 170.
Зубкова, Нат. Петр., рожд. Евреинова, 91, 161, 186.
Зубкова, Ольга Васильевна (по мужу Евреинова) 91, 115, 178.
Зубкова, Пелагея Васильевна — 115.
Зубковъ, Абрамъ Вас. 91.
Зубковъ, Абрамъ Петр. 91, 120, 170.
Зубковъ, Василій Петровичъ — 8; 90 — 186 (Записки его).
Зубковъ, Владими́ръ Вас. 115.
Зубковъ, Дмитрий Петровичъ 116.
Зубковъ, Петръ Абрамовичъ 91, 120, 169.
Зубковъ, Петръ Петр. 91.

Ивановскій, А. И. 46.
„Игрокъ“, комедія Реныра 101.
„И далъ мы пошли“, стих. Пушкина 16.
„Изъ Анакреона“, стих. Пушкина 18.
„Изъ А. Шенье: Покровъ, упитанный...“, стих. Пушкина 6.
„Изъ Аристотела Orlando furioso“, стих. Пушкина 6.
„Изъ записки пріятелю“, стих. Пушкина 18.
„Изъ Рима въхалъ онъ домой“, стих. Пушкина 6.
„Изъ VI Пиндемонте“, стих. Пушкина 19.
„Иліада“ 13, 96.
„Илья Муромецъ“, сказка Карамзина 83.
Истомина, 23.
„Исторія Государства Россійскаго“, Карамзина 47, 48.
„Исторія одного города“, Салтыкова 51.
„Исторія Пугачевскаго бунта“, Пушкина 30.
„Исторія русскаго народа“, Н. Полового 48.
„Исторія села Горохина“, Пушкина 47 — 58.
„И ты тутъ былъ?“, отрывокъ Пушкина 22.
Ишимова А. О. 35.

Каверинъ, П. П. 3.
„Кавказскій пленникъ“ 37, 76, 77.
„Какъ я прежде былъ“, стих. Пушкина 8.
„Какъ живо колкій Грибоедовъ“, набросокъ Пушкина 23.
„Какъ за церковью за измѣдкою“, пѣсня 87.
„Какъ на утренней зарѣ“, пѣсня 87.
„Какъ съ древа сорвался“ (Подражаніе итальянскому), стих. Пушкина 19.
„Какъ щастливъ я, когда могу покинуть“, стих. Пушкина 8.
„Календарь, или мѣсяцесловъ на лѣто..... 1721“ 32.
Кальмъ, Федоръ Григорьевичъ 127, 176, 177.
Каменный островъ, въ IIб. 19.
„Капитанская дочка“ 24.
Карамзинъ, Н. М. 47, 49, 83, 85, 86, 87, 88, 167, 182.
Карелинъ, Григ. Сил., 111.
Карніолинъ-Пинскій, М. М. 107.
Карсь, крѣп. 12.
Карь, Марія Сергеевна рожд. кн. Хованская, 101.
Каховскій, Петръ Анд. 186.
Кашкина, Анна Гавр., рожд. Бахметева, 167.
Кашкина, Екатерина Ивановна, рожд. Миллеръ, 168.
Кашкинъ, Николай Евгеньевичъ 167.
Кашкинъ, Николай Николаевичъ 168.
Кашкинъ, Николай Сергеевичъ 168, 175.

- Кашкинъ, Сергѣй Николаевичъ 93,
94, 96, 98, 117, 118, 125, 133, 136, 137,
138, 139, 164, 166, 167, 168, 174, 186.
Кеппенъ П. И. 36.
„Кирджали“, Пушкина 17, 24.
Кирпичниковъ А. И. 60.
Кирѣвскій, И. В. 59, 84.
Киселева, Ек. Ник. 107.
Киселева, Елиз. Ник. 107.
Киселевъ, П. Д. 122, 171, 176.
Кишиневъ, 38.
Клингеръ, писатель 82.
„Коварность“, стих. Пушкина 5.
„Когда величое свершалось тор-
жество“, стих. Пушкина 38.
„Когда владыка Ассирийскій“
(Юдіеъ), стих. Пушкина 17.
„Когда за городомъ задумчивъ я
брожу“, стих. Пушкина 19.
„Когда порой воспоминанье“, стих.
Пушкина 15.
Кокошкинъ, Ф. Ф. 106.
Кологривовъ, Александръ Лукичъ
117, 162.
Колошина, Александра Григорь-
евна, рожд. гр. Салтыкова, 168, 180.
Колошинъ, Павелъ Ивановичъ —
94, 95, 96, 97, 98, 105, 117, 118, 125,
126, 133, 136, 137, 138, 139, 141, 168,
164, 180.
Колошинъ, Петръ Ив. — 94, 163.
Колошинъ, Серг. Павл. 105, 163.
Комаровскій, графъ Евгр. Федот.
117, 126, 187, 162.
Комовскій, С. Д. 173.
Кони, А. О. 90, 105, 107.
Коновница, гр. Елиз. Петр. — см.
Нарышкина.
Кончаловъ, 176.
Корниловичъ, А. О. 168.
„Короче дни, а ночи долгъ“, стих.
Пушкина — 6.
Корсаковъ, 104.
„Корсарт“, Байона — 26.
Корфъ, графъ М. А. — 172, 174.
Кошелевъ, А. И. — 166.
Краевскій, А. А. — 85.
„Кралеворская Рукопись“, 88.
Краткая замѣтка о Поль-Потерѣ,
Пушкина — 28.
Краткія замѣтки по русской исто-
рии, Пушкина 32.
Кристинъ, Ф. 102.
Крыловъ, Александръ Лукичъ — 87.
Крыловъ, Андрей Прохоровичъ 31.
Крыловъ, Ив. Андр. — 31.
„Кто видѣлъ край“, стих. Пушкина
4.
„Кто знаетъ край, гдѣ небо бле-
щеть“, стих. Пушкина 9.
„Кто идетъ — салдатъ“, набросокъ
Пушкина 6.
„Куда вы? за городъ конечно“,
стих. Пушкина 17.
„Куда же ты? въ Москву“, стих.
Пушкина 13.
Кудашева, княгиня Екат. Михайл.,
рожд. Голенищева-Кутузова, 186.
Кудашевъ, князь Николай Данило-
вичъ 186.
Кухарскій, А. 36.
Кушниковъ, Сергѣй Сергеевичъ —
148, 182.
„Къ Давыдову“, стих. Пушкина 3.
„Къ Каверину“, стих. Пушкина 3.
„Къ переводу Иллады“, стих. Пушкина
13.
„Къ статуй въ Царекомъ Селѣ“:
„Урну съ водой уронивъ“, стих.
Пушкина — 12.
Къ тѣлѣ полководца, стих. Пушкина
15.
„Къ Щербинину“, стих. Пушкина
3.
Кюхельбекеръ, В. К. 25, 26, 105.
Ламартинъ, 114.
Ланская, В. И. 99.
„La Pucelle“, Вольтера 60.
Лафонтенъ, 62.
Левашевъ, В. В. 124, 127, 132, 135,
145, 152, 159, 171.
„Les deux danseuses“, программа
повѣсти 23.
„Le coq d'or“, сказка Клингера, 82.
Le-Prince de Beaumont, м-ре 81.

- Липrandи, Иванъ Петровичъ 127, 177.
„Литературные листки“, Булгарина 41.
Лореда кондитерская — 176.
Лорерь, Н. И. 165.
Лужина, 114.
Луи-Бланъ, 114.
„Лунная ночь, или домовые“, опера 168.
Лъвовъ, Л. Л. 194.
„Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы, или вторая часть настоящихъ русскихъ сказокъ“, изд. 1815 г., 61.
„Лѣтопись села Горохина“, Пушкина 47 — 58.
- Майкова, Александра Алексѣевна 1.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ 1, 2, 3, 84, 86, 84, 95, 172, 173, 189.
Малиники, село 10.
Мальцова, Софья Сергеевна — см. Нечаева.
Манукова, Екат. Петр., рожд. кн. Барятинская, 183.
Маркевичъ, А. И. 196.
Маркутье, имѣніе 194.
Масальская-Сурина, Е. А., рожд. Шахматова, 89.
„Оленькѣ Массонъ“, стих. Пушкина 8.
Материалы и замѣтки къ Исторіи Пугачевскаго бунта, Пушкина 30.
Машинскій, 176.
„Межъ горныхъ стѣнъ несется шумный Теректъ“, стих. Пушкина 4.
Меншиковъ, кн. Александръ Сергеевичъ 158, 185.
Мерзляковъ, А. Ф. 83.
Мериме, 84.
Миллеръ, Вс. Фед. 77, 84.
Миллеръ, Иванъ Федоровичъ 167 — 168.
Миллеръ, Іуліанія Григорьевна, рожд. фонъ-Гагенъ, 168.
- Миллеръ, Николай Ивановичъ 168.
Милорадовичъ, гр. М. А. 186.
Михайловское, село 5, 7, 12, 26, 43, 174, 188, 189, 191, 193, 194.
Михаилъ Павловичъ, вел. кн. 133, 147, 156, 179, 184.
„Мирская власть“ („Когда великое свершалось торжество“), стих. Пушкина 88.
„Мнѣ не спится, нѣтъ огня“, стих. Пушкина 14.
Модзалевскій, Бор. Лѣв. 95, 116.
Модзалевскій, Вадимъ Лѣв. 86.
„Мой (первый) другъ, мой другъ безцѣнныи“, стих. Пушкина 7.
„Мой пленникъ вовсе нелюбезенъ“, стих. Пушкина 20.
Морозовъ, И. О. — 2, 89, 174.
„Моцартъ и Сальери“ 24.
„Моя родословная“, стих. Пушкина 13, 14.
Муравьевъ Александръ Николаевичъ 175.
Муравьевъ, Никита Михайловичъ 117, 162, 181.
Муравьевъ, Н. Н. 92.
Муравьевы-Апостолы 176.
Муравьевъ-Апостоль М. И. 165.
Муханова, Елизавета Александровна — см. книга. Шаховская.
Муханова, Наталья Александровна 102, 107.
Мухановы 103, 170.
Мухановъ, Александръ Алексѣевичъ 107, 177.
Мухановъ, Петръ Алексѣевичъ, 96, 97, 119, 120, 168, 169.
Мыловскій, Петръ Николаевичъ 173.
„Мѣдный всадникъ“, Пушкина 38.
Musset, Alfred 19.
„Матерь“, повѣсть Бѣлкина 15.
- Набросокъ введенія въ русскую исторію, Пушкина 28.
„Наливайко“, дума Рыльева 46.
„Налерникъ“, стих. Пушкина 9.

- „Наперница волшебной старины“, стих. Пушкина 3.
- Наполеонъ 9.
- Нарышкина, Елиз. Петр., рожд. гр. Коковиницьва, 166.
- Нарышкинъ, Мих. Мих. 117, 153, 165, 176.
- На силу выѣхать рѣшаюсь изъ Москвы“, стих. Пушкина 20.
- „Не видала ли, девица, коня моего“, запись(?) Пушкина 21.
- „Недавно я въ часы свободы“, стих. Пушкина 4.
- „Недвижный стражъ дремаиль“, стих. Пушкина 5, 33.
- „Недовольные“, ком. Загоскина 31.
- Нейдгардт 2-й, ген.-майоръ 170.
- Нейдгардт, генер.-адъют. — 185.
- Нелединскій-Мелецкій Ю. А. 83.
- „Нереида“, стих. Пушкина 41.
- „Не розу Паэоскую“, стих. Пушкина 18.
- Нечаева, Софья Сергеевна, рожд. Мальцова — 181.
- Нечаевъ Степанъ Дмитриевич — 147, 181.
- „Нечаянно пригрѣтый славой“, стих. Пушкина 15.
- Нибуръ 49.
- Никитенко, А. В. 87.
- Новиковъ, Н. И. 62.
- „Новоселье къ**“, стих. Пушкина 12.
- „Но ты забудь меня, мой другъ“, набросокъ Пушкина 7.
- Нѣкоторыя историческія замѣтнія, Пушкина 38.
- „Нѣть, не черкешенка она“, стих. Пушкина 109.
- „Нѣть, я не листецъ“ (Друзьямъ), стих. Пушкина 9, 37.
- „Обвалъ“, стих. Пушкина 11.
- „Оберонъ“, поэма Биланда 61.
- „О боги мирные полей, дубравъ и горъ“, стих. Пушкина 20.
- Оболенская княжна, дочь кн. Андрея Петровича — 99.
- Оболенская кн. Марія Ивановна — см. Пушкина.
- Оболенскій кн. Евг. Петровичъ 93, 96, 97, 160, 161, 164, 166, 167, 172, 175, 176, 182, 186.
- Обрековъ, Василій Александровичъ 119, 169.
- „Овидію“, стих. Пушкина 40.
- Огарева-Тучкова А. А. 176.
- „Ода LXI (изъ Анакреона)“, „Порѣдѣла, побѣдѣла“, стих. Пушкина 17, 196.
- „Ода LXII“, нач. „Что же сухо въ чашѣ дно?“, изъ Анакреона 18.
- О дворянствѣ, замѣтка Пушкина 30.
- Одоевскій кн. А. И. 173.
- Одоевскій кн. В. Ф. 85, 86, 118.
- „О, если правда, что въ ночи“, стих. Пушкина 13.
- О журнальной полемикѣ, замѣтка Пушкина 29.
- О критикѣ, набросокъ статьи Пушкина 28.
- „Ольга, крестница Кириды“, стих. Пушкина 8.
- „Она меня зоветъ, поѣду или нѣть“, отрывокъ Пушкина 4.
- О народности въ литературѣ, замѣтка Пушкина 26.
- „Онъ миѣ ровесникъ“, стих. Пушкина 20.
- О приличій въ литературѣ, замѣтка Пушкина 28.
- Орлова, Екатерина Николаевна, рожд. Раевская, 162.
- Орловъ 178.
- Орловъ, кн. Алексѣй Федоровичъ 158, 185.
- Орловъ, Михаиль Федор. 117, 162, 168, 182, 185.
- О русскихъ словахъ, взятыхъ съ французского, замѣтка Пушкина 32.
- О русской литературѣ съ очеркомъ французской, Пушкина 81.
- Осипова, Марія Ивановна 188, 189.
- Оссіанъ, 88.
- „Отвѣта х-+у“, стих. Пушкина 109.

- , „Отрокъ“, стих. Пушкина 18.
„Отрокъ милый“ (Подражаніе Арабскому), стих. Пушкина 18.
Отрывки изъ романа въ письмахъ, Пушкина 21.
„Отрывокъ“ (нач. Не розу Паэоскую“), Пушкина 18.
Отрывокъ замѣтки о встрѣчѣ съ П. А. Ганибаломъ 25.
Отрывокъ изъ комедіи Пушкина („Она меня зоветъ“..) 4.
Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей, Пушкина 27.
Отрывокъ изъ опыта отраженія нѣкоторыхъ недилитературныхъ обвиненій, Пушкина 38.
Отрывокъ очерка татарского нашествія, Пушкина 28.
О феодальномъ устройствѣ, набросокъ Пушкина 29.
„О французской словесности“, замѣтка Пушкина 25.
Офросимовъ, Андрей, 107.
Охотниковы 167.
Очеркъ исторіи русской литературы въ связи съ литературой французской, Пушкина 31.
- Павловъ** (Н. Ф.?) 111.
Падуровъ, казакъ. 81.
„Пажъ, или пятнадцатый годъ“, стих. Пушкина 13.
Пальчикова, Софья Алексѣвна, рожд. Пещурова — 174.
Пальчикова, С. П. — см. Пущина.
Пальчиковъ, Владіміръ Петровичъ 94, 126, 167, 174, 184.
„Памятникъ“, стих. Пушкина 19.
Панина, Софья Федоровна, рожд. Пушкина, 90, 102, 194, 105, 106, 107, 108, 158, 185.
Панинъ, Валеріанъ Александровичъ 105, 106, 107, 110, 185.
Панинъ, гр. В. Н. 167.
Паскевичъ, И. О. 125 172, 183.
Панчулидзѣвъ, Сергѣй Алексѣевичъ 186.
Пассекъ, Вадимъ Васильевичъ 110.
- Пассекъ**, Т. П. 110.
Пекарскій, П. П. 32.
Пелегрини, художникъ — 116.
Первое посланіе цензору, стих. Пушкина 5.
„Пересмѣшникъ“, 64, 72, 74.
Пестель, Пав. Ив. 98, 150, 182, 183.
Петровское, село — 189.
Петръ Великій, 24, 91.
Пещурова, Софья Алексѣвна — см. Пальчикова.
Пещуровъ, Алексѣй Никитичъ 174.
Писаревъ, А. И. 107.
Платонъ, митрополитъ 23.
Плетнѣвъ, П. А. 34, 85.
Плещеева, Н. А. — см. Дорохова.
Плещеевъ, 105.
Плещеевъ, А. А. 196.
„Плѣшивый щеголь, врагъ труда“, стих. Пушкина 15.
Побѣдоносцевъ, К. П. 112, 113, 114, 115.
„Повѣсть о Аліонѣ Поповичѣ багатырѣ“, сказка Чулкова 81.
Погодинъ, М. П. 34, 103, 109, 111, 168.
Поджіо, Александръ Викторовичъ 123, 171.
Поджіо, Іосифъ Викторовичъ 171.
„Подражаніе Арабскому“, нач. „Отрокъ милый“, стих. Пушкина 18.
„Подражаніе Данту“, Пушкина 16.
„Подражаніе италіянскому“, нач. „Какъ съ древа сорвался“, стих. Пушкина 19.
Подушкинъ, Егоръ Михайловичъ 128, 178.
Подчаская, Елиз. Петр. — см. гр. Потемкина.
„Подъ какимъ созвѣздіемъ“, стих. Пушкина 20.
„Пока меня безъ милости бранить“, стих. Пушкина 20.
Полевой, Н. А. 48, 49, 50.
Поливановы, дѣв. 114.
Поливановъ, Л. И. 60.
„Полтава“, 10, 26.

- Полторацкій, Александръ Александровичъ 178.
Полторацкій, Михаилъ Александровичъ 178.
Поль-Потерь, художн. 28.
„Полярная звѣзда“, 1824 г. 40, 41, 43.
Пономаревъ, С. И. 86.
Поповъ, М. В. 65, 68, 81, 83.
„Порѣдѣли, побѣдѣли“ (ода LVI. Изъ Анакреона), стих. Пушкина 17, 196.
„Послѣднія минуты Пушкина“, ст. Жуковскаго 88.
Потаповъ, Алексѣй Никол. 122, 156, 171.
Потемкина, гр. Елиз. Петр., рожд. Подчаская, 165.
Потемкинъ, гр. Сергѣй Павловичъ 165.
„Пошли мнѣ долгую жизнь“, отрыв. стих. Пушкина 19.
„Предъ испанкой благородной“, стих. Пушкина 15.
„Примѣры невѣжливости“, замѣтка Пушкина 26.
„Пріятелямъ“, стих. Пушкина 6.
„Prologue“, отрывокъ изъ записокъ Пушкина 25.
„Простиши ли мнѣ ревнивыи мечты“, стих. Пушкина 41.
„Протекшихъ лѣтъ безумное веселье“, стих. Пушкина 12.
Прудонъ 114.
Пугачевъ 30, 31.
„Пускай увѣчанный любовью красоты Въ завѣтномъ золотѣ хранить ея черты“, стих. Пушкина 20.
„Путешествіе въ Арзрумъ“, Пушкина 196.
Путяти Н. В. 92, 169.
Пушкина, рожд. Воборыкина, 185.
Пушкина Анна Федоровна (по мужу Зубкова) 99, 102, 103, 106, 115, 121, 168.
Пушкина, Варенъка 103.
Пушкина, Варвара Алексѣевна 194.
Пушкина, Екатерина Федоровна (по мужу Евреинова) 99, 100, 101, 102.
Пушкина, Елизавета Федоровна (по мужу Штурманова) 99, 101, 102.
Пушкина, Марья Ивановна, рожд. кн. Оболенская, 99, 100, 101, 102, 106.
Пушкина, Над. Ос. 36.
Пушкина, Наталья Абрамовна, рожд. кн. Волконская, 100.
Пушкина, Нат. Никол. — 34.
Пушкина, Софья Федоровна (по мужу Панина) — 90, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 158, 185.
Пушкины, С. Л. и Н. О. 34.
Пушкинъ, А. С. 1 — 89, 94, 98, 104, 107, 162, 163, 166, 168, 170, 172, 174, 175, 177, 179, 183, 196.
Пушкинъ, Алексѣй Михайловичъ 99, 101.
Пушкинъ, Григорій Александровичъ 187 — 195.
Пушкинъ, Иванъ Федоровичъ — 99, 158, 159, 160, 170, 185.
Пушкинъ, Михаилъ Алексѣевичъ — 100.
Пушкинъ, С. Л. — 35, 88.
Пушкинъ, Федоръ Алексѣевичъ 99, 106.
Пущина, Александра Михайловна, рожд. Рябинина, 180.
Пущина, С. П., рожд. Пальчикова, 175, 184.
Пущину П. С., стих. Пушкина 7, 37.
Пущинъ, Ив. Петр. — 96, 180.
Пущинъ, Иванъ Ивановичъ — 23, 94, 95, 96, 98, 104, 125, 126, 133, 186, 187, 188, 189, 140, 141, 164, 165, 166, 167, 170, 171, 173, 174, 176, 180, 181, 182, 183, 184.
Пущинъ, Мих. Ив. 156, 175, 183, 184.
Пѣсни, записанныя Пушкинъ 87.
„Пѣснь о Георгіи Черномъ“, Пушкина 16.
„Пѣснь о полку Игоревѣ“ 27.
Рабенеръ, сатирикъ 50, 51, 57.
Радищевъ А. Н. 83.
Радищевъ Н. А. 83.

- | | |
|---|--|
| <p>Раевская, Екатерина Николаевна — см. Орлова.</p> <p>Раевский бр. 176.</p> <p>Раевский, А. Н. 83, 166.</p> <p>Раевский Н. Н. 1-й — 117, 166, 168.</p> <p>Раевский, Н. Н. 2-й — 83, 84, 42, 166, 173, 183, 196.</p> <p>„Разставанье“, стих. Пушкина 18.</p> <p>„Расходились по поганскому граду“, стих. Пушкина 6.</p> <p>Рейнботт, Павел Евгеньевич — 91.</p> <p>Реми-Жилле — 196.</p> <p>Ренъяръ, авт. 101.</p> <p>Римская - Корсакова, Екатерина Александр. (по 1-му мужу Офросимова, по 2-му Алябьева) 107.</p> <p>Ровинский, Александр Павлович — 119, 169.</p> <p>Ровинский, Д. А. 116, 169.</p> <p>Родзянко (Арк. Гавр.?) 98.</p> <p>„Родословная моего героя“, стих. Пушкина 88.</p> <p>Розенъ, баронъ А. Е. 166, 169, 180, 181, 182.</p> <p>Романъ на Кавказскихъ водахъ, программа Пушкина 23.</p> <p>„Ромео и Юльета“, Шекспира — 26.</p> <p>Ронполть, литографъ — 116.</p> <p>„Российская Академія“, статья Пушкина 85, 89.</p> <p>„Румяный критикъ мой“, стих. Пушкина — 12.</p> <p>„Русланъ и Людмила“, Пушкина 22, 86, 59 — 84.</p> <p>„Русский Целамъ“, наброски повѣсти — 28.</p> <p>„Русскія сказки, содержащія древнійшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся черезъ пересказыванье въ памяти приключенья“, Чулкова, 61 — 62, 65, 67, 68, 69, 72, 74, 75, 80, 88.</p> <p>Рыльевъ, Кондратій Федоровичъ — 45, 149, 166, 168, 179, 182.</p> <p>„Рѣшилъ Фигляринъ, сидя дома“, стих. Пушкина — 13, 14.</p> | <p>Рябинина, Алекс. Михайл. — см. Пущина.</p> <p>Сабанѣва, Е. А. 107.</p> <p>Сабуровъ, Андрей Ивановичъ — 156, 183.</p> <p>Сабуровъ (Я. Н.?) 86.</p> <p>Сазоновъ, Фабр. 44.</p> <p>Салтыкова, графиня Александра Григорьевна — см. Колошина.</p> <p>Салтыковъ, М. Е. 51.</p> <p>Сарачинская, Екатерина Михайловна, рожд. Голенищева-Кутузова 186.</p> <p>Сарачинскій, Илья Степановичъ 158, 186.</p> <p>Свербеевъ, Д. Н. 164, 175.</p> <p>Сверчковъ, ротм. 196.</p> <p>Свінинъ, Петъръ Павловичъ — 117, 162.</p> <p>„Сегодня я поутру дома“, стих. Пушкина — 5.</p> <p>Сай, Жанъ-Батистъ — 93, 137, 138, 180.</p> <p>Селезневъ, И. Я. 196.</p> <p>Семевскій, В. И. — 168.</p> <p>Семеновъ, Николай Петровичъ — 196.</p> <p>Семеновъ, Петръ Петровичъ — 196.</p> <p>Семеновъ, Степанъ Михайловичъ — 96, 117, 118, 119, 125, 133, 136, 138, 139, 164, 165, 175.</p> <p>Сенявинъ — 176.</p> <p>Сиповскій, В. В. 58, 84.</p> <p>Сисмонди, — 93, 137, 138, 180.</p> <p>Сихлеръ, ш-ше — 16.</p> <p>„Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“, Пушкина 82.</p> <p>„Сказка о мертвомъ царевнѣ“, Пушкина 82.</p> <p>„Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“, Пушкина 81, 83.</p> <p>„Сказка о царѣ Салтанѣ“, Пушкина 82.</p> <p>„Славная флейта, Феонъ“, стих. Пушкина 16.</p> <p>„Славянскія древности“, 65, 66, 67, 68, 69, 72, 81, 83.</p> |
|---|--|

- „Слово о полку Игоревѣ“ — 36.
Смирновъ, Никол. Мих. — 24.
Смить, Адамъ — 180.
Соболевскій, Дмитрій Михайловичъ, худ. — 95, 126, 172.
Соболевскій, С. А. — 103, 104.
„Современникъ“, ж. Пушкина 85 — 89.
Соединенныхъ Славянъ ложа — 93.
„Созданіе міра“, отрывокъ Пушкина 22.
„Сокращеніе, учиненное изъ лѣтописи деревни Кверлеквичъ“, соч. Рабенера. 50 и сл.
Соломонъ, штабъ-лѣкарь, 110.
Сонцовъ М. М. 103,
„Сонъ“, стих. Пушкина — 79.
Соротъ, рѣка — 188, 189.
Спиноза — 164.
Срезневскій Вс. Изм. 88, 46.
„Стамбуль гауры нынѣ олавятъ“, стих. Пушкина 16.
„Стансы“ (Въ надеждѣ славы и добра), стих. Пушкина 8.
Стахій, протоіерей 181, 178.
„Стихи, сочиненные ночью, во время бесконечности“, Пушкина 14.
„Странникъ“ (Изъ Буньяна), стих. Пушкина 17.
Страховъ, Н. Н. 47, 48, 49.
Сукинъ, Александръ Яковлевичъ — 178.
Сумцовъ Н. Ф. 81, 82.
Сѣмечкина Тат. Бор., рожд. Данзасъ — 95, 115, 116.
„Сѣтованія“, стих. Пушкина 4.
Сыганъ-лу, горный хребетъ — 11.
- „Таврическая звѣзда“, стих. Пушкина — 3.
Талисманъ, стих. Пушкина 8, 9.
Тассо 63.
Татищевъ, гр. Александръ Ивановичъ 133, 179, 183.
Тверь — 32.
Тимашева, Е. А. 107.
Титовъ, А. А. 172.
- „Тогда я демоновъ увидѣлъ“, стих. Пушкина 16.
Толстая, Агр. Степ. 103.
Толстой, гр. Егоръ Петровичъ 120, 170.
Толстой, гр. Ив. Петр. — 120, 170.
Толстой, Я. Н. — 36, 37, 98.
Толь, гр. Ф. К. — 176.
„Только что на проталинахъ весеннихъ“, стих. Пушкина 7.
Тормасовъ, гр. — 166.
Тригорское, село 187, 189.
Тройницкій, А. Г. — 196.
Тройницкій, Г. А. — 196.
Трубецкая, княгиня Нат. Ив., рожд. гр. Лаваль, 182.
Трубецкой, кн. Никита Петр. 165.
Трубецкой, кн. Сергѣй Петровичъ — 98, 147, 163, 165, 180, 181, 182.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ — 101, 165.
Тургеневъ, Николай Ив. — 163, 165.
Туркестанова, княжна В. Н. 102.
Тучковъ, Алексѣй Алексѣевичъ 127, 175.
Тучковъ, П. А. — 92.
„Ты рождена воопламенять“ (Грецакъ), стих. Пушкина 40.
„1001 ночь“, сказки 82.
Тьерри — 49.
Тютчевъ, Иванъ Николаевичъ 158, 185.
Тютчевъ, Николай Ивановичъ 185.
Тютчевъ, Федоръ Ивановичъ 185.
- Уваровъ, А. Ф. генералъ 91.
Уваровъ, С. С. 85, 86.
„Увы, зачѣмъ она блеститъ“, стих. Пушкина — 40.
„Узнаемъ коней ретивыхъ“ (изъ Анакреона), стих. Пушкина — 18.
Улыбашевъ, членъ „Зеленої Лампы“, 98.
„Урну съ водой уронивъ“, стих. Пушкина — 12.
„Уродился я бѣдный недоносокъ“, стих. Пушкина 28.

- Урусовъ, князь Михаилъ Александровичъ 122, 171.
Ухтомская, княг. Марья Дм., рожд. кн. Голицына, 103.
Ухтомскій, князь Александръ Ивановичъ 103.
Ушаковъ, Алексѣй Павловичъ 156, 183.

„Фигляринъ пишетъ, сидя дома“, стих. Пушкина — 15.
Флоріанъ — 62.
Фокъ, Екатерина Ивановна, рожд. Осипова, 188, 189.
Фонвизина, Наталья Дмитріевна, рожд. Апухтина, 170, 171.
Фонвизинъ, Дмитрій Михайловичъ, 171.
Фонвизинъ, Михаилъ Александровичъ — 120, 121, 122, 143, 170, 172.
Фонвизинъ, Михаилъ Михайловичъ, 171.
Фурье 149.
Фуррье 114.

Херасковъ, Мих. Матв. — 61, 83.
Хитрово, Елиз. Мих. — 23.
Хованская, кн. Марья Сергеевна — см. Карь.
Ховрина, Александра 114.
Ховрина, Лидія 114.
„Хотѣлъ я душу оставжить“, стих. Пушкина 16.
„Хотя стишки на именины“, стих. Пушкина 37.
Хотянинцевъ — 177.
„Художнику“ (нат: Грустенъ и веселъ вхожу“), стих. Пушкина — 19.

Царское Село, 11, 25, 29.
„Царь-дѣвица“, Державина 78, 83.
„Цезарь путешествовалъ“, отрывокъ, Пушкина 21.

Чаадаевъ, П. Я. — 85, 96.
Черкаскій, князь Ал-ръ Борис. — 158, 159, 160, 185.
Черкаскій, князь Петръ Дмитріевичъ — 94, 95, 96, 118, 126, 142, 168, 175, 185.
Чернышевъ, кн. Александръ Ивановичъ 183, 167, 179.
Черняевъ, Н. И. — 49, 50, 60.
„Чиновникъ и поэтъ“, стих. Пушкина — 17.
„Чистый лоснится поль“ (изъ Ксенофона Колофонскаго), стих. Пушкина 17.
Чичеринъ, генералъ 141.
Чичеринъ, Б. Н. 90, 111.
„Что же сухо въ чашѣ дно?“ (Одъ LVII. Изъ Анакреона), стих. Пушкина 18.
„Что съ тобой, скажи мнѣ, братецъ“, стих. Пушкина 3.
Чулковъ, Мих. Дм. — 61, 62, 63, 64, 65, 68, 73, 75, 79, 80, 81, 83.

Шапошникова, Марія Михайловна (по мужу Зубкова) — 91.
Шапинъ, аббатъ — 30.
Шахматова, Евгenia Александровна — см. Масальская-Сурима.
Шаховская, княгиня Елиз. Александр., рожд. Муханова — 169.
Шаховской, кн. Валентинъ Михайловичъ — 120, 169.
Шаховской, кн. Федоръ Петров. 92, 98, 125, 135, 137, 144, 172, 176.
Шевырева, рожд. Зеленская — 173.
Шевыревъ, Степ. Петр. — 173.
Шекспиръ — 26.
Шенрокъ В. И. — 171.
Шервудъ-Вѣрный — 184.
Шереметева, домовл. — 109.
Шереметева, Анастасія Васильевна — см. Якушина.
Шереметевъ, Алексѣй Васильевичъ — 185.
Шереметевъ, В. А. — 180.
Шефферь, Петръ Николаевичъ — 60, 61, 75.
Шильдеръ, Н. К. 168, 175.
Шишковъ 178.
Шишковъ, А. С. 89, 171.

- | | |
|---|---|
| <p>Шишкинъ, Семенъ Ардашоновичъ — 122, 171.</p> <p>Шляпкинъ, Илья Александр. 3, 6, 16, 20, 87.</p> <p>Шокальская, Екатерина Ермолаевна, рожд. Кернъ, 189.</p> <p>Шокальскій, Юлій Мих. 195.</p> <p>Штейнгель, баронъ В. И. 96, 98, 117, 166, 179, 181, 182, 188.</p> <p>Штурманова, Елизавета Федоровна, рожд. Пушкина — 99, 101, 102.</p> <p>Штурмановъ, Алексѣй Александровичъ 101.</p> <p>Шульгинъ, Александръ Сергеевичъ 169.</p> <p>Шульгинъ Дмитрій Ивановичъ 119, 169.</p> <p>„Щастливъ, кто избранъ своимъ рвно“, стих. Пушкина — 9.</p> <p>Щеголевъ, Пав. Елисѣев. — 163, 176.</p> <p>Щербаковъ, В. Ф. — 104.</p> <p>Щербатовъ, кн. А. Л. 102.</p> <p>Щербининъ, Михаиль Андреевичъ — 3.</p> <p>Щукинъ, Петръ Ивановичъ — 177, 181, 184.</p> <p>Щулепникова Марья Александровна — см. Бакунина.</p> <p>„Экспромптъ Гнѣдичу“, Пушкина — 86.</p> <p>„Элегія“ („Безумныхъ лѣтъ угасшее въселье“), стих. Пушкина 12.</p> | <p>„Элегія“, нач. „Простишь ли мнѣ ревнивыхъ мечты“, стих. Пушкина — 41.</p> <p>„Элегія“, нач. „Увы, зачѣмъ она блеститъ“, стих. Пушкина — 40.</p> <p>„Юдиѣ“, стих. Пушкина — 17.</p> <p>„Юноша, скромно пируй“, стих. Пушкина — 16.</p> <p>Юсуповъ, кн. Н. Б. — 172.</p> <p>„Я думалъ, сердце позабыло“, стих. Пушкина 29 — 30.</p> <p>„Язвительный поэзъ, острякъ замысловатой“ (Кн. П. А. Вяземскому), стих. Пушкина — 5.</p> <p>„Я знаю край“, стих. Пушкина — 9.</p> <p>Якобсонъ, Г. Г. 112.</p> <p>Яковлевъ, 158.</p> <p>Якубовичъ, Александръ Ивановичъ — 146, 149, 150, 151, 152, 154, 177, 180, 181, 182.</p> <p>Якубовичъ, Ив., отецъ декабриста, 149.</p> <p>Якушкина, Анастасія Васильевна, рожд. Шереметева — 185.</p> <p>Якушинъ, Иванъ, Дмитріевичъ 121, 162, 163, 166, 169, 170 — 171, 178, 185.</p> <p>Янькова, Е. П. 102, 108, 106.</p> <p>„Я помню деву, юности прелестной“, стих. Пушкина 14.</p> <p>„Я помню чудное мгновеніе“, стих. Пушкина — 6.</p> |
|---|---|

